

Давыдов Валерий Николаевич

Байкальские истории

старт 01.06.01

Слюдянка
финиш 9.08.01

Байкальск

Иркутск

Листвянка

Б. Голоустное

31.07.01-
02.08.01

Посольское

Бабушкин

7.06.01

14.06.01

26.07.01 MPC

Онгурен

22.07.01

Турка

Гремячинск

Карта района
одиначного байдарочного
путешествия по периметру
озера Байкал
летом 2001 года

Давыдов Валерий Николаевич
1940-2010

Байкальские истории

Новосибирск, 2015

Давыдов Валерий Николаевич, 1940-2010

Байкальские истории

Новосибирск, 2015

Книга была задумана, как описание впечатлений автора, совершающего одиночное путешествие на байдарке вокруг озера Байкал. Автор делится мыслями и воспоминаниями со своим виртуальным спутником Николаичем и ведет разговоры с живущими на берегу людьми.

Одиночный поход изначально планировался, как возможность собрать материал для этой книги. Он не преследовал спортивных целей. Задачей было наиболее полно пообщаться буквально с каждым человеком, встречающимся на побережье. В ходе таких бесед было записано несколько часов аудиозаписей. К сожалению, автор не успел завершить работу, и книга обрывается на половине.

Параллельную линию повествования ведут дневниковые записи с первого до последнего дня похода.

Само путешествие состоялось летом 2001 года. Это было первое известное на сегодняшний момент успешное прохождение озера вдоль береговой линии за один сезон. Пройденное за семьдесят дней расстояние составило 2085 километров по уникально красивым местам Байкала. Возможно, представленный в книге фотоматериал позволит читателю прикоснуться к волшебству этих мест или даже натолкнёт на мысль посетить Славное море лично.

Глава 1

Слюдянка, минералогический музей, глава Слюдянского района, старт, Байкальск, Выдрино

Станция Слюдянка, май 2001

Ранним утром двадцать девятого мая 2001 года из купированного вагона поезда «Россия», Москва – Владивосток, на станции Слюдянка вышли два уже далеко не молодых человека. Одежды они были почти одинаково, по-походному, с небольшими, но довольно увесистыми рюкзаками. Несмотря на раннее утро по перрону сновали местные жители и наперебой предлагали пассажирам омуля.

- Кому горячего копчения?
- Кому холодного?
- Кому соленья?

В воздухе смешались запахи рыбы, расцветающей черемухи и еще чего-то непонятного.

- Николаич, чем это пахнет кроме рыбы и черемухи?

– Байкалом, – ответил Николаич.

Удивительно легким движением вскинув рюкзак на плечо, Николаич, махнув рукой в сторону Байкала, сказал:

– Пойдем, поздороваемся.

Мы обогнули каменное здание старинного вокзала, и вышли на небольшую привокзальную площадь. Ниже, в сторону Байкала, стояла деревянная церковь, перед которой разбит небольшой скверик. Наше внимание привлек мраморный крест, установленный в скверике между зданием вокзала и церковью. Подошли к кресту, на котором высечена надпись: ”Униженные да возвысятся”.

Памятный крест жертвам политических репрессий установленный близ Никольской церкви

в небольшом парке, разбитом непосредственно на берегу. Парк от Байкала защищен невысоким бетонным парапетом. Перебравшись через парапет, мы оказались непосредственно у воды. Николаич зачерпнув пригоршней, отхлебнул воды.

– Ну, здравствуй, Байкал. Вот мы и добрались до исходного пункта нашего путешествия.

Солнце еще не взошло, но алая заря от восхода уже отражалась на зеркальной глади озера.

– Красотища-то какая, – выдохнул Николаич и надолго в задумчивости умолк.

Слева от нас виднелась южная оконечность Байкала с раскинувшимся в той оконечности поселком Култук.

– Николаич, а что означает КУЛТУК?

Молча стояли мы у креста, чувствуя, как сильно цепляет за душу эта короткая надпись.

– Как думаешь, Николаич, кому предназначается надпись? Красным или Белым?

– Думаю и тем и другим.

Постояв еще немного, мы обошли церковь и очутились

– С бурятского это переводится как УГОЛ, а буквально – ПОД-МЫШКА.

– Откуда знаешь?

– Да, я почитай вот уже 20 лет минуло, как собираюсь на Байкал, изучаю различные печатные материалы о нем. Вот только никак трех месяцев свободного времени не находилось. А сейчас вышел на пенсию, ты тоже, вот и нашлось у нас свободное время, чтобы попутешествовать по этому уникальному водоему на Земле.

Ну, а откуда знаю много о Байкале, так читался за столько лет книг, журналов и газетных статей о Байкале.

А знаешь, впервые я проезжал Байкал еще по Кругобайкальской железной дороге в декабре 1953 года тринадцатилетним пацаном. Вон видишь противоположный берег? Так вот там у самой кромки воды и проходит эта Кругобайкальская железная дорога, построенная в самом начале двадцатого века. Наша семья ехала по вербовке, так назывался тогда организованный набор рабочих, на лесоповал. Ехали мы в теплушке из Краснодара до Приморья больше двадцати суток.

Теплушка – это грузовой вагон, так называемый «пульман», с наколоченными в нем двухъярусными нарами. Посреди вагона непрерывно топилась докрасна раскаленная «буржуйка», а в дальних углах во сне волосы вмораживались в образующуюся на стенах наледь.

Бюст И.В.Сталина, создан в 1935 году, взорван в 1956

Ехало нас в теплушке человек сорок. Семьи с детьми, но помню, маленьких детей не было. Да маленьким бы в такой дороге и не выжить. Где-то, подъезжая к Байкалу, долго дежурили у щелочки приоткрытой двери теплушки, боясь пропустить огромный барельеф Сталина, высеченный на скале горы художником-заключенным. Подъезжая к этому месту, машинист паровоза дал долгий пронзительный гудок, и все пассажиры со-

става с благоговением смотрели на проплывающий мимо барельеф. Позже, в годы критики культа личности, этот барельеф взорвали. А зря. Не дело это – историю править и переписывать.

Николаич замолчал.

Мы смотрели на выплывающий из-за гор противоположного берега багряный диск солнца. По байкальской глади пролегла алая солнечная дорожка.

– Как думаешь, багаж наш пришел?

– Пойдем, узнаем.

Мы вернулись на вокзал. Отыскали сонную хозяйку багажного отделения. На наше удивление, багаж пришел. Николаич обрадовался столь четкой работе железной дороги.

– Обещали через пять дней? – Получите через пять.

– Пойдем-ка, отыщем тут в Слюдянке одного уникального мужика – хозяина частного музея минералов – Жигалова.

– Так рано еще.

– Ничего побродим, познакомимся со Слюдянкой. Кстати, а знаешь, почему этот поселок называли Слюдянкой?

Потому что в конце девятнадцатого века здесь добывали слюду. Вот обрати внимание – все обочины дорог усыпаны блестящей крошкой. А после войны в 50-х – 60-х годах потребность в слюде резко сократилась, что привело к закрытию этого промысла.

Мы побродили еще около часа по улочкам Слюдянки. Надо отметить, что они оставили у нас хорошее впечатление. Асфальтированные дорожки с зелеными насаждениями, небольшими уютными скверами. В одном из них разбита аллея в память о работниках жилищно-коммунального хозяйства.

Открылся центральный рынок. Мы отыскиали людей постарше, раскладывающих на продажу свой нехитрый товар: зелень, лук, редис.

– Не скажите, где тут живет Жигалов?

Нам указали на торчащую вдалеке металлическую трубу котельной и сказали, там спросите. Пройдя километра полтора-два, мы очутились на улице Слюдяной, где в дальнем ее конце увидели у металлической калитки высокого забора вывеску ”ЧАСТНЫЙ МУЗЕЙ МИНЕРАЛОВ ЖИГАЛОВ и К”. В калитке был глазок и рядом звонок.

Позвонили. Долго не было ответа, пока из другой калитки не вышла молодая женщина и спросила:

– Вы к Жигалову?

– Да.

– Его сейчас нет, но скоро будет. А вы откуда?

– Мы с Урала.

– Тогда проходите и подождите, посмотрите пока каменный сад.

Действительно, внутри двора был разбит каменный сад. Дорожки выложены битыми осколками мраморной плитки. Огороженные бордюрами небольшие террасы ”усеяны” глыбами минералов, размером от нескольких килограммов до нескольких сот килограммов. Мы с Николаичем с огромным удовольствием рассматривали глыбы нефрита, апатита, лазурита, амазонита, чароита, датолит-волластонитового скарна, окаменелого дерева и многих других минералов. Видно было, что всё это богатство минералов, расположено хозяином каменного сада с душой и любовью.

Прошло не так уж много времени, как в открывшейся калитке появился невысокий человек с седой бородкой, очень подвижный с пронзительно-изучающим взглядом.

Познакомились.

– Жигалов Валерий Алексеевич.

– Николаич, представился мой попутчик. Мы наслышаны о Вашем музее, Валерий Алексеевич, ещё на Урале. Приехали познакомиться и посмотреть на Ваше собрание минералов.

Хозяин как-то очень доброжелательно пригласил нас в своё минералогическое хозяйство. А хозяйство его составляет целый гектар земли, огороженный каменным забором. Внутри забора красиво расположен, упомянутый выше каменный сад, гостиницы по обе стороны, в глубине здание музея, справа – новый строящийся двухэтажный дом, за ним старенький одноэтажный домишко, в котором в настоящее время и живет Жигалов с женой Любой.

Невысокая, суховатая, удивительно подвижная женщина мететором мелькала по двору усадьбы и, бросая на ходу фразы, быстро пропадала из поля общения.

– Ну, отдохайте с дороги, а вечером, если пожелаете, банька. Только учтите, услуги у меня платные.

Мы с Николаичем с удовольствием приняли предложение и, разместившись и отдохнув в гостинице стали готовиться к бане. Баня, на удивление наше, представляла собой просто моечное помещение. Горячо натопленное, без каменки, с баком горячей воды и подведенным трубопроводом холодной воды. В нашем уральском понимании это была не совсем баня, а скорее моечное помещение, в котором было

тепло и была горячая вода. Помывшись, мы с Николаичем с удовольствием вышли в каменный сад. Из-за гор вставала огромная луна, и всё озарялось лунным светом. Вышел Валерий Алексеевич, и мы долго беседовали с ним о смысле жизни, о боге, о религии. Удивительное у него мировоззрение об этом. Он наизусть цитировал выдержки из Библии и тут же критиковал противоречивые моменты её содержания.

продолжались жить далее. -13-
Всё и полугаётся, на мой взгляд,
это смысл жизни заключается
в стремлении человека создать ту
крупицу реального, которую можно
вложить в общую копилку ценностей
Человечества.

Валерий Алексеевич с юбкой
принял участие в беседе на Николаича
и спросил.

- Ну, а если человек не создал
этой крупицы, тогда что?

- Тогда он должен сказать себе
в последний час, что жизнь прожита
высшей ценой. Но, я думаю, таких людей
в Человечестве значительно меньше,
поэтому, что известные
заповеди: вырастить ребенка,
попробовать поле и посадить дерево
выполняющей подавляющим большин-
ством живущих на Земле людей.

- Поздно, мушкетеры, сказал я,
поздно уже поделиться опытом. А
завтра мы будем изгнаны ~~оттуда~~

– Ты веришь в Бога?

– Скорее нет, – сказал я, – чем да.

– Вот и я тоже. Сколько не задумываюсь над этим вопросом, всегда прихожу к мысли, что это выдумка для людей. Всё это, на мой взгляд, придумано для того, чтобы люди могли поверить в загробную жизнь, в то, что где-то за пределами человеческой – земной жизни существует нечто, что спасает их непонимание того, что происходит за гранью смерти.

Николаич, слушая нас внимательно, вступил в разговор. Вы так интересно обсуждаете эту проблему, что я не удержусь высказать своё мнение.

Я думаю Жизнь – есть Человек,

А Человек – есть Жизнь.

Я имею в виду осмысленную, сознательную жизнь, а не жизнь животных. То есть, умер Человек – с ним и умерла его Жизнь. А всё, что он успел за свою жизнь сделать, написать, построить, изобрести, открыть, наконец, всё это остается людям, продолжающим жить далее.

Вот и получается, на мой взгляд, что смысл жизни заключается в стремлении Человека создать ту крупицу реального, которую можно вложить в общую копилку ценностей Человечества.

Валерий Алексеевич с хитрым прищуром посмотрел на Николаича и спросил:

– Ну, а если Человек не создал этой крупинки, тогда что?

– Тогда он должен сказать себе в последний час, что жизнь прожита впустую. Но, я думаю, таких людей в Человечестве значительное меньшинство, потому что известные заповеди: вырастить ребенка, построить дом и посадить дерево выполняются подавляющим большинством живущих на Земле людей.

– Ладно, мужики, – сказал я, – поздно уже, пойдёмте спать. А завтра мы будем изучать твой музей, Алексеевич.

В номере гостиницы было довольно уютно. Кроме двух кроватей стояли два кресла, столик, диван и два книжных шкафа. На стенах висели картины в рамах, как выяснилось позже, подаренные авторами Валерию Алексеевичу. Я полюбопытствовал относительно содержания книжных шкафов – там стояли в основном любимые книги нашей молодости 1960-х, 1970-х годов.

– Пойдём Николаич, перекурим перед сном.

Курить, нам объяснили, можно только в специально отведенном месте: в углу у калитки потому, как в каменном саду поддерживалась образцовая чистота.

Время приближалось к полуночи, было достаточно прохладно, чистое безоблачное небо предвещало на завтра хорошую погоду.

С утра мы пошли знакомиться с музеем. То, что мы увидели, превзошло все наши ожидания. Музей минералов был просто великолепен.

С большим художественным вкусом и любовью к камню были выполнены стенды. Каждый стенд представлял какой-либо регион России или других стран.

Все образцы имели указатели на русском и английском языках. Оригинальная подсветка представляла образцы в лучшем виде.

– Валерий Алексеевич, сколько же лет понадобилось, чтобы собрать такую красоту?

– Более двадцати лет. Когда закончил Бузулукский лесной техникум я, будучи наслышан о Байкале, по распределению поехал работать в эти края. Долгое время занимался художественной фотографией, устраивал выставки, печатался в газетах. Дважды путешествовал по Байкалу, побывал в самых интересных местах. Много снимал фотографий и слайдов.

– Ну, а к камням-то как пришёл? – спросил Николаич.

– К камням. Да подобрал однажды красивый камушек, принёс в редакцию, показал – не оценили. Но сказали, что камнями в Слюдянке многие занимались и имели хорошие коллекции и что вообще здесь минералогический рай. Заинтересовался. Стал изучать, расспрашивать, лазить по старым копиям и шахтам. И знаете, затянуло. И вот почитай за двадцать лет столько я этих камней перелопатил. Не поверите – сотни тонн.

В шурфах пятиметровой глубины днями сидел и когда они обваливались, не знаю какая сила меня наверх выносила. Много-тонные глыбы мрамора кувалдой крошил, чтобы отыскать вот эти кристаллы. Он показал на образцы, где из мрамора на узкой шейке торчали алые кристаллы шпинели.

Николаич, будучи сам с Урала и немного разбирающийся в минералах, спросил:

– Валерий Алексеевич. Ну, ведь тут минералы почитай со всего Мира представлены. Как добывал-то?

– Так бывало, в месяц тоннами посылки рассылал по странам и получал обратно посылки. Вот был случай. Собрал минералы и поехал в Германию, так на пять тысяч долларов продал. И что думаете, я оттуда деньги привёз? Нет. Я привёз на эту сумму камней. Вот так и добывал. А потом надо было изучать минералогию, систематизировать, составлять каталоги. Спасибо жене моей, Любе. Во всём понимает меня и помогает.

Вдруг в нагрудном кармане Валерия Алексеевича затрещал телефон.

– Ну, мужики, вы продолжайте смотреть, а я пошел встречать очередную иностранную делегацию.

Мы продолжали любоваться минералами, как во дворе появилась делегация, состоящая из одного огромного негра и семи или восьми женщин европейского вида.

Как оказалось это семь жен негра и одна переводчица. Люба стала рассказывать им о музее, образцах, а мы с Николаичем удалились, дабы не мешать своим присутствием.

Позже, обратившись к Валерию Алексеевичу, я сказал:

– А мы тебе привезли с Урала несколько образцов горного хрусталя, найденные Николаичем под городом Белорецком у поселка Тирлянского.

– Да, – оживился Алексеевич. – Показывайте.

– Только вот нам как-то неловко глядя на ваше великолепное собрание и показывать-то.

– Ничего, все минералы имеют право на жизнь и собственное достоинство, – ответил Алексеевич.

И я вынул из рюкзака, завернутые в тряпочки, четыре небольших кристалла горного хрусталя. Алексеевич внимательно осмотрел каждый из них и спросил:

– Вы что, все их мне презентуете?

– Да, конечно.

Тогда он взял один из образцов и сказал.

– А вот этот я сейчас же поставлю в музей.

Образец представлял собой два сросшихся параллельно кристалла, огранённые с обеих концов. Один кристалл был чуть подлиннее и потолще другого, а между ними под углом вверх вырос ещё один небольшой кристалл. Алексеевич подержал образец на ладони и сказал:

– Папа, мама и сыночек.

Резко повернувшись, он пошёл в музей. Мы последовали за ним. Подойдя к одному из стендов, он определил образцу место и осторожно установил его. Мы с Николаичем испытали чувство радости и гордости за то, что и наш образец, пусть один, пусть небольшой, но будет тоже украшать этот замечательный музей минералов.

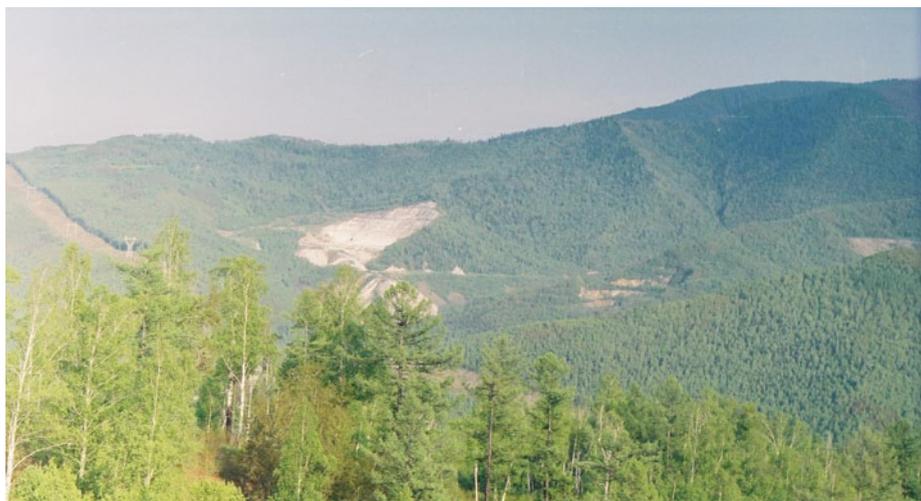
– Алексеевич, а можно нам где-нибудь тут недалеко покопаться, чтобы самим найти что-нибудь из минералов для собственной коллекции.

– Нет ничего проще, чем покопаться. А вот найдёте чего или нет – это уж как повезёт, знаете ли.

И он хитро улыбнулся.

– Тут вот недавно у меня была одна дама из Мюнхена, так она тоже изъявила желание покопаться в старых отвалах. И представьте себе, нашла неплохие образцы дендритов. Где она нашла их, не знаю. Но, как говорится, новичкам везёт.

Вооружив нас необходимыми инструментами, Алексеевич указал место на соседней горе и проводил нас словами – копайтесь на здоровье. Мы с Николаичем, перекусив слегка, отправились на раскопки. Перейдя речку Слюдянку и поднявшись наполовину горы, мы очутились перед входом в старую полуобвалившуюся выработку в горе. Вокруг были заросшие деревьями старые копи и отвалы. Мы наугад стали потихоньку разбирать ближайший отвал. Но шла всё пустая порода.

Горные выработки Слюдянки

Поменяв ещё три-четыре места, наконец, стали попадаться зелёные осколки кристаллов апатитов. Мы так увлеклись, что не заметили, как стало вечереть, а в кулёчке нашем уже была солидная кучка осколков кристаллов апатита.

По возвращению Валерий Алексеевич предложил просмотреть нам книгу «Путешествие в страну мраморных гор». Книга написана тремя иркутским авторами Станиславом Гольдфарбом, Анатолием Кобенковым и Арнольдом Харитоновым. Книга состоит из двух частей: первая часть – история, вторая – современность. Во второй части собраны очерки о лучших людях Слюдянского района. И том числе там есть очерк о Валерии Алексеевиче Жигалове. На обложке книги среди пяти помещенных фотографий красуется и портрет Жигалова. Ознакомившись с книгой, я высказал желание приобрести её.

– Не знаю, сказал Алексееич, продаётся ли она, так как за три дня до вашего приезда в Слюдянке была презентация этой книги. – И он показал на первой странице подарочные надписи авторов.

– Я, правда, не пошёл на презентацию – не люблю я всякие такие мероприятия. Люба ходила. А, впрочем, сходите к мэру нашего района, может чего и порешаете.

Назавтра я отправился к мэру района. В приёмной на двери значилось – Корнейчук Любовь Фёдоровна.

– А не посоветуете ли вы мне, молодая симпатичная, в какое время можно у столь занятого человека найти пять минут времени для короткого разговора?

Секретарша внимательно посмотрела на меня – не подшучиваю ли я. Но видимо, окладистая с проседью борода и серьёзный вид внушили ей определённое доверие. Она посмотрела в план дня главы и сказала: Подойдите без пяти минут двенадцать. Любовь Фёдоровна в это время уходит на обеденный перерыв и возможно найдёт для вас пять минут.

В одиннадцать пятьдесят я сидел в приёмной. Действительно Любовь Фёдоровна уже освободилась и вышла в приёмную. Увидев меня спросила: – Вы ко мне?

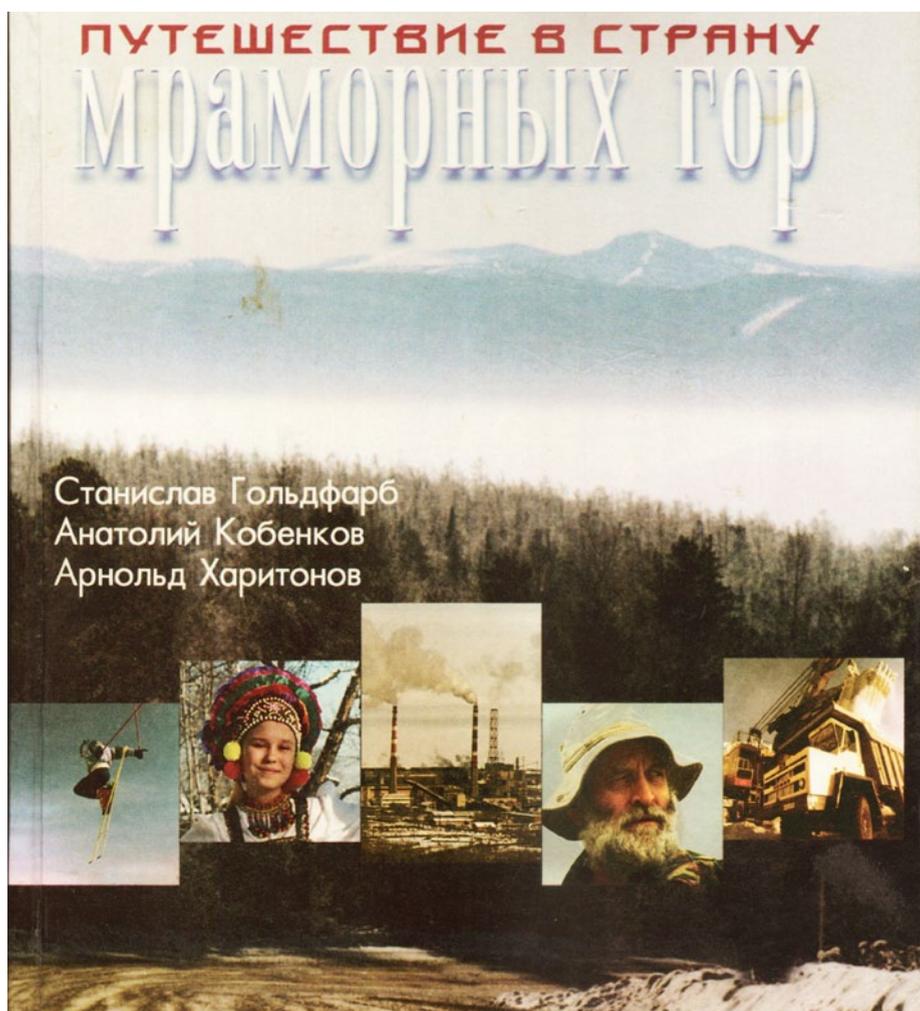
– Любовь Фёдоровна. Не уделите мне пять минут времени?

Она энергично повернулась к кабинету и, открывая дверь, сказала – заходите.

Кабинет был типичным для административного работника, каких мне за жизнь довелось видывать немало. Длинный стол для совещаний и рабочий стол с приставкой для собеседников.

– Слушаю вас внимательно.

Я представился. Рассказал, что собираюсь из Слюдянки начать путешествие на байдарке вокруг Байкала протяжённостью более двух тысяч километров и, что планирую закончить путешествие здесь же в Слюдянке примерно в конце августа месяца. После короткой паузы я продолжил. У Жигалова Валерия Алексеевича, где я остановился, я познакомился с книгой о вашем районе – «Путешествие в страну мраморных гор», так вот я хотел бы приобрести эту книгу – не поможете?

Любовь Фёдоровна помолчала немного.

– Да. На днях у нас была презентация этой книги, а вот Валерий Алексеевич почему-то не пришёл. А мы ещё не организовали продажу этой книги.

А впрочем, я подарю вам свой экземпляр. Она открыла книжный шкаф, достала книгу и, открыв первую страницу, написала: «На память первому путешественнику Страны мраморных гор» 30.05.01г. и расписавшись, протянула её мне. Поблагодарив за столь щедрый подарок, я обратился с вопросом и, если вы не возражаете, записать ответ на диктофон? И я поставил на стол диктофон. Она, внимательно посмотрев на меня, ответила: – «Смотря на какой вопрос».

И я, придумав всё это во время нашего разговора, не задумываясь, спросил:

– Любовь Фёдоровна, в настоящее время всё чаще к хозяйственному руководству сёл, городов, районов приходят женщины. Что это на ваш взгляд? Дань моде, тенденция или неспособность мужчин руководить? И каково ваше мнение по этому вопросу?

– Против мужчин я ничего не имею. И у нас в районе очень много толковых руководителей мужчин. Я думаю, когда женщина становится руководителем, то ей как хозяйке, матери близки и понятны хозяйственные проблемы.

Главное, в моём понимании, это забота о людях, о том, чтобы сделать их жизнь менее трудной и более достойной. А женщина-руководитель очень хорошо понимает эти проблемы и соперничает. Всё очень просто – закончила она свой короткий ответ.

Поблагодарив главу района за уделённое время и подарок, я возвратился в музей Жигалова.

Похваставшись подаренной мне книгой, я попросил Валерия Алексеевича сохранить её и найденные образцы минералов до нашего возвращения из путешествия вокруг Байкала.

Утром наступил намеченный день старта. Мы с Николаичем взялись за подготовку. Упаковали погерметичнее фотоплёнки, аудиокассеты, батарейки к аппаратуре. Сходили и купили кое-что из продуктов. Договорившись с Валерием Алексеевичем о том, что завтра часов в пять утра он подбросит нас до железнодорожного вокзала на машине, завалились спать. Утром рано нас разбудила Люба и, поскольку мы были собраны и упакованы, незамедлительно двинулись к багажному отделению, где находилось наше снаряжение.

Получив снаряжение и погрузив его в машину Жигалова, доехали непосредственно до воды. Жигалов попрощался, пожелав нам счастливого пути, и уехал.

Место, где мы расположились, представляет собой небольшой лягушатник, обрамленный наклонно уложенными бетонными плитами. Лягушатник соединялся с Байкалом неширокой канавкой, прорезающей ограждающий бетонный парапет, через которую был перекинут металлический мостик.

Распаковали багаж, собрали байдарку, упаковали в приготовленные ещё дома мешки снаряжение и продукты. Снарядили байдарку, используя мой многолетний опыт путешествий на этом плавсредстве. Через четыре часа эта работа была закончена. Заняв свои рабочие места: я – рулевым сзади; Николаич – загребным спереди, мы осторожно по канавке вышли из лягушатника в море Байкал!

Понимая всю сложность стоящей перед нами задачи, а именно, пройти по периметру Байкала более двух тысяч километров, и то, что нам предстоит войти в эту же канавку, мы, как истинно неверующие, дружно сказали: – «Ну, что? С Богом!» – и решительно повернули направо.

– Что, Николаич, как говорят, сбылась «мечта идиота»? Вот перед нами весь БАЙКАЛ.

Сегодня первое июня 2001 года и время 10 часов утра. Вперёд, Николаич, и пусть нам встретятся любые, но лишь попутные ветра, – попытался пошутить я. Утро стояло спокойное и лишь небольшая рябь пробегала по поверхности воды.

– Ух, ты! – воскликнул Николаич, плывём как по воздуху.

Под нами на большой глубине ясно просматривалось дно, а впереди в воде отражались берег и облака. Это уже потом мы привыкнем к прозрачности воды и всяким отражениям и не будем обращать на них особого внимания. Но в первые моменты пути это было непривычно и удивительно. Неторопливо помахивая веслами, мы и в самом деле не представляли, что нас ждет впереди на предстоящем пути.

Через несколько часов мы увидели в заливе много больших белых предметов, которые словно огромные белые птицы покоились на воде.

– Что это, Николаич?

– Что-что, льдины плавают.

Лёд на юге Байкала, 1 июня 2001 года

И действительно, подойдя ближе, мы убедились, что весь залив был забит отдельно плавающими рассыпающимися льдинами – остатками недавнего ледового панциря, сковывающего Байкал всю зиму. Как рассказали нам позже, эта зима была очень морозной. Морозы несколько раз доходили до -50°C и лёд образовался на Байкале более 1,5 метров толщиной. Кроме того, весна оказалась запоздалой и вот, как результат, в первых числах июня мы на байдарке словно эскимосы в северных морях шли пробираясь среди льдин. В следующем заливе за мысом нас ожидало ещё более удивительное зрелище. Весь залив сплошь был забит льдинами, над водой поднимался туман, и мы вынуждены были, уходя по кромке льдов в море, терять из виду берег. Оказавшись в густом тумане, стало трудно ориентироваться в направлении движения. Ориентировали нас лишь шум и гудки идущих по берегу железнодорожных составов. Вдруг из тумана по курсу на расстоянии каких-то пятидесяти метров выплывают высокие кедры и лиственницы очередного мыса – мы с Николаичем с облегчением вздыхаем. Хорошо, что ледовое поле не увело нас далеко в море.

И то нам пришлось плутать в густом тумане в поисках нашего единственного ориентира движения – береговой линии. Туман стал рассеиваться, и впереди показались дымящие трубы города Бай-

кальска. Ветер относил дым в нашу сторону и неприятный устойчивый серный запах так не гармонировал с красотой весенней природы и чистой байкальской водой. По мере приближения к Байкальску на воде появилась желтоватая плёнка и масса погибших мух, бегавших раньше по поверхности воды. На дне стали всё чаще попадаться мёртвые бычки-ширики (так их называют местные жители). Справа открылся залив с впадающей в него небольшой речкой под названием Бабха.

– Николаич, что вот это и есть то самый знаменитый, всемирно известный целлюлозно-бумажный комбинат на Байкале (БЦБК)?

– Да, ответил Николаич, таких комбинатов в мире всего три.

– Откуда ты это взял?

– Так я же успел заглянуть в книгу ” Путешествие в страну мраморных гор”, которую ты получил в подарок от Главы Слюдянкинского района. Так вот, оказывается мы с нынешним Генеральным директором БЦБК Валерием Васильевичем Глазыриным учились в одном ВУЗе – Хабаровском политехническом институте.

Только он учился шестью-семью годами позже, так что понятно: лично с ним мы не знакомы. Но приятно хотя бы то, что мы учились у одних преподавателей и лично знакомы с нашим уважаемым ректором Михаилом Павловичем Даниловским.

В упомянутой книге Генеральный директор БЦБК утверждает, что комбинат на сегодня почти полностью перешёл на замкнутый водооборот и что через несколько лет на трубу сброса в Байкал будет поставлена заглушка. А относительно вот этих трёх дымящихся перед нами труб, то на них будут установлены колпаки-уловители, после чего выбросы в атмосферу с условных 20 тонн в сутки снизятся до 1 тонны в год. Вот так БЦБК планирует решать стоящие перед ним экологические проблемы.

По моему мнению, заключил Николаич, БЦБК не закроют потому, что потребителем его продукции является, в том числе, и оборонная промышленность России.

Мы постарались побыстрее миновать мыс, на котором расположен город Байкальск с впадающей тут речкой Солзан, чтобы избавиться от этого неприятного запаха дымящихся труб БЦБК. Но это наше желание, как выяснилось позже, оказалось довольно наивным, так как в зависимости от ветров этот запах и желтый налёт на воде могут встречаться за несколько сотен километров от комбината.

Внезапно зашла огромная туча и пошёл крупный частый дождь. Мы причалили к обрывистому берегу, где рос густой кедр. Вскарabкавшись и удобно устроившись под густой кроной кедра, мы с Николаичем закурили. Внизу живописно прижавшись к маленькой галечной косе, стояла укрытая полиэтиленовой плёнкой наша байдарка. Дождь крупными каплями звонко барабанил по плёнке и с каким-то шипением и бульканьем по бескрайней глади Байкала. Поверхность воды переливалась нежнейшими расцветками бирюзового, изумрудного, голубого, темно-синего и других цветов, образующихся от разного цвета дна, от отражения в воде просветов в облаках, от пробивающихся сквозь разрывы облаков лучей солнца. Мы с восхищением наблюдали эту постоянно меняющуюся в расцветках и формах картину и удивлялись её многообразию и мастерству художника – природы.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Мы поднялись на берег повыше и увидели несколько построек у железнодорожного пути. На одном из них значилось «Остановка пл. 5358 км». Николаич прочитав, пошутил:

– Смотри как далеко от Москвы, а нам ещё более двух тысяч километров топать. Представляешь, как далеко будет от Москвы?

– Но ведь две тысячи километров-то нам по кругу.

– Не важно, всё равно далеко.

Мы спустились с крутого берега, уселись в байдарку и двинулись дальше, надеясь к вечеру добраться до поселка Выдрино.

Немного не дойдя до станции Мурино, мы увидели у железнодорожной насыпи установленный обелиск. Мы и ранее неоднократно наблюдали на берегу Байкала установленные памятники, очевидно, утонувшим в Байкале рыбакам. Но этот обелиск нас заинтересовал своей величиной, и мы решили подойти.

Причалив к бетонному парапету, ограждающему железнодорожную насыпь от разрушения, мы вскарабкались наверх. Обелиск представляет собой усечённую бетонную пирамиду высотой около трёх с половиной метров. Огорожен обелиск скромной металлической оградой. Внутри и снаружи оградка заросла малинником, но видно, что людские руки прикасались к этому месту. Видно посаженные цветы и в углу стоят баночки, очевидно, для полива. На грани пирамиды, обращённой к железной дороге, грубо от руки красной краской выведена надпись: “Они погибли, но победили” и стоит дата 1919 год.

– Николаич, в память кому, думаешь, установлен этот обелиск?

*Давыдов Яков Ильич, Ирбит, 1917,
дед по отцу*

– Я читал об этом. На этом месте произошёл жестокий бой между красными и белыми. Красные отгесняли белых всё дальше на восток. И поскольку у белых тут была более выгодная оборонительная позиция, то наступающие красные потеряли в этом бою очень много бойцов. Вот в память об этих павших бойцах и установлен этот обелиск. Да и надпись этому соответствует.

Мы нарвали букет полевых цветов, положили к обелиску и спустились к Байкалу. Сели на бетонный парапет, закурили и долго молча смотрели на прозрачную воду.

– О чём задумался, Николаич?

– Да обидно за дедов наших. Вот уж считай восемь десятков лет прошло с тех событий гражданской войны, когда одни россияне сражались против других, но и те и другие за будущее России. А теперь выясняется, что всё это было зря. Зря брат шёл против брата, сын против отца. Сколько таких обелисков в стране? Сколько погублено народу? Вот и обидно за дедов наших, что сражаясь друг против друга, они не могли предполагать, что уже их внуки придут к пониманию поставить и тем и другим общий памятник, как борцам за будущее России. Они шли к этому будущему разными путями. Но мало, вероятно, кто знал тогда, что один из путей окажется тупиковым. И вдвойне обидно за то, что сторонники тупикового пути стали победителями.

Вот и получается, что многие из нашего поколения дедов своих не видело, так как они перебили друг друга в гражданскую войну почитай за двадцать лет до нашего рождения. Моего деда по материнской линии расстреляли где-то недалеко от города Чусового. По рассказам бабушки она видела фамильный семейный перстень моего деда на руке одного человека из соседнего села, очевидно, участника расстрела. А деда по отцовской линии убили в перестрелке в 1919 году недалеко от города Кустаная. Его звали Яков Ильич и было ему тогда от роду менее 30 лет.

Шумковы Николай Артемьевич (дед по матери) и Евгения Михайловна, 1903

Николаич замолчал. Закурили, сидя на высоком парапете. За спиной прогромыхал состав, отвлекая нас от давивших представлений о тех далёких боях россиян против россиян и о бесполезно погибших здесь людях – ровесников наших дедов.

– Ладно, Николаич, пошли дальше. Путь у нас с тобой ещё далёк и долог. Мы спустились с бетонного парапета, уселись в байдарку и дружно замахали вёслами мимо Мурино на оконечность мыса под названием Тонкий.

За мысом Тонкий вдруг набежала туча, поднялся ветер и пошёл дождь.

– По всей видимости, это ненадолго, – сказал Николаич, посмотрев на небо. – Давай причалим вон к тому кедру у берега, переждём.

Мы накрыли плёнкой байдарку, встали под кедром. Дерево оказалось с большой густой кроной и у ствола капли дождя не пробивали крону. Закурили. Вокруг на болотных кочках зацвел болотный багульник или как его местные жители называют свинячий багульник. Разглядывая один из цветущих кустов, невдалеке я заметил в середине куста крупные жёлтые цветы.

– Николаич, что это за жёлтые цветы там цветут?

– Сейчас узнаем, ответил Николаич, и, несмотря на крупные капли дождя, пошёл к кусту разглядывать. Рассмотрев и не сорвав ни листочка, Николаич вернулся под кедр несколько удивлённый:

– Это цветёт рододендрон и если бы мы были в горах на высоте полутора-двух тысяч метров, то я бынисколько не удивился. А тут на берегу Байкала с отметкой 456 метров над уровнем моря цветут рододендроны. Просто удивительно, да и только.

Дождь прекратился, и мы пошли дальше.

Вскоре показался мыс Снежный – цель второго дня нашего путешествия. Мыс этот намыт в Байкал рекой Снежной, в устье которой на разных берегах расположены два посёлка: на левом берегу деревня Новоснежная, а на правом посёлок Выдрино.

Поднявшись бечевником до подвесного моста, соединяющего Новоснежную и Выдрино, мы встали на ночлег. С моим тридцатилетним опытом путешествий на байдарке организовать уютный ночлег мне не представляло труда и времени. Через полчаса уже стояла палатка, и у большой коряги горел ко-

стёр со всеми приспособами для приготовления ужина и сушки одежды. Пройдя в этот день более пятидесяти километров, мы чувствовали тяжесть в плечах от работы вёслами, и тем приятнее казался отдых у костра. Поужинали. Закурили. Вечер выдался спокойным с красивым закатом. Рядом катилась красавица речка Снежная.

Бросив окурок сигареты прямо в костёр, Николаич сказал:

– Вот по этой речке Снежной и проходит граница между Иркутской областью и Бурятией. Вон, видишь, два мужика перешли по подвесному мосту в разные стороны? Так вот один из них перешёл из Бурятии в Иркутскую область, а другой наоборот. А впрочем, то, что мы именно на этом месте остановились на ночёвку объясняется следующей историей: Николаич помолчал, как бы вспоминая ту самую историю и затем неторопливо начал свой рассказ.

– Работал я на Урале без малого тридцать лет, начиная с середины 60-х годов, с одним человеком, зовут которого Анатолий Васильевич Белошицкий. Друзьями мы, конечно, не были, но приятелями были хорошими. В те годы, работая в одном коллективе, всегда кроме работы находилась масса общественных, спортивных и других мероприятий. Исполнялись эти мероприятия с энтузиазмом, выдумкой, молодым задором и с огромным удовольствием. Анатолия отличало от нас то, что он первым из сверстников обзавёлся в семье четырьмя детьми и, естественно, чуть позднее стал самым молодым дедом. Этот всегда молодо выглядевший кучерявый с уравновешенным характером человек, вызывал симпатию окружающих людей в любом деле и в любой компании. Так вот, готовясь к путешествию по Байкалу, я как-то при встрече спросил его:

– Анатолий. Ты ведь, кажется, родом оттуда, с Байкала?

И он рассказал мне, что с раннего детства рос, учился и окончил школу в поселке Выдрино, что находится на берегу речки Снежной в месте впадения её в Байкал.

И что здесь в посёлке Новоснежный на улице Тракторной стоит его родительский дом, а живёт в нём его брат Николай и недалеко живут сестра с мамой. Анатолий обязательно просил меня навестить его родственников и воочию пообщаться о том, как живут они на Байкале, а мы на Урале. Так что вот завтра будем встречаться с родственниками Анатолия, закончил своё повествование Николаич.

Утром, собирая свои нехитрые пожитки заметили, как по подвесному мосту идёт женщина в сторону Новоснежной. Николаич окликнул её и попросил передать Николаю Белошицкому, что к нему приехали гости с Урала. Через час, примерно, мы увидели, как к нашему биваку, прихрамывая, приближается человек. Увидев его Николаич воскликнул:

– О! Николай пожаловал.

Подошедший удивился. Откуда вы меня знаете? Николаич представился, сказал, что от брата Анатолия с Урала, да и как же тебя не узнать, ведь вы с братом очень похожи. Уселись поуютней вокруг слегка тлеющего костерка, мы с Николаичем закурили, а Николай оказался некурящим.

– Ну, расскажи Николай как вы и люди в посёлке раньше жили и как живёте сейчас?

Николай помолчал – видно собираясь с мыслями.

– А что, раньше-то пожалуй лучше жили, чем сейчас. Вон видите покосились неработающие козловые краны? И Николай показал рукой на противоположный берег речки Снежной. Так вот здесь в Выдрино был один из крупнейших комбинатов в Союзе по переработке леса. Ежедневно отправлялось по два железнодорожных состава готового пиломатериала. Основная часть населения посёлка была занята на производстве по переработке леса или на связанных с переработкой леса предприятиях. Платили заработную плату. Люди строили себе дома, рожали и растили детей. У нас в семье тоже было шестеро детей. Подросли немного, помогали отцу тоже дом строить. Стоит ещё, ничего. Вот сейчас пойдём ко мне – посмотрите. Росли на берегах этой прекрасной речки Снежной, рыбачили, купались. В общем, это наша Родина. А сейчас больно и обидно смотреть на всю эту разруху. Работы в посёлке нет. Комбинат разрушили полностью. Вот только на железной дороге часть людей занята, да так по мелочам. А остальные выживают, кто как может: хозяйством, рыбалкой. В общем, совсем плохо однако стало. Он замолчал, а затем как бы встряхнувшись, сказал:

– Эх, да что там. Не затем встретились, чтобы горе горевать. Давайте упаковывайте в лодку свои манатки и вниз по Снежной метров 300–400 ниже моста причалите. Я там вас встречу.

Мы упаковались, уселись в лодку; и я потихоньку из тиховода вывел лодку на стремительное течение. Не успели мы по паре раз

вёслами взмахнуть, как пролетели эти 400 метров. Впереди у левого берега рябил мелкий пережат, поэтому отработав вёслами назад и уменьшив ход байдарки вышли в сапогах в воду и аккуратно приткнулись к берегу в небольшом затончике. Разгрузили байдарку. Подошёл Николай с соседом тоже Николаем. Оставили у соседа под присмотром лодку и багаж и, взяв с собой только необходимое, направились к отчему дому Белошицких на Трактовую 12. Только двинулись, как нас окликнули три женщины, сидевшие на бережку под тополем.

– Эй, мужики, давайте к нашему столу. – Оказались знакомые Николая (впрочем, в деревне все знакомые).

Мы подошли. У женщин на полотенце нехитро накрытый стол: сало, зелёный лук, хлеб и самогонка.

– Чего празднуете, бабоньки? – спросил Николай.

– Да вы чо? Вы откуда такие взялись? Сегодня же Троица!

Нам, конечно, с Николаичем стало неловко, что мы за суетой начала путешествия забыли не только про праздник, но и про дни недели. А сегодня оказалось воскресенье, да ещё и Троица. Пришлось порыться в своём рюкзаке, достать запасы спирта и консервов и присоединиться к празднику. Бабоньки после самогона принав спиртику, запевали песняка, а мы заспешили к дому Николая – к баньке.

Перешли по проулку на улицу Трактовую. Николай поясняет нам – Трактовой улица называется потому, что ещё в царские

времена здесь проходил тот самый знаменитый Сибирский тракт, по которому гнали в ссылку заключённых на Шилку и Нерчинск. Здесь когда-то гремели цепи кандалов и окрики конвоиров.

Дом оказался ещё крепким. Усадьба представляла собой: цветник, маленький огородик, теплица, курятник, гараж-мастерская, баня и довольно большой огород картошки.

Валентина – жена Николая встретила нас приветливо.

Натопили баню, напарились, выпили по рюмке, поужинали.

Николай рассказал, что большую часть проработал шофёром на молоковозе, снабжая весь посёлок молоком и зимой и летом. Затем пошёл по инвалидности на пенсию. Подъехал племянник на машине, привёз маму Анатолия и Николая. Познакомились, сфотографировались на память. К глубокому сожалению, эта фотография оказалась одной из последних, если не последняя, потому, что когда пишутся эти строки, мамы Анатолия и Николая уже нет в живых.

Погостив ещё некоторое время у гостеприимных хозяев, мы с Николаичем продолжили свой путь. Валентина дала нам в дорогу два ведра картошки, зелёного лучку, травки всякой съедобной и поджарила румяно колбасу, чтобы подольше сохранялась в пути. Соседи, провожая нас, принесли на берег только что испечённый горячий хлеб. Все искренне пожелали нам счастливого пути, с чем мы и поплыли далее.

Снежная впадает в Байкал несколькими широкими и, естественно, мелкими рукавами. Пришлось потыкаться, поискать выход в море. И когда вышли и повернули направо, нас опять зазывно манил к себе следующий мыс.

26.05 (суббота)

Приехали в Свердловск на автобусе: я, Зоя, Володя Степанов, Сергей Розов, Николай Шингарев, Александр Качев и Игорь Алексеев. Сфотографировались у поезда №2 "Россия" Москва – Владивосток.

Проводы на вокзале Екатеринбурга

Встреча с внуками в Новосибирске, май 2001

29.05

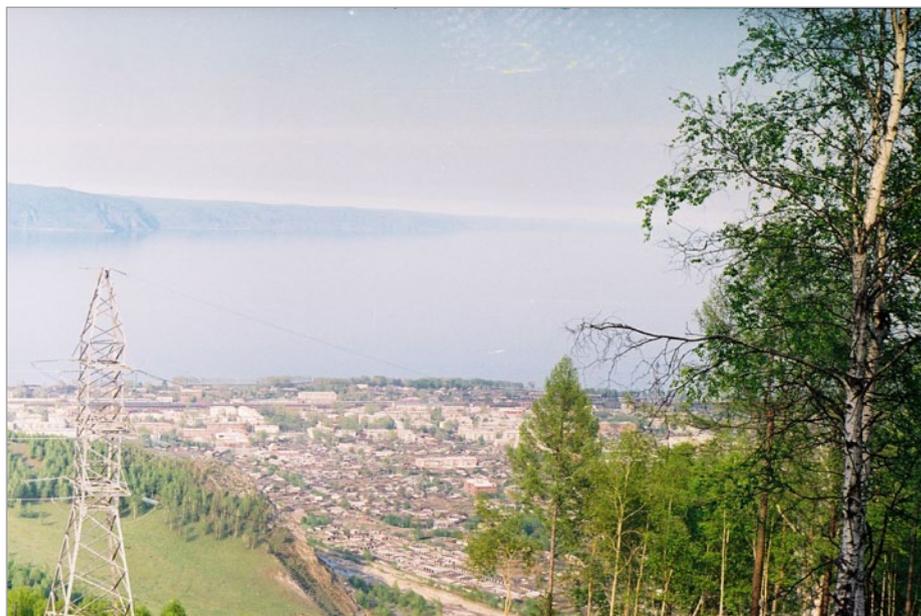
В 5.00 утра по местному времени во вторник я прибыл на станцию Слюдянка, расположенную на юго-восточной оконечности оз. Байкал.

Прекрасный восход, солнечная дорожка, озеро спокойное, прохладно, роса, температура 8°С.

Вышел на берег обмакнул руки – поздоровался с Байкалом. Около двух часов ходил по городу. Нашёл Жигалова Валерия Алексеевича в его усадьбе – музее. Удивительный человек – самодостаточный. Кредо: каждый человек должен что-то сделать задуманное, выразить себя и плевать ему должно на мнение окружающих о нём так же, как наплевал он на бездеятельность людей. Дважды обошёл Байкал по периметру на моторном баркасе (3 человека). Создал музей минералов, которого нет в России (про весь мир не знаю, не видел). Его знают по всей России и за рубежом. Приезжают из разных стран мира. Сама усадьба сделана красиво: дом, баня, гостиница, дом дочери и ещё строится добротный дом. Остановился у него в гостинице дня на три. Душевно побеседовали, попили чайку. Посмотрел коллекцию минералов и каменный сад – обалдеть. Завтра собираюсь сходить по его маршруту и покопать камни.

30.05.2001 г. (среда)

Еле пробился на приём к мэру Слюдянкинского района Любовь Фёдоровне. Приняла она меня достойно. Я задал ей один вопрос, и она охотно ответила. Подарила мне книгу, которая двумя днями до моего приезда в Слюдянку прошла презентацию. И написала автограф: «Первому путешественнику в страну мраморных гор Давыдову В.Н.» и подпись.

Затем ходил копать апатиты, лазил на горы, снял Слюдянку и имение Жигалова.

31.05.2001г. (четверг)

Сходил в город, дал телеграммы домой и Диме. Сфотографировал паровоз, далее собирался. Сфотографировал ребят из Ангарска.

01.06.2001г. (пятница)

Утром в 5-00 выехал с Жигаловым на его чёрной Волге с барахлом на вокзал. Получил багаж, подъехал к берегу. Жигалов уехал. Я с 6-00 до 10-00 упаковался и в 10-10 вышел.

Заночевал у Байкальска.

Больше всего поразило на этом участке встреча со льдинами. Издалека как с белыми большими птицами! И ЭТО 1-го июня!!!

02.06.2001 (суббота)

Планы были на этот день: Байкальск – Выдрино. В заливе Байкальска – льдины. Вокруг (или мимо) Байкальска идти было отвратительно: из труб дымище валит, запах отвратительный – пахнет серой. На дне видел дохлых рыбёшек и вся вода вокруг покрыта жёлтым налётом. Это не пыльца с деревьев, а сера и мириады дохлых мух-водамеров.

Перед Мурино забрался к обелиску у железной дороги. Бетонная пирамидка метра 3-3,5 высотой, простенькая оградка и на грани, обращённой к ж/д (от Байкала) коряво так краской написано: «Они погибли, но победили 1919 г.»

За мысом Тонкий поднялся предгрозового ветер, быстро раскочагал волны, потом стало потише, но пошёл дождь, пришлось скрываться под кедрами. Видел цветущие рододендроны. Потом снова держал дождь. К устью реки Снежной подошёл в 20:30.

30 минут поднимался вверх бечевой и у подвесного моста в 21.00 встал на ночлег. Передавал через людей – брата Белошицкого не нашли, видно уехал куда-то, суббота ведь.

Снимал радугу.

03.06.2001г. (воскресенье)

Днёвка в Выдрино. Привожу в порядок груз. Идёт по мосту женщина, которую я вчера предупреждал о Николае Белошицком. Спрашивает: Никто к вам не пришёл? А тут подходит другая женщина, услышала и говорит: – «Сейчас я Николаю скажу».

Часов в 10, смотрю, идёт хромая Николай. Посидели мы с ним у моего уютного костра, поговорили, немного записал на диктофон. Он, оказывается, живёт в Новоснежной. Николай ушёл вниз, а я, собрав вещички, скатился по Снежной. Они сидят на бережку с ещё одним Николаем. Вытащил лодку, барахло и пошли во двор к другому Николаю. Тянули с бабками на поляночке на берегу Снежной по рюмке самогонки – оказалось, что сегодня Троица. Пошли к отчому дому Белошицких. Познакомились с Валентиной. Подъехал племянник Алексей, живёт в Улан-Удэ. Привозил маму Николая и Анатолия. Сфотографировались, Анатолию накрутили хвоста, что не пишет (накручу). Съездили с Алексеем и Николаем на берег Байкала (...500 м) и сфотографировались на фоне Байкала.

С Николаем Белошицким на берегу Байкала

05.06.2001г. (вторник)

С утра дождь, туман. Выход отложил до обеда. К обеду немного разъяснилось, решил выходить. Пообедали. Валя поджарила в дорогу колбасы, дала ведро картошки, луку зелёного. Пошли к Николаю Ушко, у которого во дворе лежала байдарка. Упаковался, стоим на берегу Снежной, разговариваем о том, как в доперестроичные годы в Выдрино перерабатывали до 1млн 200 тыс. м³ леса, по одному-два состава ежедневно отгружали пиломатериала; по объёму это выходило на 2-ое место в Союзе, гоняли сигарами плоты по Байкалу, работало до 40 кранов на подъёме леса, а сейчас полная разруха. Работало на переработке леса до 3,5тысяч человек. Сейчас в селе все безработные. Вся мощная база разрушена.

Решил отчаливать – прибежала жена Николая Ушко и принесла буханку горячего хлеба – только из печи. Отчалил в 13.15. В бухте Мамай льдины и туман. Льдины отжимают от берега в море туман и ни фигу не видно. Благо стучат и гудят составы справа по курсу. У горбатого моста встретил рыбака на лодке (река Выдрино) он долго удивлялся моей байдарке и не мог понять, как на таком плавсредстве можно ходить по Байкалу. В 18:00 встал на красивом месте у реки Осиновка перед Кедровой.

Глава 2

Горбатый мост, брошенные судьбы

*Горбатый мост через реку Выдреную.
Фото Романа Петрушина, 2010*

Впереди на берегу показалось какое-то сооружение и когда подошли ближе, то оказалось, что это железнодорожный мост через речку, впадающую в озеро. Заметив моё удивление, Николаич сказал:

– Хочешь, расскажу тебе про этот мост и про речку? Мне в селе Выдрино один мужик местный рассказал, когда я телеграмму давать ходил на почту.

Так вот эта речка – Выдриная. По одной из версий назвали её так потому, что когда строили железную дорогу, то в этой речке водилось много выдры. По другой же версии село Выдрино и речка названы по фамилии того инженера, который строил этот участок железной дороги. А мост этот в простонародье называют Горбатым мостом. Фермы, которые ты видишь перед собой – юбиляры, им почти 100 лет. Почему? Да потому, что изначально они были перекинуты через бухточку на Кругобайкальской железной дороге, и Николаич при этом махнул рукой в сторону другого берега Байкала. Впервые поезд прошёл по Кругобайкальской железной дороге где-то в 1904-1905 годах. Позднее в 1914 году вокруг этого опасного места был пробит обводной тоннель, а фермы перевезли на баржах сюда на речку Выдриная, не пропадать же добру. Мы поудивлялись, как в те далёкие времена могли делать такие надёжные сооружения, которые простояли век и, возможно, будут стоять ещё века.

У деревни Кедровая-Сибирская стоит на берегу старое полуразрушенное кирпичное здание, возможно в прошлом и водокачка для железной дороги. Мы причалили. Вышли на берег, и тут наше внимание привлёк предмет, лежащий у самой кромки воды и слегка окатываемый ею. Николаич подошёл, открыл его и это оказался альбом с фотографиями. Картон альбома уже размок, а сами фото находились в отличном состоянии. Мы перелистнули несколько страниц. На нас смотрели молодые симпатичные лица ребят, девушек, детей. Кто-то в солдатской форме. Даты – 1973-1975 годы. И так нам грустно и не по себе стало. Будто бы кем-то выброшена память об этих людях, как и сами люди, как и эта безлюдная деревня, это полуразрушенное здание, как что-то уже более никому и никогда не нужное. Нам захотелось быстрее уйти от этого места и, положив альбом на берегу подальше от воды, мы отчалили. Так состоялась ещё одна не из самых приятных встреч на Байкале. Но, двигаясь вперёд, мы надеялись, что у нас ещё будет много встреч, и верили, что большинство из них будут радостными.

Недалеко от посёлка Танхой встретились с рыбаком Юрием Николаевичем Малышевым. Как выяснилось в разговоре ему 75 лет, но на вид ещё крепкий мужик. Оставив на берегу лодку и нашу байдарку, пошли, с ним к его зимовью, которое располагалось в ложбинке за береговым валом, намытом волнами Байкала. На берегу ещё Юрий Николаевич предупредил нас, что неделю назад его зимовье и весь оборудованный рыбацкий стан кто-то сжёг.

Перейдя через береговой вал, мы увидели жуткую картину последствий пожара. Полностью сгоревшее зимовье, навес кухни, навес для сушки сетей. Кругом валялась разбросанная посуда, чайник, вёдра. Кое-что за неделю ему удалось восстановить. Приладили над костром жутко закопчённый чайник, и Юрий Николаевич рассказывал, как нелегко живётся в эти послесоветские перестроечные годы. Большую часть времени и летом и зимой он живёт здесь, на берегу Байкала в зимовье. Пойманную рыбу сдаёт частным скупщикам рыбы за бесценок. Но только этот доход и позволяет как-то поддерживать домашнее хозяйство, кормиться и главное обновлять сети – основное орудие ловли рыбы. На один два дня в неделю он уходит в деревню, чтобы помочь в чём-то жене по дому. Остальное время проводит за ловлей омуля и в конуре-зимовье, спрятанном от суровых байкальских ветров за береговым валом. Забулькал над костром чайник. Разлили в такие же как и чайник закопчённые кружки тёмную жидкость – чай, заваренный Юрием Николаевичем. Правда на вкус оказался приятным, пахнувший травами, ягодами и ещё чем-то нам знакомым.

– Ну а как раньше-то жили? – спросил Николаич.

– Раньше жилось неплохо. Была работа, платили зарплату, росли дети, и не было особых проблем. А сейчас работы нет и большинство живут тем, что поймают в Байкале. Правда многие всё, что заработают на рыбе, пропивают и часто в нетрезвом состоянии тонут в озере. Видели, сколько памятников стоит на берегу? Это все утонувшим и большинство из них по пьянке. Закурили. Впечатление от разговора создавалось какое-то не радостное. Правда, Юрий Николаевич даже на сгоревшее зимовье особенно не сетовал.

– Да чего там. Всё и так обветшало. Надо всё потихоньку обновлять. Вот к осени, думаю, закончить новое зимовье, да и стан свой обновлю, наведу порядок. На мои оставшиеся годы жизни, думаю, и хватает.

Мы с Николаичем засобирались идти дальше. На прощание подарили ему две пачки сигарет, на что в ответ он достал из ямки-холодильника пару солёных омулей. Юрий Николаевич вышел с нами на берег и долго смотрел нам в след, пока мы не скрылись за очередным мысом. Идём вдоль береговой линии, размеренно помахивая вёслами. При этом скорость хода байдарки составляет 6-7 км в час. Вот так за восемь ходовых часов мы и проходим в день свои намеченные 50 км. Недалеко от посёлка Боярский нас застала непогода. Дождь, шторм. Пришлось две ночи переждать непогоду. В хорошей палатке нам непогода не доставляла больших неудобств. Одно только – приготовить себе еду в непогоду на костре. Да и это нам с Николаичем – опытным походником не составляло особого труда. Необходимо было пополнить запас некоторых продуктов, но и это нас не беспокоило, т.к. впереди в 30-ти км был довольно большой посёлок Посольское, где мы и надеялись это сделать. Для рыбалки место было не очень подходящее, да и погода не рыбачья, так скажем, и поэтому основное время приходилось проводить в палатке за рассказами о всяческих житейских случаях.

Устроившись поудобнее, Николаич завёл разговор о еде.

– Вот ты беспокоишься, что у нас продукты на исходе, а я считаю, что это не совсем так. У нас есть гречка, рис, пшёнка, соль, сахар, чай. Это же считай богатство. Наварим каши и будем сыты.

– Я вот вспоминаю 1947-1948годы. Уехали мы семьёй в 1946 году из города Челябинска в Среднюю Азию, спасаясь от голода. Тогда в Челябинске при 1000 рублёвой зарплате отца, булка чёрного хлеба на рынке стоила 120 рублей. С семьёй с двумя детьми без собственного подсобного хозяйства прожить невозможно.

Вот и собрались мы с родственниками в тёплые края, чтобы не погибнуть с голоду здесь на Урале. Осели мы недалеко от города Ош. Отец работал агрономом. И то в начале, частенько еда состояла из кукурузной лепёшки, воды и соли. Весной, а наступает там она рано – в феврале, мы ватагой шести-десятилетних пацанов выходили на поиски пропитания. Зорили воробьиные гнёзда на крыше старой конюшни. Ели воробьиные яйца. Когда появлялись птенцы, мы их жарили на палках, как на шампурах, на костре и ели. Как только начинали зеленеть предгорья Памира, а это недалеко от нашего кишлака, где мы жили, мы на весь день уходили в эти горки. Вместо воды обходились травой свежей, сочной. Мы называли эти две или три разные травы – кислицей. Как я узнал позже, одна из этих трав была не что иное, как дикий ревень. Другие травы мы находили по только вылезшему из земли остроконечному розовому стеблю. Дальше палкой раскапывали землю и извлекали то ли корень, то ли стебель примерно 20-30см, чистили его от земли, кожуры и ели. На вкус он был кисло-сладкий и очень сочный и приятный. Но на одной траве ведь целый день не продержишься – есть-то всё равно хочется. Весной предгорья Памира изобилуют всевозможной живностью. Особо много ужей, змей. Но использовать их в пищу мы так и не смогли.

Очень много было в предгорьях черепах. И мы часто наблюдали, как беркут, взяв в лапы черепаху, поднимается высоко, метров на 100-150 над камнями, а затем бросает её на камни. От падения с такой высоты на камни панцирь разбивался и беркут съедал черепаху. Мы вынуждены были тоже поступать как хищники. Легко научившись отличать самку черепахи от самца, мы собирали самок. Разбивали камнями их панцирь, доставали гирлянду желтков – будущих яиц черепахи. Находили плоский, горячий камень, вытирали его рукавом от пыли и выдавливали на этот камень толстым слоем желтки. Через некоторое время желтки запекались в жёлтую лепёшку. Поделив поровну среди всех, ели эту лепёшку из желтков. Отойдя недалеко от этого места, мы видели, как беркуты доедали разбитых нами черепах.

Когда начинали созревать первые фрукты, мы с пацанами научились добывать их довольно хитрым способом. Видимо к весне у местных жителей заканчивалось фуражное зерно для кормления птицы и скота, и они ездили по кишлаку на арбе – тележке на двух колёсах, запряженной ишаком, и, выкрикивая забытые теперь уже мною фразы на киргизском языке, призывали обменять фрукты на зерно. Обмен происходил просто: на одну чашку весов насыпалось зерно (любое), а на другую накладывались фрукты. Когда весы уравнивались – происходил обмен. Этот обмен так и назывался: вес на вес.

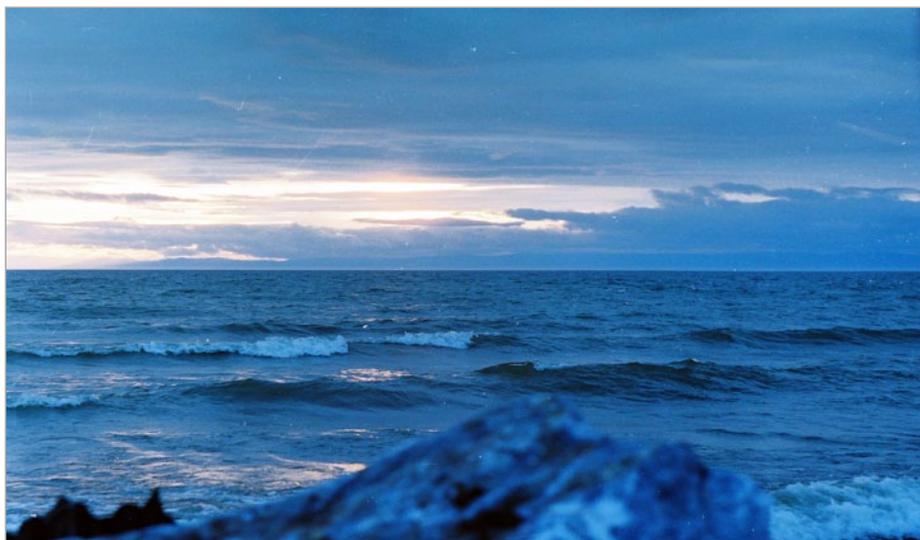
Задача у нас, у пацанов, состояла в том, чтобы добыть зерно (не нарушая, как говорят, уголовного кодекса). Хитрость нашего способа добывания зерна состояла в следующем.

Лошадей в совхозной конюшне в отсутствии овса кормили ячменем. Мы заметили, что в лошадином помёте содержится много непереваренного в лошадином желудке ячменя. Мы собирали конский помёт и у арыка промывали его, извлекая таким образом ячмень. Потом мы это зерно сушили, тщательно перебирали и ссыпали в мешочки. За полдня нам удавалось таким образом «добывать» около пяти килограммов ячменя и мы, схватив мешочки, с восторгом неслись к этой самой арбе и меняли зерно «вес на вес» на фрукты. Ближе к середине лета и к осени, когда наступало изобилие фруктов и, видимо, появлялось зерно, такого обмена уже не велось, да и добывать фрукты было уже не так сложно, хотя может быть и не совсем честным способом. Мы лазали по совхозным садам и, нужно отдать должное охранникам, которые ездили по саду верхом на лошади, они нас распугивали, но никогда не ловили, видимо понимая, что большого ущерба мы не нанесём.

Николаич замолчал. Закурили.

– Вот, а ты говоришь, что у нас с едой трудности. А мы пацанами в послевоенные годы вот так и боролись, чтобы не быть голодными.

Ветер утих, погода начала налаживаться. Завтра у нас должен быть посёлок Посольское.

06.06.2001г. (среда)

Пасмурно. Перед Танхоем встретился с рыбаком Юрием Николаевичем Малышевым, 75 лет. Крепкий мужик. Горе у него – неделю назад сожгли его зимовье и весь оборудованный стан. Долго мы с ним беседовали. Пили чай. Подарил ему пачку сигарет, а он мне двух солёных хариусов. Почему Танхой? – не знает. Перед этим у Кедровой-Сибирской сфотографировал развалины старой водокачки и фотоальбом на берегу (почти в воде). Фотографии целы и датированы 73-75 гг. Такое чувство, что выбрасывали судьбы людей и никому они не нужны. В Танхое остановился у прибитых льдов. Станция рядом. Попросил Федора (14 лет) посмотреть за лодкой. Сходил в магазин купил чаю, бутылку пива и конфет Федору. Он отошёл, а затем вернулся попросить сигарету, покурили. За Танхоем долго не мог найти место для стоянки, встал уже в девятом часу у речки.

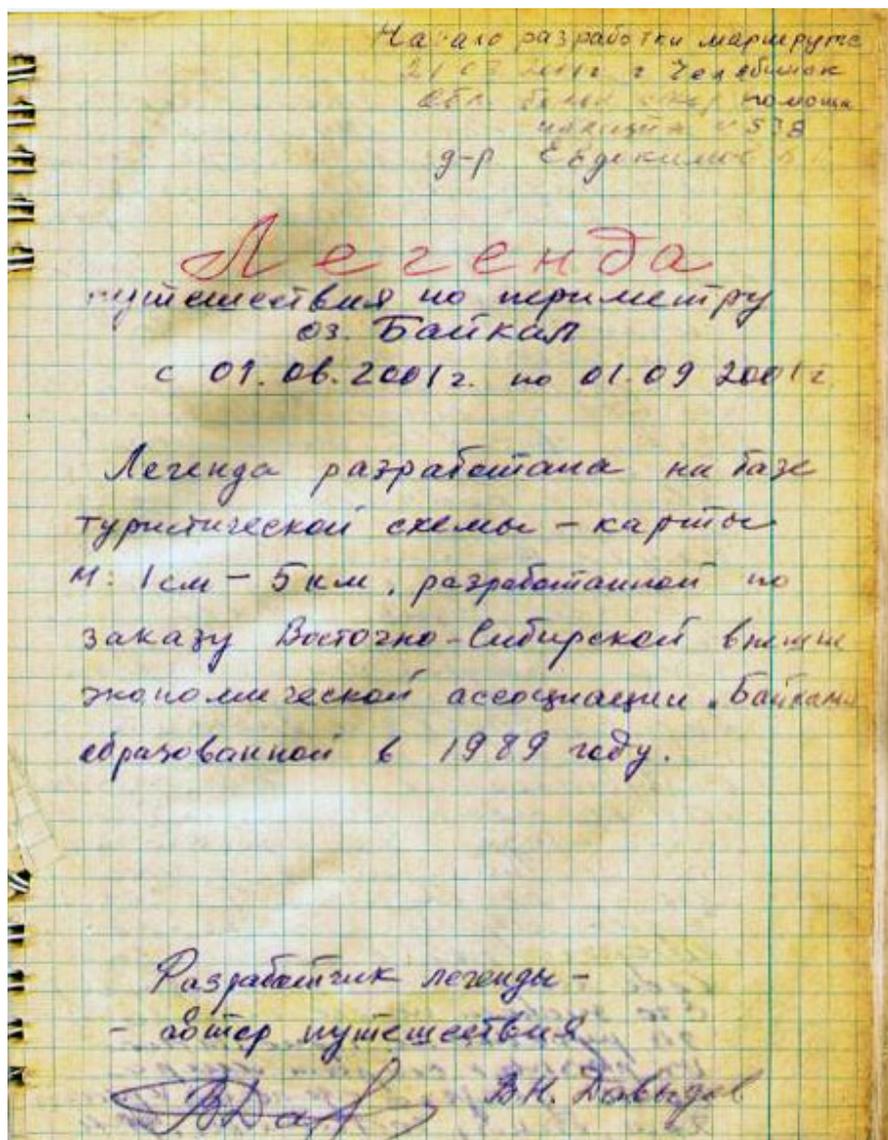
7.06.2001г. (четверг)

Встал. Наконец-то солнышко. Обычный переход без значимых событий. Вдоль берега железная дорога, грохочут поезда, но почти каждый машинист, увидев меня, даёт гудок. Вечером остановился на ночлег у Ключевки в зимовье рыбака Тараканова Геннадия Иннокентьевича, с ним было трое пацанов: племянник Миша 14 лет, его друг Серега 14 лет и Евгений – отслужил недавно армию – 20 лет. Геннадию 47 лет, не работает, промышляет рыбой на

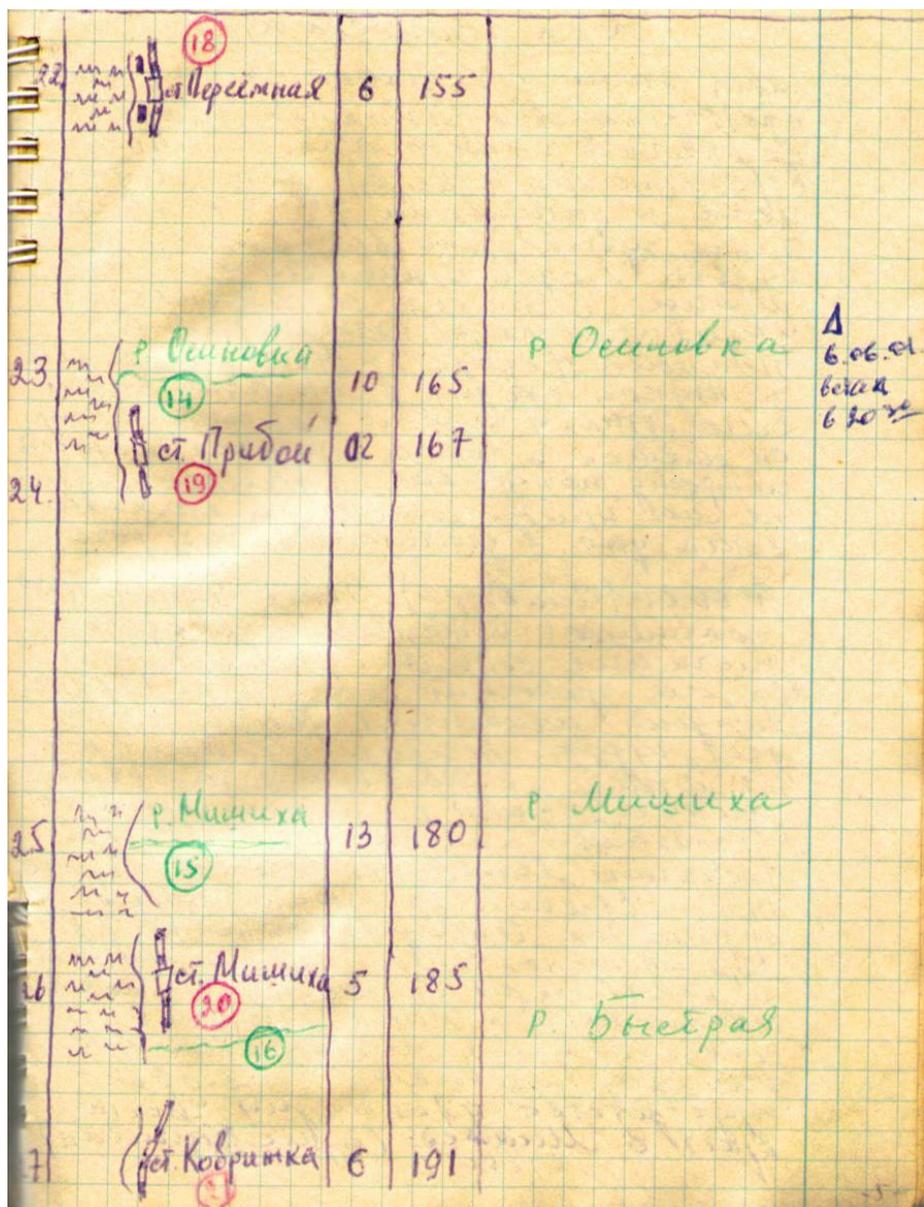
Байкале, тем и живёт. Ходил с пацанами снимать сети, посмотрел шириков (бычков), голомянку и хариусов. Вечером ели уху, но чевали в зимовье. Друг детства у Геннадия – Быков, врач в Миассе (адрес записан).

8.06.2001г. (пятница)

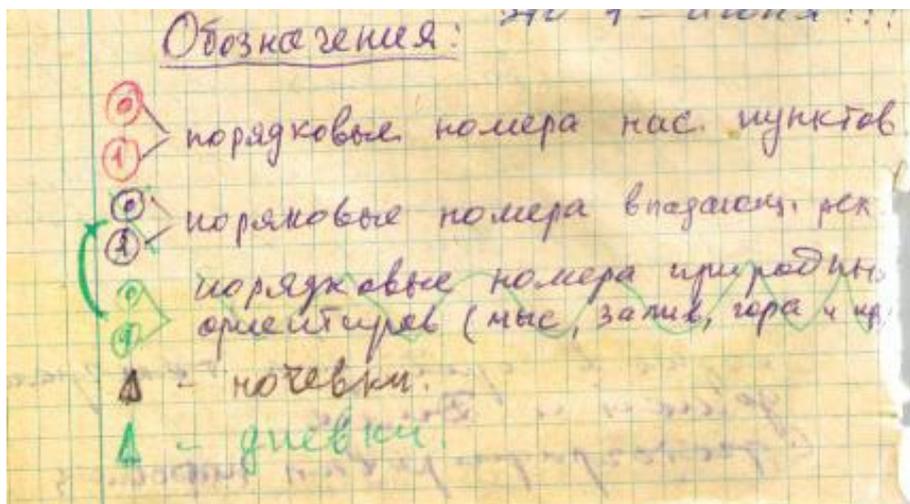
Ночёвка у Виктора в Мантурихе.

Перед походом была тщательно разработана Легенда, благо раллийный и штурманский опыт позволял

Обозначены порядковые номера и абрисы ориентиров, расстояние между соседними пунктами и пройдённое расстояние нарастающим итогом. В отличие от ралли, где качественная легенда критически важна на скоростных спецучастках, специально подготовленных для гонок, в одиночном байдарочном походе по Байкалу необходимо было иметь скрупулёзное описание всего периметра. «Спецучасток» на любом месте пути мог возникнуть в считанные минуты

По ходу путешествия в легенду добавлялись данные
о ночёвках и днёвках

9.06.2001г. (суббота)

Шторм. Непогода. Стою под Боярским.

10.06.2001г. (воскресенье)

С утра непогода. Но возможно наладится. Прошёл немного и снова встал. Шторм, дождь.

Глава 3

пос. Посольское, дельта Селенги, залив Провал, пос. Оймур

Погода утром выдалась чудесной. Байкал покачивался боками плавных волн от вчерашнего шторма. Упаковали в байдарку нехитрый свой багаж и двинулись вперёд мимо устьев речек Абрамил и малый Толбазан. В этом месте железная дорога уходит от берега Байкала по долине реки Селенги в направлении города Улан-Удэ. Больше нас не будут сопровождать в пути пронзительные гудки железнодорожных составов, которые иногда позволяли нам ориентироваться в туманную погоду.

При подходе к посёлку Посольское большой залив отделяет от Байкала две песчаные отмели-косы. Такие песчаные отмели местные жители называют “карга”. Идём вдоль карги, которая тянется километров на 15. Для нас это составляет примерно 2 часа хода. Начинает подниматься встречный ветерок и потихоньку начинает раскачивать гладь озера, образуя всё возрастающую волну. Но впереди уже маячит на берегу посольский монастырь, стоящий на возвышенном берегу Байкала у места впадения в него речки Большой.

Упираясь вёслами против ветра и возрастающей волны, подходим к посёлку Посольское. На берегу суетятся человек до 20 мужиков и два небольших катера, как выяснилось, это рыболовецкая бригада заводит первую в этот сезон тонь. Тонь – это заброс невода длиною в несколько километров. Невод забрасывается с помощью этих небольших катеров – ботов, а затем выводится на берег с помощью мотолебёдок, установленных на берегу. Мы с Николаичем долго и с любопытством наблюдаем весь этот процесс заброски и вывода невода. Рыбаки нам объяснили, что от первой тони рыбы они и не ждут. Это как бы репетиция, проверка снаряжения и одновременно проверка, а не подошла ли из глубин Байкала рыба. Дождавшись окончания вывода невода, мы с Николаичем увидели в уловном мешке невода, который рыбаки называют мотнёй, небольшое количество рыбы. Как прокомментировали рыбаки: ну центнера 2-3 будет. Рыбу первой тони рыбаки, как они объяснили, ловят для себя. Варится уха, жарится рыба. Это своего рода праздник – открытие сезона рыбалки.

Нас поразило совпадение того, что как урожайность зерна с полей измеряется в центнерах, так и результат улова рыбы тоже измеряется в центнерах. Рыбаки говорят: средний улов 40-50 центнеров. Богатый улов 300-400 центнеров за одну тонь. Разговорились с одним из старших в бригаде рыбаком – Михаилом Филипповичем Буториным, которому шел уже 74-ый год. Я попросил его вспомнить что-нибудь из своей долгой рыбацкой жизни на Байкале.

– Был я бригадиром рыболовецкой бригады до 1987 года, а потом ушёл на пенсию. Помню, что самый большой улов за одну тонь был около 900 центнеров, а так обычно 40-60 центнеров. Время разрешённой ловли омуля на Байкале довольно короткое – с конца июня и до середины августа. А там омуль уже идёт в речки на нерест и ловля его запрещается.

Бригаде назначался план: выловить за эти полтора месяца 1000–1200 центнеров омуля. Вот так вот по 40-60 центнеров за одну тонь и набирали за сезон план. Когда погода не даёт рыбачить, а когда и рыба отходит и приходится ждать.

Для увеличения воспроизводства омуля в селе Посольском на Большой речке есть рыборазводной завод.

Дело в том, что в естественных условиях процент вывода особей из икринок довольно не высок, по множеству причин. А вот выращенная молодь в условиях рыборазводного завода повышает этот процент воспроизводства в несколько раз. Очень большой урон в воспроизводстве омуля наносится во время нереста браконьерами, которые перекрывают устье рек сетями, вылавливают огромное количество омуля, не пропуская его в речки на нерест. К великому сожалению в числе этих браконьеров зачастую есть люди, призванные своими служебными обязанностями пресекать подобные нарушения условий рыбной ловли.

Рассказывал Михаил Филиппович и о других видах рыб, которые попадают в невод, но в гораздо меньших количествах по сравнению с омулем. Это и морской белый сиг, речной сиг, хариус, окунь, щука и даже сазан, который прижился на мелководьях в тёплой воде

дельты Селенги. В конце своего короткого рассказа старый рыбак с глубокой убеждённостью сказал: – Беречь надо Байкал и тогда богатств его хватит ещё на многие и многие поколения.

Отправив Николаича в магазин за продуктами, я пошёл на территорию монастыря, чтобы побеседовать с его обитателями. Войдя через калитку, я увидел несколько человек, одетых в рабочую одежду ничем не похожую на монашескую. Как оказалось это были так называемые трудники – наёмные рабочие, помогающие восстанавливать монастырь. Заметив постороннего, из небольшой деревянной постройки вышел довольно молодой человек лет тридцати пяти в длинной тёмной одежде и тёмной шапочке. Учтиво поздоровавшись, он спросил, что меня интересует. Я рассказал, что путешествую на байдарке по периметру озера Байкал и, что не мог бы он уделить мне время и рассказать про историю монастыря. Представившись одним из послушников монастыря, он на удивление с охотой согласился удовлетворить моё любопытство и провёл со мною почти часовую беседу о Посольском монастыре.

Русские впервые появились на этом берегу Байкала в 1650 году в период царствования на Руси Алексея Михайловича Романова. Русские землепроходцы попали на Байкал, поднимаясь вверх по реке Ангаре. Там в устье реки Иркут был воздвигнут первый острог, преобразованный позднее в поселение, на базе которого и вырос город Иркутск. К данному месту, где мы сейчас находимся, высадились казаки под руководством Петра Заболоцкого. Первые землепроходцы именовались тогда послами царя, почему и поселение получило название Посольское. Часть казаков сошло с челноков на берег, а часть осталась на челнах. Далее здесь разыгралась трагедия – местные жители зарубили, сошедших на берег послов вместе с возглавлявшим их Петром Заболоцким. Послы должны были встретиться с местным ханом и провести с ним переговоры. Но по каким-то обстоятельствам встреча не состоялась и послы погибли. Оставшиеся казаки на челнах ушли в Иркутский острог. Но уже в 1651-52гг на месте этой трагедии была построена деревянная часовенка и образовалось небольшое поселение. Спустя тридцать лет сюда были направлены монахи во главе с иеромонахами Феодосием и Макарием с целью строительства монастыря на месте гибели царских послов.

Первая воздвигнутая часовня называлась в честь знамени Святой Богородицы. Далее стало укрепляться подворье Селенгинско-Троицкого монастыря. Позднее это поселение прирастало тем, что купцы и торговцы двигались водным путём по реке Селенге на восток в Монголию и Китай и посещали монастырь. Одним из комиссаров (оказывается и тогда уже употреблялось такое слово, которое позднее приобрело совсем иной смысл) купеческих караванов, проходивших через Посольское был Григорий Афанасьевич Осколков. Это уже происходило во времена царствования Петра I, когда по его указу расширялись торговые связи не только на Запад, но и на Восток.

Григорий Осколков обращается в 1703 и 1713 году с прошением к Петру I о придании статуса самостоятельного монастыря с подчинением ему определенных земель. И такой Указ был в 1713 году царём подписан с подчинением монастырю около трёх тысяч квадратных километров земель и угодий. После этого монастырь стал активно развиваться. Григорий Осколков, будучи далеко не бедным человеком, очень многое сделал для развития монастыря. При его помощи строились деревянные строения монастыря и заготавливались в большом количестве строительные материалы (в

частности кирпич) для дальнейшей постройки каменного здания монастыря. Осколковым также было заказано в Европе два иконостаса деревянной работы с позолотой для будущего монастыря. Но в 1714 году Григорий Осколков в одной из поездок с торговым караваном в дороге заболел и умер. Он похоронен был на территории монастыря, а все материалы были им завещаны для строительства.

В 1769 году деревянные строения храма сильно пострадали от пожара и тогда было принято решение воздвигнуть каменное здание храма. Строительство велось, для тех времен, в исключительно короткие сроки. Уже в 1774 году был освящен первый придел храма, а второй освятили в 1779 году.

Таким образом, этот монастырь стал самым первым каменным монастырём в районе Байкала. Он был построен в стиле сибирской ветви русского барокко. И таких монастырей в районе Байкала три.

Один из них в городе Улан-Удэ, второй в Иркутске и третий в городе Посольское.

Кладка стен монастыря украшена различными узорами и даже сейчас, спустя два с половиной столетия поражает красотой искусства мастеров того времени.

Первыми наместниками монастыря были иеромонахи Макарий и Феодосий. Позже было много наместников монастыря и почти все они похоронены на территории монастыря.

В 1802 году здесь был заложен храм Николая Чудотворца. Строительство его было закончено в 1812 году. Он в настоящее время действует и там живет часть братии монастыря пока идет его восстановление. В 1820 году на территории храма было закончено строительство церкви в честь Иоанна Богослова и была завершена каменная кладка ограды монастыря, которая была местами высотой в 5-6 метров.

Эта высокая ограда монастыря служила не столько защитой территории сколько защищала от холодных ветров, дующих с Байкала, создавая особый благоприятный микроклимат. Благодаря этому микроклимату здесь выращивали теплолюбивые сорта плодовых деревьев и кустарников, которые в естественных условиях в этой местности не произрастали.

У монастыря на берегу Байкала была удобная пристань, которую часто посещали торговые караваны, и благодаря огромным угождам монастырь в эти годы процветал. Кроме водного пути в эти годы через монастырь проходила и Забайкальская почтовая дорога.

В 1861 году в монастыре было создано Управление Забайкальской духовной миссии, возглавляемое викарным епископом, который подчинялся духовной миссии Иркутска. В монастыре в это время работали духовные школы, которые воспитывали духовных служителей для всей территории Забайкалья. В эти годы на территории монастыря были не только школы для духовного образования, но и была больница для местного населения.

Период процветания монастыря продолжался вплоть до 1881 года, когда всё управление духовной миссии было переведено в Читу. Вскоре монастырь был преобразован в женский. Он имел еще два подворья. Одно в Улан-Удэ и второе на станции Мысовая. На этих подворьях были созданы свечные заводы, которые снабжали свечами всё население Забайкалья. На доходы от свечного производства и существовал в дальнейшем женский монастырь, а вот доходы от скотоводства и земледелия к тому времени почти угасли.

В 1920 году монастырь был закрыт местными властями. В 1936 году значительная часть деревянных построек была разобрана и перевезена в село Кабанск. В эти годы на территории монастыря была машинно-тракторная станция, позднее какое-то время в храме был клуб. Вплоть до 1995 года в здании монастыря находилась детская психлечебница для детей с отсталым умственным развитием.

В 1994-1995 гг. научная сейсмологическая лаборатория Восточно-Сибирского государственного университета по заказу научно-производственного центра охраны исторических памятников проводила здесь исследования. Дело в том, что в 1862 году в этих местах произошло очень сильное землетрясение, достигавшее примерно 9 баллов. Многие здания и строения, включая деревянные, были разрушены, но сам монастырь остался невредимым. Результаты этих исследований показали, что возможно проводить работы по реставрации и восстановлению храма. Руководил работами сейсмологической лаборатории Демин Эдуард Викторович. Одновременно он являлся долгие годы членом президиума охраны исторических памятников Бурятии. Благодаря его содействию в 1995 году удалось детскую психлечебницу переместить из монастыря в другое место, а сам храм и территория монастыря были переданы приходу. Первыми появились послушники и трудники, которые приступили к работам по восстановлению храма и монастыря.

В 2000 году решением Синода Русской православной церкви Посольский Спасо-Преображенский приход был преобразован

в Спасо-Преображенский мужской монастырь. В настоящее время прихожан, посещающих монастырь, очень немного. Доходы у монастыря небольшие и поэтому восстановительные работы идут медленно, как говорится, на эти небольшие средства. Нам помогают три храма города Улан-Удэ по 1500 рублей в месяц, да вот заезжие прихожане рублей по пятьсот в месяц, вот и весь доход монастыря. Помогают выживать и некоторые предприятия, кто продуктами, кто чем. Помогает и Кабанский рыбный завод, директором которого является Черниговский Александр Семенович, по мере своих сил и возможностей.

Вот таким образом с Божьей помощью вся братия монастыря, в которую входят послушники и трудники, занимается восстановлением монастыря в надежде, что в скором времени можно будет открыть нижний зал для богослужения.

Поведал мне обо всём этом послушник монастыря Игорь Николаев, который выполняет обязанности эконома. Братия надеется, что в скором времени в монастыре появятся монахи и иеромонахи, и жизнь его обитателей будет налаживаться в соответствии с требованиями и правилами монастырского богослужения.

Поблагодарив Игоря Николаева за его подробный рассказ об истории монастыря, я возвратился на берег к рыбакам, где меня с нетерпением ждал Николаич.

Рыбаки уже приготовили ужин из рыбы, пойманной в первой тони. Время клонило к вечеру и они не советовали нам продолжать путь, а пригласили на ужин и на ночёвку в их рыбацком стане. Мы с удовольствием приняли их предложение.

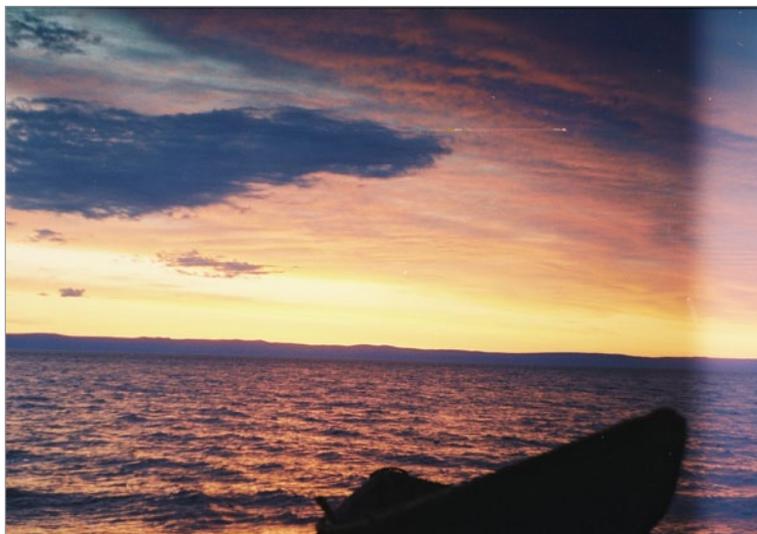
Рыболовецкий стан на период летнего сезона рыбной ловли оборудуется очень уютно и с комфортом. Он огораживается со сторон господствующих байкальских ветров: Култука или Баргузина, невысоким дощатым забором. Внутри навес от дождя, большой длинный стол, полки для продуктов, дровяник, умывальник, костровище оборудованное приспособами для подвески котлов, чайников и прочего, и множество чурбаков, на которых очень удобно сидеть и которые в конце сезона используются в качестве дров.

На праздничный ужин по случаю открытия рыболовного сезона рыбаки приготовили несколько блюд из свежего омуля. Во-первых, это уха, которая готовится на Байкале с большим количеством рыбы и с обязательным добавлением круп: перловка, пшено, рис. Это делается для того, чтобы уха была более сытной едой. Во-вторых, это омуль на рожне. В-третьих, малосольный омуль. И самое удивительное блюдо – это на огромной сковороде жареная печень свежепойманного омуля. Отметив, как положено по обычаю рыбаков открытие сезона, кружкой спирта наполовину разбавленного байкальской водой, долго потом сидели у костра, слушая необыкновенные рыбацкие истории.

Погода стояла чудная, в ночной тишине доносилось мерное шипение накатывающейся на песчаный берег небольшой байкальской волны.

Утром двинулись дальше в путь пораньше, используя безветренную погоду. Шёл уже двенадцатый день нашего путешествия и заканчивалась третья сотня километров пути. Долго пробирались вдоль песчаной карги до пролива Провал. Пройдя проливом и оставляя слева острова Карга-Бабья и остров Чаячный зашли в залив Сор-Геркалово. Справа оставалась небольшая деревушка Исток, в которую мы с Николаичем решили не заходить. Прикрываясь бережком от всё усиливающейся волны дошли до села Истомино.

Николаич пошёл искать почтовое отделение, чтобы дать телеграмму родным и друзьям о нашем продвижении по Байкалу. Вернувшись он объяснил, что телеграфа в Истомино нет и телеграмму отправил по телефону через соседний посёлок Степной Дворец. Впереди предстояло обойти, почти 80-километровой протяжённости, дельту реки Селенги.

Река Селенга – самая большая из всех рек, впадающих в озеро Байкал. За многие миллионы лет Селенга вынесла в Байкал огромное количество грунта, образовав дельту с бесчисленным количеством рукавов, протоков, маленьких проточек, озёрков и болот.

Мы планировали с Николаичем пройти дельту протоками и рукавами из залива Сор-Черкалово в залив Провал. Но местные рыбаки почему-то постоянно советовали обходить дельту морем. Решили обходить дельту со стороны моря. Но первые несколько километров пути показали, что это решение для нас неприемлемо. Когда местные советуют обходить дельту реки Селенга со стороны моря,

то они подразумевают следующее. Так как они ходят только на моторных лодках, то по их пониманию надо идти на удалении 1 км от кромки дельты, где достаточная глубина. Для байдарки при ветреной погоде и большой волне этот вариант оказался неприемлемым. Идти же в непосредственной близости от камышовой кромки было мелко, а идти в сапогах и вести за собой байдарку на “бечёвке” не позволяло илистое дно, в котором вязнешь выше колен.

– Ну что, Николаич, придётся идти дельту протоками.

– Ну а что поделаешь, другого выхода у нас нет.

– Вон видишь небольшую протоку, давай пойдём по ней, а там будет видно.

Протока оказалась хоть и не очень глубокой, но свободно позволяла продвигаться на байдарке. Через несколько километров пути вдалеке замаячила крыша зимовья. Поскольку протока была очень извилистой, то крыша зимовья маячила у нас по курсу то слева, то справа или прямо по курсу, но понемногу всё-таки приближалась. Когда в очередной поворот протока начала уводить нас от зимовья далеко вправо, и напрямую оставалось около 200 метров мы приняли решение перетаскивать напрямую. Метров 100-150 тащили байдарку по топкому болотистому месту. Затем по кочкарнику, но уже без воды и трясины. Оставшееся расстояние до зимовья преодолевали «челноком». Сначала переносили весь груз, а затем и байдарку. Солнышко клонилось к западу и мы, достаточно умаявшись, присели отдохнуть и перекурить.

Зимовье расположено на берегу достаточно широкой протоки. Скорость течения воды в протоке почти незаметна для глаза. Это происходит потому, что в дельте Селенги даже на удалении нескольких десятков километров перепад высот над уровнем зеркала Байкала не превышает одного метра. Избушка достаточно просторная, примерно 3 на 4 метра, железная печурка, небольшой стол, одно окошко выходящее на протоку.

На полу зимовья в углу толстый слой настила из сухого камыша, служащего циновкой для ночлега. Удобно расположив на этой циновке свои спальные для ночлега, мы приступили к приготовлению ужина. Еда у нас почти всегда простая и незамысловатая. Это каша, рыба, уха, картошка, которой нас снабдили ещё в Выдрино. Пока Николаич возился с приготовлением ужина, я вышел полюбоваться закатом. Вокруг просто кипела и бурлила жизнь несметного количества водных и околородных обитателей пернатого мира. По илистому берегу протоки сновали туда-сюда кулички: мелкие, среднего размера, а вот и совсем крупные. Чуть поодаль среди кочек пеньками торчали цапли. Некоторые из них взмахивали огромными крыльями и неторопливо облетев своё болотное царство опять садились и причудливо вышагивая, выискивали вокруг кочек корм. Невдалеке небольшой островок весь был белым от усевшихся на нём чаек. Несметное количество чаек держалось на крыле, облетая этот островок, очевидно, в ожидании когда освободится место, чтобы посидеть и отдохнуть.

Кроме того во всех направлениях мимо нас проносились стаи уток и проворные чирки, шилохвосты, гоголи, крохали, кряквы и прочие. И всё это многообразие пернатых вокруг чикало, кликало, булькало, крякало, создавая общее звучание неповторимого природного джазового оркестра. В низах это звучание сопровождалось кваканьем лягушек и вдруг сверху вступает зычно клик! Клик!

Я поднимаю голову и вижу, как надо мной на небольшой высоте величественно проплывает стая лебедей из шести огромных птиц.

– Николаич, окликнул я, ты выйди, посмотри.

Николаич вышел из зимовья и проводил пролетавшую стаю лебедей.

– Ты слышишь какой оркестр?

– Да. Я из зимовья слышал.

Мы стояли и любовались чудным закатом и этим вечерним спектаклем уходящего дня.

А ты знаешь, что дельта Селенги самое большое место в Восточной Сибири по числу обитания пернатых? Здесь гнездятся только одних уток 100-200 тысяч особей. А в период осеннего перелёта через дельту пролетает 5-7 млн. птиц, включая гусей и лебедей.

Поужинав, устроились удобно на “циновке” из сухого камыша.

– А ты знаешь, что это зимовье называется “Шаманка”?

– Почему?

– Не знаю, возможно, когда-то тут обитал шаман.

Видишь место какое уютное и отдалённое. Добраться сюда можно только на лодке. Сон был в Шаманке спокойный. Только легли – уже утро. Решили провести небольшую ревизию продуктов и подлатать небольшие пробоины в байдарке, через которые в лодку просачивалась вода.

Я занялся ревизией, а Николаич стал чинить байдарку. Зачистив пораненные места наждачной бумагой и протерев их ваткой, смоченной в бензине, и проделав то же самое с вырезанными заплатками, он смазывал их резиновым клеем и, дав им подсохнуть, прижимал заплатки к пораненным местам. Через полчаса байдарка была готова к продолжению нашего пути. Опустив лодку на воду, загрузили багаж и, помахав на прощание рукой, мы двинулись вверх по протоке. Примерно через 10 км пути нам предстояло выйти в основное русло реки Селенга. Основное русло было достаточно широким и судоходным, судя по полосатым щитам, установленным на берегу и указывающим судам створ реки.

Двигаясь по течению основного русла реки, мы вскоре увидели вдалеке вышку маяка Харауз. Подошли к берегу. Невдалеке стояло несколько будок – обитель местных рыбаков. Навстречу вышли к нам трое рыбаков. Познакомились. Один из них Геннадий – болгарин по национальности, другой Юрий – сотрудник правоохранительных органов и третий Андрей.

– Сейчас придут ещё двое, ушли сети проверять.

Через некоторое время подошли на моторной лодке двое: Стас и Григорий. Улов оказался не плохим. В лодке было килограмм 150 свежего омуля.

– Сейчас будем коптить рыбу, надо только кое-что подготовить.

– Ну, пока вы готовитесь, мы с Николаичем сходим к смотрителю маяка, познакомимся, поговорим. Смотрителем маяка Харауз

был Виталий Васильевич Дмитриев. Он является продолжателем семейной традиции служителей, обеспечивающие судоходство в дельте реки Селенги, в пятом или шестом поколении. Его прадед, дед, отец, мать, брат и в настоящее время он, обеспечивали проход транспортных судов из Байкала в реку Селенга.

Маяк Харауз

Часто суда заходили в реку, чтобы переждать штормовую погоду на Байкале. Капитаны судов всегда с благодарностью относились к работе бакенщиков, позволявшим им укрыться от штормов.

– Спасибо Василий Михайлович, спасибо Александра Степановна, за вашу работу.

Несколько строений маяка расположились на искусственно намытом островке и укрепленном от размывания посаженными деревьями. Нехитрое домашнее хозяйство гуси, куры, корова позволяет прожить в столь отдаленном уголке дельты реки Селенги. Остальные необходимые продукты и товары доставляются по воде на моторной лодке из ближайших сёл и деревень.

Вернувшись от смотрителя мы уловили на берегу приятный запах копчёной рыбы. Приспособа для горячего копчения омуля довольно нехитрая. Это разрезанная пополам металлическая бочка. Внутри её из проволоки сплетается решётка, на которую укладывается рыба. В пространство между дном и решёткой насыпаются ольховые опилки, а чаще крошится трухлявая древесина ольхи. Этот полубочёнок устанавливается на небольшую металлическую подставку и под ним разводят костёр.

Чтобы ольховые опилки в бочке не загорелись, сверху коптильня плотно закрывается крышкой. Тогда от костра опилки тлеют, создавая густой дым внутри коптильни и высокую температуру от костра. Рыба и готовится, и коптится одновременно. Весь процесс копчения длится минут 15-20 и вкуснейшая рыба горячего копчения – готова.

Таким способом можно готовить не только омуля, но и окуня, щуку, хариуса – да почти любую рыбу. Но хорошо приготовленный свежий омуль особенно вкусен. Мы с Николаичем достали из заначки бутылочку спирта, заранее разбавленного байкальской водой, и ужин при практически не ограниченном количестве омуля горячего копчения удался на славу. Давно стемнело, маяк работал, но ни одного судна не пришло на его огонёк с Байкала. Смотритель сказал, что сейчас за неделю проходит 3-5 судов, а в 50-е – 60-е годы по 20-30 судов ежедневно проходили из Байкала в реку Селенгу.

Наутро, попрощавшись с рыбаками, мы двинулись дальше вдоль камышовых зарослей дельты реки Селенги. По карте расстояние до ближайшего села Оймюра в заливе Провал составляло километров 60 – 70. Мы понимали, что при ветре и волне нам до Оймюра не дойти в этот день.

– Как ночевать будем, Николаич, среди этих камышовых зарослей?

– Найдём пошире протоку, поднимемся вверх против течения два-три километра и, я думаю, найдём где-нибудь клочок сухой земли.

Ветер с Байкала начал усиливаться и приходилось лавировать в камышовых зарослях, которые гасили эту волну. Вокруг нас в камышах и водных пропleshинах плавало, ныряло, летало несчётное количество пернатых, на которых мы практически перестали обращать внимание. На мелких местах из-под весла в воде “жухали” огромные рыбы, очевидно, щуки, количество которых нас тоже перестало удивлять. Рыбой горячего копчения нас на маяке снабдили и ловить что-либо из рыбы на пропитание у нас не было необходимости.

Скрывшись от волны за густыми зарослями камыша, перекусили и решили искать сухой клочок земли для ночлега. Выбрав неширокую протоку с небольшим встречным течением, стали подниматься по ней вверх, т.е. от береговой линии Байкала вглубь дельты Селенги. Вскоре впереди замаячили вершинки двух сухих деревьев.

– Николаич, не могут же деревья расти в воде? Значит там должен быть клочок сухой земли.

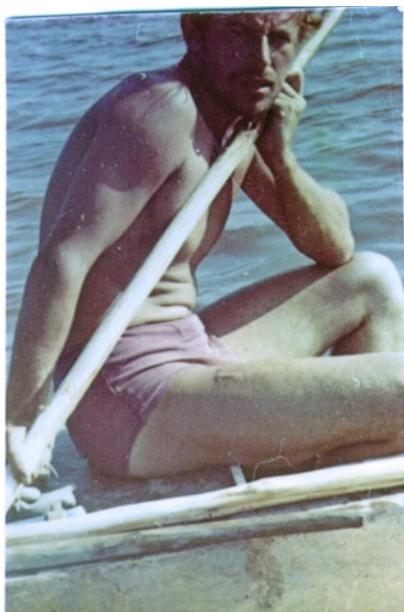
Протока была очень извилистой и деревья оказывались то слева, то справа. Наконец, очередной поворот протоки привёл нас к этим двум деревьям. Это было не то, что сухое место, а очень высокие кочки, среди которых похлупывала вода. Рядом с деревьями лежало много досок. Очевидно, тут останавливались рыбаки на ночлег. Соорудили с Николаичем из этих досок настил на кочках и получилась замечательная площадка под палатку. Костёр соорудили на двух обломках брёвнышек между кочками. Опасаться возгорания кочек или травы не приходилось т.к. под ногами везде хлюпала вода. Рядом с деревьями рос когда-то кустарник, но и он был высохшим, так что дров для костра было предостаточно. Ловить рыбу готовить из неё что-либо не хотелось и поэтому любимым блюдом у нас всё чаще становилась каша.

Готовилась она элементарно просто, но как мы называли «фирменно». Варилась в котелке пшёнка или гречка. Затем на сковородке, в относительно большом количестве растительного масла, обжаривались две-три измельчённые луковицы до золотистого цвета. Сварившаяся каша заливалась этим луком и получалась «фирменная» каша. Это блюдо не требует хлеба и запивается, потом или во время еды, сладким чаем. «Навернув» приличную мисочку такой каши с чаем можно было грести на байдарке от завтрака до ужина без обеда. Поужинали. Уселись удобно на устроенный из досок настил, закурили.

Полярный Урал, 1967

– А ты знаешь, был у нас случай в походе относительно вот такого же костра между болотистых кочек. Было это давненько: в августе – сентябре 1967 года. Ходили мы тогда вчетвером на двух байдарках по речкам Приполярного Урала, текущим с его восточных склонов и впадающих в реку Обь. Мы с Ефимычем шли на самодельной фанерной лодке под звучным названием “Монтигомо”, наши приятели Юра с Надеждой на туристической байдарке с деревянным тогда ещё каркасом под названием “Pouch”. Впрочем, байдарка была хорошая, нисколько не хуже, чем вот этот наш “Таймень” с дюралевым каркасом. Николаевич посмотрел на уютно устроившуюся и как бы отдыхающую между кочек на боку нашу Байдарку.

*Полярный Урал,
лодка Монтигемо, 1967*

Ходили мы тогда по кольцевому маршруту, начиная от Шарушкарского сора вверх по Хольце – Югану, а затем через несколько сообщающихся озёр в верховьях реки Сезын – Юган, затем по р. Тань – Ю озеро Ворчато, затем речка Ворчато – вис, речка Войкар и заканчивался маршрут в Войкарском соре. Поход был славный. Рыбы, дичи – море. Вот как здесь у нас с тобой на Байкале. Николаич замолчал. А затем как бы спохватившись, спросил:

– Так об чём это я?

– Случай о костре между болотных кочек хотел рассказать.

– Ах, да, о костре, – усмехнулся

Николаич. Старые становимся уже,

с памятью что-то плоховато. Как бывало говаривал мой отец: «Где позавтракал – туда и обедать иду».

– Старые, не старые – сказал я, а считай пятую часть периметра Байкала уже отмахали.

– Так вот, продолжил Николаич. В верховьях речек Хольце – Югана и Сезым – Югана такая же вот болотистая с кочками местность, как у нас вот сейчас здесь. Остановились мы в таком вот месте на ночёвку. Костёр развели между кочек, где похлюпывает вода. Ужин приготовили, поужинали, стали готовиться ко сну. Ну, так вот. Ефимыч решил проветрить свои болотные сапоги. Уложил их аккуратненько метрах в двух от костра, раскрытыми голенищами на ветерочек, так сказать. Легли спать. Встаем утром и видим. От костра в сторону сапог прогорела по траве узенькая полосочка и на месте сапог лежали одни недогоревшие каблуки. Так вот до конца похода и пришлось Ефимычу идти по воде, где это надо было, в ботиночках вместо болотников.

После этого рассказа мы с Николаичем уважительно посмотрели на свои болотные сапоги на ногах и решили, что будем их проветривать на сучках этих двух сухих деревьев. Как говорится: от греха подальше.

– А как ты думаешь, Николаич, не прогорит ли от костра такая узкая полоска в сторону нашей байдарки?

– Не прогорит, буркнул Николаич, но всё же подошёл и приотптал траву между кочек от костра в сторону байдарки.

Вечерело. Гомон пернатых обитателей стал утихать и на смену звуковой аранжировки постепенно вступал многоголосый лягушачий хор. Над противоположным берегом Байкала горел в потрясающем великолепии красок закат. Любуясь закатом, Николаич вдруг сказал:

– А знаешь, я в процессе подготовки к нашему путешествию написал стихотворение, в котором попытался представить, как оно будет выглядеть. Вот послушай:

*На Байкале рассветы чудные
И закаты – хоть запишись!
Здесь маршруты такие трудные,
Но коль вышел на них – держись.*

*Режет носом волну байдарка.
Перед взором такая ширь....
Здесь порою бывает жарко
Хоть не юг это, а Сибирь.*

*И две тысячи километров
Нам с байдаркой дано пути,
Но назад ни шагу, ни метра
Только так можно путь пройти.*

*Режем носом волну маршрута
Перед взором такая ширь...
Здесь порою бывает круто
Ведь не юг это, а Сибирь.*

*Режут волны насквозь байдарку,
Разбиваясь о кручи скал.
Брызги светятся в солнце ярком
Вот такой он – Святой Байкал!*

Мы ещё долго любовались меняющимися красками заката.

– А знаешь, напротив нас на том берегу находится село Бугульдейка и в этом месте Байкал имеет минимальное расстояние в поперечнике: где то около 30 км.

– Да. Когда ещё мы дойдём до этой самой Бугульдейки?

– Ну примерно, через 1000 км пути, а по времени дней через 25-30.

И я представил себе насколько огромен Байкал, и что недаром в старинной песне о нём поётся: «Славное море, священный Байкал».

Утром вышли по протоке в Байкал. Справа выступал мыс Хребтовый, а влево далеко в залив Провал уходила карга. Обойдя мыс Хребтовый вошли в залив Провал. На берегу залива расположены три деревушки: Дубинино, Оймур и Дулан.

– А ты знаешь, что Оймур в переводе с бурятского означает что-то вроде «зелёная тропа», а Дулан – это «тёплый», а Дубинино и переводить не надо. Только дубы тут ни причём, так как дубы здесь не растут.

Это Николаич опять блеснул своей эрудицией в части своих познаний о Байкале, полученных при подготовке к нашему путешествию. Мы держали направление на посёлок Оймур, обрезаая правый угол залива Провал, куда впадало множество протоков дельты Селенги. Вода в заливе по цвету не байкальская, а селенгинская, желтовато – мутного цвета и значительно менее прозрачная.

Посёлок Оймур расположен на возвышенном берегу метров в 100 – 150 от береговой линии. Оставив лодку с Николаичем на берегу, я пошёл на почту и в магазин. Почта уже не работала. В магазине пополнил запас сигарет и чаю, а остальных продуктов у нас пока было в достатке. В поисках магазина и почты я прошёл по улице примерно километра два. Возвращался я обратно к лодке

уже не по улице, а по тропкам за огородами домов, ближе к берегу Байкала. Прохожу мимо устроившихся на травке четырёх мужиков с выпивкой и закуской. Поздоровался и стал проходить уже мимо – окликают:

– Эй, мужик, подходи, присаживайся, покурим, поговорим.

Подошёл, познакомились. Андрей, Андрей, Равиль, Талгат – представились мужики, сидевшие за импровизированным столом из газет.

– Николаич, представился я.

****

Для читателя я тут должен сделать некоторое отступление и пояснить, что Николаич и автор этих строк, путешествующий вокруг Байкала – это одно и то же лицо. Просто мне было и будет удобнее вести рассказ в диалоге с Николаичем.

****

– Садись Николаич, рюмочку выпьешь?

– Не откажусь. А что празднуем, мужики?

– Да вот брат мой Талгат, приехал в гости. Решили на берегу Байкала посидеть.

Выпили за знакомство, разговорились.

– А ты куда, Николаич, путь держишь? – спросил Талгат.

– Да вот путешествую на своём «корабле» вокруг озера Байкал и я показал на стоявшую вдалеке на песке байдарку.

Мужиков это привело в крайнее удивление.

– Ну и откуда ты идёшь? И сколько уже прошёл?

– Вышел я из Слюдянки первого июня, а сегодня считай пятнадцатое число. Расстояние от Слюдянки до Оймюра по береговой линии Байкала чуть больше четырехсот километров.

Мужики пришли в ещё большее удивление и сказали, что за это надо выпить по бурятскому обычаю. Обычай состоял в следующем.

Из налитой в стакан водки мне надо было плеснуть немного на импровизированный стол, затем обмакнуть в стакане безымянный палец левой руки и встряхнуть рукой вверх, в сторону Байкала, вниз и в горевший рядом костёр. Это означало, что я задобрил Бурхана – хозяина Духов, хозяина Неба, духа Воды, Духа Земли, духа Огня.

После этого духи должны помогать, чтобы мне сопутствовала удача во всём: в пути, в рыбалке, в погоде, во встречах с человеком, зверем и т.д. Талгат, как самый образованный среди моих собеседников, начал учить меня далее.

– Николаич, ты можешь верить, можешь не верить в наши обычаи, но ты делай так, как мы тебя научили, и тебе будут всегда сопутствовать везение и удача. Вот, например. Выбрал ты понравившееся место для ночлега. Причалил, вышел на берег, осмотрелся, устраивает тебя место. После чего скажи громко: – «Хозяин, можно я здесь переночую»? После этого обращения, ты получаешь разрешение и становишься хозяином этого места на испрошенное время. И тебя после этого никто не должен побеспокоить, ни зверь, ни человек. Или, например, дождь, непогода – подходишь к зимовью. Палатку ставить не хочется в сырости, можно переночевать и в зимовье. Дверь в зимовье никогда не запирается на замок, а так придавлена камушком или палочкой. Так вот, заходишь в зимовье и спрашиваешь: – «Хозяин, можно я здесь переночую»? И как бы получаешь разрешение. В зимовье всегда найдутся припрятанные спички, соль, кусочки свечи и обязательно немного сухих дров для растопки печки.

Повеселевшие мужики остались у костерка, а мы с Талгатом пошли к байдарке. Очень ему хотелось посмотреть на каком плавсредстве я путешествую по Байкалу. На всех местных байдарка производила удручающее впечатление. Как можно – восклицали они – ходить на такой тряпочной лодке по Байкалу? Они ходят по этому своенравному морю на серьёзных лодках, выдерживающих двух-трёхметровую волну, да ещё с хорошим мотором. Но я объяснил Талгату, что хожу только по спокойной воде или слабой волне не более метра высокой. В худшую погоду я всегда отсиживаюсь на берегу. Талгат указал мне на один из домов длиной береговой ули-

цы села и сказал: – «Вот это мой родительский дом. Здесь я родился и вырос. Знаешь почему этот залив называется Провал»?

– Читал что-то, но расскажи.

– Так вот, давно это было. Примерно лет сто пятьдесят тому назад. Произошло в этих краях сильное землетрясение. И от этого землетрясения огромная часть суши с двумя деревнями на берегу ушла под воду, в озеро. Но поскольку сползание суши происходило медленно, люди и скот успели отступить, а все дома и постройки оказались под водой.

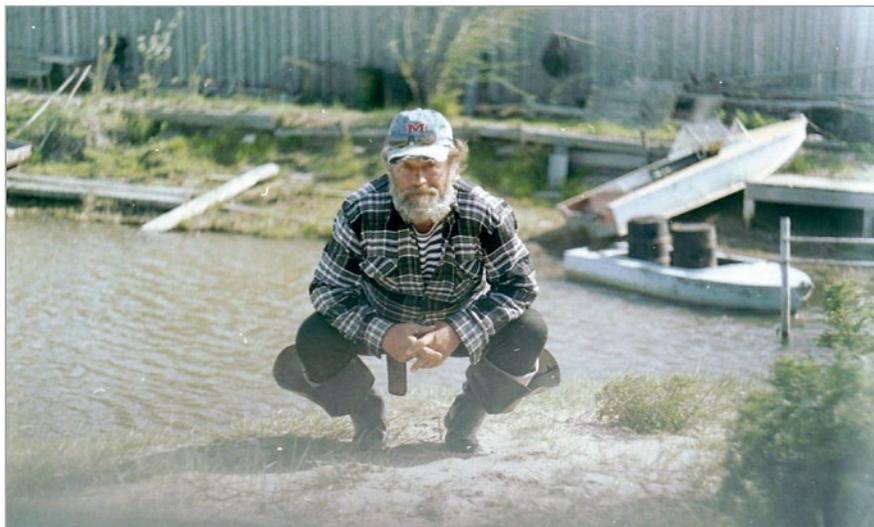
Глубина залива Провал не большая, где-то до десяти метров и говорят, что в тихую ясную погоду где-то видны остатки, разрушенной церкви.

И вон тот круто обрывающийся в озеро мыс носит название Облом. Вот там и обломился этот кусок суши, ушедшей подводу. Но люди не ушли с привычных им мест, а обустроились на оставшемся после землетрясения берегу, да вот так и живут. До того времени, когда была построена Иркутская гидроэлектростанция и плотина на реке Ангаре, береговая линия была метров на двести дальше того места. Где мы сейчас стоим. Так вот на этом месте вдоль берега была красивая улица, росли деревья, стояли дома. А со строительством плотины уровень воды в Байкале повысился примерно метра на полтора и, жившие на этой улице вынуждены были переселиться на берег повыше. Я часто любил, вспоминает

Талгат, просиживать вечерами у Байкала. Я Байкал воспринимал и воспринимаю сейчас, как живое существо. Он бывает добрым, тихим и ласковым, а порой бывает суров, грозен и неприступен. Я люблю это место на Байкале – это моя Родина, и я каждый год приезжаю сюда, чтобы пообщаться, повидать родных, друзей и знакомых.

Время уже клонилось к вечеру, и мне пора было двигаться дальше. попрощавшись с Талгатом, я двинулся в сторону выступающего вдалеке мыса Облом.

11.06.2001г. (понедельник)

С утра тихо. Пошёл. План как минимум – Посольское. Проходил косу: видел трёх мёртвых нерп. Прошёл Прорву. Опять поднялся ветер, но впереди маячил монастырь Посольского. Упираясь против ветра по метровой волне дошёл до Посольского. Встретился с рыбаками. Снял первую тонь. Сходил в магазин, в монастырь. Брат Игорь наговорил мне на кассету 1 час. Вернулся к рыбакам. Ветер не утихает. Решил ночевать с рыбаками. Почта не работает в понедельник и во вторник. Очевидно, телеграфирую из Истомино. Поговорил с рыбаком Михаилом. Он рассказал мне, как ловил по 400 центнеров за тонь (запись на кассете). Завтра при погоде достаю Истомино, оттуда дам телеграмму. Завтра будет Селенга. Никто не советует идти протоками. Все советуют идти морем. Очевидно, пойду морем. Там говорят любая протока – дом родной.

12.06.2001г. (вторник)

День независимости России – от кого? От своего народа? Ну да Бог с ним. Пошёл от рыбаков рано, используя с утра тихую погоду. Долго шёл эту нудную косу до пролива Провал, потом резал залив уже под сильным ветром и волной. На Исток потом подбирался краем села к Истомино. Дал по телефону телеграмму: «Выхожу Истомино 12-го». Следующую обещал дать из Оймура. Ночевал в зимовье: красота.

13.06.2001г. (среда)

Встал часов в 7 – выспался классно! Часы встали, время только на «Маяке». Делаю ревизию снаряжения. Надо немного подклеить лодку. Лодку подклеил, пошёл дальше.

Протоками выбираюсь к морю. К обеду вышел на маяк «Харауз». Там встретил трёх рыбаков: Гена – болгарин по национальности, Юра – мент, Андрей – простой парень, потом подъехали Стас и Георгий – здоровый мужик. Коптили с Генкой 2 закладки омуля горячего копчения. В каждой закладке по 25 штук. Омуль крупный и свежий. Обедение! Сходил на маяк к служителю (смотрителю). Виталий Васильевич Дмитриев в 5-ом поколении речник (всё на кассете). Решил заночевать с мужиками, т.к. разгулялся баргузин. Мужики приехали со второй проверки сетей поздно, мы сварили картошку и потом до 3-х часов ночи гутарили. Пошли с Генкой вздремнуть в его зимовье «кунг» – рядом.

14.06.2001г. (четверг)

Встали утром поздно. Я позавтракал. Мужики снабдили меня в дорогу варёной картошкой и копчёными омулями. Попрощались и я пошёл. С Виталием Васильевичем попрощались на встречаемых курсах: он на катере – я на байдарке. Встал вечером думаю так км в 15-20 от Оймура. Завтра проверится. Так и есть, было 20, но с ветром и штормом.

15.06.2001г. (пятница)

Встал на протоке. Красота, уток тьма и другой дичи. По камышам и каргам добрался наконец до залива Провал. Впереди замаячили Дубинино и Оймур. Перекусил остатками копчёного омуля из Харауза с картошечкой из зимовья племянника Александра, который родственник по женской линии Шалагину Виктору, которому Кент Гоша и передавал большой привет на мыс Толстый, Шалагин был бригадиром рыбаков на ставных неводах. Пришёл в Оймур. Деревня длинная – в одну улицу, почта уже закрыта. В магазине купил сигарет и чаю. Лодку оставил на берегу, примерно на час и ни одна собака к ней не подошла. Народ здесь пошёл другой. Возвращаясь из магазина встретил на берегу компанию: Талгат, два Андрея, Равиль – брат Талгата и Виктор. Заслуживает внимания Талгат. Живёт в Зиме, но родился и вырос в Оймуре. Рассказал про своё детство, про то, как Байкал был на 200 м дальше. Где была улица – теперь обваливающийся берег. Когда в 70-80 гг. был хороший рыбзавод, хорошая мебельная фабрика и около 5 тысяч населения. Сейчас всё разрушено и населения коренного осталось тысяч 2. Остальные дачники. Попрощавшись с мужиками отошёл от Оймюра и встал на мысе под Дуланом.

Глава 4

Энхалук, мыс Толстый, мыс Бакланий, зимовье Жигжитова, турбаза “Максимиha”

Занятное это дело – идти на байдарке вдоль береговой линии. Вот маячит по курсу впереди мыс и так хочется обогнуть его и посмотреть, что там за мысом. А там вдалеке опять мыс, а за ним следующий, следующий, следующий...

Между двумя соседними или бухта, или залив, или губа.

Залив – это большое водное пространство, измеряемое десятками километров, например, Баргузинский залив или Чувыркуйский залив.

Бухта – это сравнительно небольшое водное пространство, вдающееся в сушу между мысами и измеряемое скажем километрами. Бухта, как правило, позволяет укрыться от трёх, из четырёх, направлений штормовых ветров.

Ну, а губа – это что-то среднее между заливом и бухтой. И где-то далеко впереди нас ожидает встреча с губой под звучным названием Большой Амнундакан. Ну, это всё ещё впереди, а пока проходим мыс Облом. За мысом встретили бригаду рыбаков со ставным неводом. Заморосил дождик, и мы решили переждать его на стоянке у рыбаков. Сидя у костра на стоянке, попросили рассказать рыбаков, что есть такое – ставной невод.

Ставной невод, начал рассказывать один из рыбаков, представляет собой следующее. Ставится от берега в море перо из невода длиною до одного километра. Перо крепится к стойкам и он указал на длинный ряд, уходящих в море стоек. Стойка представляет собой не толстое дерево длиной 10-15 метров, иногда она состыкована из двух деревьев в длину.

К одному концу стойки крепится большой камень, который затем опускается на дно, а стойка укрепляется двумя оттяжками. Место для установки ставного невода выбирается таким, чтобы в километре от берега глубина не превышала 10 – 15 метров. Так вот, продолжал рыбак, к этим стойкам крепится перо невода. А вон вдалеке, видите, стоит круг стоек – это уловы ставного невода. В этих уловах, с обеих сторон пера, устанавливаются огромные мешки из невода. Ставным невод потому и называется ставной, что он ставится на весь сезон рыбалки. Сезон этот продолжается примерно два с небольшим месяца: с середины июня и до середины или конца августа. В конце августа и в сентябре омуль идёт в реки на нерест и добыча омуля с этого времени запрещается. Так вот, продолжил свой рассказ рыбак, процесс ловли омуля с помощью ставного невода происходит следующим образом. Идущий косяк рыбы упирается в перо невода и идёт в сторону от берега, т.е. в сторону улова.

Затем через узкую щель косяк рыбы попадает в улов. Рыбаки с определённой периодичностью подходят к улову, вытягивают специальный конец верёвки с помощью которой закрывается щель улова. Затем поднимается медленно этот мешок – улов и рыба вычерпывается специальными сачками в лодки. Сачки эти непременно деревянные, чтобы не травмировать рыбу при вычерпывании. Лодки, в которые вычерпывается рыба, большие и вмещают в себя пять и более тонн рыбы. Эти лодки буксируются небольшими катерками-ботиками или на них ходят на “гребах”, т.е. на вёслах. Раньше на Байкале такого способа ловли рыбы не было и пришёл ставной невод скорее всего с востока от японцев или китайцев и пришёл сравнительно недавно.

Раньше рыбачили так называемыми заводными неводами, да ими и сейчас рыбачат. Преимущество заводного невода перед ставным состоит в том, что при удачной тоне заводным неводом берут по 50 и более тонн рыбы, а мы в ставном неводе в хороший улов по 3-5 тонн. Вот такая наша нехитрая рыбалка, закончил свой рассказ один из рыбаков.

– Да. Нехитрая-то она не хитрая, а, небось, ставник (так рыбаки коротко зовут ставной невод) тоже ставить не просто? – заметил Николаич.

– Да, оттого где стоит невод и как он поставлен, непременно зависит и улов, – ответил рыбак. Дождик прекратился. Рыбаки угостили нас обедом.

Это непременно уха с крупой и каша с тушёной. Дали нам в дорогу солёного омуля и мы, попрощавшись, двинулись далее к очередному выступающему мысу Сухинскому.

Вдруг после дождя стал наплывать с озера туман. И когда он достиг нас, то видимость сократилась до 10-15 метров. Впереди, слева и справа видимости никакой и только справа по ходу метрах в десяти смутно виден берег. Это был единственный ориентир, относительно которого и приходилось двигаться вперёд. И хотя по карте в этом месте береговая линия была прямой на десятки километров, при движении в тумане создавалось ощущение, что берег постоянно уходит вправо, и мы движемся как бы по кругу, огибая какой-то остров. Понимая, что это обманчивое ощущение, мы, как ёжики в тумане, продолжали двигаться вдоль береговой линии. Наши ожидания, что туман так же внезапно рассеется, как и появился, не сбылись. Проходили часы, а туман так и не рассеивался.

– Ты посмотри, что нам навстречу движется, указал Николаич влево и вперёд. Я присмотрелся. Сквозь туман проглядывала огромных размеров лодка, как старинный галерный корабль. На лодке медленно поднималась и опускалась огромная пара вёсел. Мираж продолжался недолго, и затем это видение растаяло в тумане.

Всё объяснилось довольно скоро, мы встретили рыбака на лодке с распашными вёслами. Он тоже не отходил далеко от берега, боясь потерять ориентацию в густом тумане. Пристали к берегу, закурили. Рассказали ему про мираж. Он нисколько не удивился и подтвердил, что миражи при таких погодных условиях на Байкале частое явление. До деревни Сухая эдак километров 6-7, а вот через километр, примерно, бывший пионерский лагерь, а сейчас вроде как база отдыха, сообщил нам рыбак. И действительно, минут через десять ходу вдоль берега замаячил заборчик. Причалили. Время клонилось к вечеру, потому решил сходить на базу осмотреться. В заборчике имелась калиточка, аккуратно закрытая на вертушку. Рядом хорошая волейбольная площадка. Справа павильон. В павильоне душевые, комната с ванной и сильно пахнет сероводородом.

Открыл кран в ванную, побежала вода с резким запахом. Через некоторое время вода оказалась горячей. Продвигаюсь дальше вглубь базы. Стоят одноэтажные корпуса под номерами 1, 2, 3, и т.д. перед корпусами палисадники, цветёт багульник и на удивление ни одной живой души. Думаю, хотя бы собака тявкнула, так нет. Иду дальше, показались въездные ворота и справа домик, очевидно сторожа. Дверь в сени приоткрыта.

Стучу в двери комнаты – тишина. Захожу. В глубине комнаты на кровати лежит мужик в обнимку с котом.

– Здравствуйте, хозяин, – погромче говорю я. Мужик зашевелился, с трудом поднял голову и не очень членораздельно спросонья спросил:

– Ты кто такой?

Я объяснил, так, мол, и так, путешествую на байдарке и можно ли у него переночевать.

– Иди в ванную, набирай воду, купайся, а потом будем ночевать.

Познакомились, сторожа зовут Гена. Спрашиваю, чего на базе никого нет?

– Так послезавтра только открытие сезона и будет заезд, – объяснил Гена.

Я пошёл в павильон, налил в ванную горячей воды и улёгся греться. Вдруг, минут через десять прибежал запыхавшийся Гена.

– Мужик, ты живой тут?

– А что случилось?

– Да я забыл тебе сказать, что больше десяти минут в этой воде лежать нельзя.

– А то что?

– Что, что! Сердце может остановиться. Пришлось вылезать из приятной тёплой ванны.

Сходил к байдарке, взял солёного омуля, хлеба и бутылку спиртного и пошёл к Геннадия ночевать в дом сторожа.

Где-то к полуночи приехала компания знакомых Геннадия купаться в горячем источнике. Курагазили они часов до двух ночи, а затем уехали. В избе было жарко натоплено, спалось плохо, а возможно, ещё из-за горячей сероводородной ванны. Утром опять туман, но двигаться вперёд всё равно надо. Опять весь день, как ёжики в тумане, и только к вечеру стало раздувать.

У мыса Толстого встретили бригаду рыбаков ставного невода и остались у них на ночлег. За пару километров ещё до стана рыбаков прошли интересное место, которое называется 'белый камень'. Действительно на берегу у воды лежат огромные камни, отполированные волной до белого цвета, что и послужило этому месту названием.

К вечеру распогодилось и стали видны близлежащие господствующие вершины гор.

Сориентировавшись по карте на самую высокую заснеженную вершину Николаич сказал:

– Послушай, это твоя однофамилица, и называется она – гора Давыдов.

– Ба! Так мы же планировали на неё подняться.

– Подняться-то планировали, да только придётся отложить. Там сейчас по пояс снега, а мы с тобой одеты по-летнему.

– А знаешь, почему эта гора называется Давыдов?

– Ну и почему же?

– Где-то в середине девятнадцатого века в этих местах велась работа по созданию карт местности. Так вот, этой группой топографов-геодезистов руководил человек по фамилии Давыдов. Вот в честь него и назвали эту безымянную вершину. Правда, она на одних картах носит название “гольцы Давыдова”, а вот на нашей карте называется гора Давыдов и высота её составляет 1717 метров над уровнем моря. Если учесть, что мы сейчас находимся на берегу Байкала, где высота над уровнем моря составляет 456 метров. То выходит вершина возвышается над нами на 1261 м и это на удалении всего каких то десятков километров. Полюбовавшись заснеженными гольцами вершин в последних лучах заходящего солнца, пошли к стану рыбаков готовиться к ночлегу.

Поутру, обогнули мыс Толстой, впереди замаячил очередной мыс – Бакланий. Этот мыс один из красивейших мысов на Байкале и поэтому требует персонального, особого описания.

Мыс с очень изрезанной береговой линией, окружённый множеством торчащих из воды подводных камней самых причудливых форм. Среди камней множество небольших песчаных бухточек. Возможно для большого катера это и не самое удобное место для стоянки, но для байдарки это просто сказка. Можно уткнуться носом в крошечную, уютную песчаную бухточку за большими камнями, где нас уже не могла достать ни волна, ни ветер.

– Николаич, посмотри какой рядом с нами огромный причудливый камень. Взобравшись на него, я обнаружил площадку метра два на полтора с шикарным подголовником, ну ни дать, ни взять – распахнутая диван-кровать. Было приятно, развалившись полежать на тёплом, прогретом солнцем камне. На вершинке самой выступающей части мыса возвышался довольно большой крест. По виду крест не напоминал собой какого-либо похоронного или религиозного знака. При ближайшем обследовании креста наши предположения подтвердились. Крест символизировал собой эпохальную временную дату: начало нового тысячелетия и нового двадцать первого века. Другая часть предназначения креста будет понятна из содержащихся на нём надписей.

Крест был изготовлен из очищенной сосны диаметром примерно в 15 сантиметров с помощью топора. Высота его составляла 4-4,5 метра. Он был прочно укреплен в основании камнями и расшит для устойчивости двумя укосинами. Крест имеет две горизонтальные перекладины. Нижнюю на высоте около трёх метров и верхнюю на высоте около четырёх метров и размахом порядка одного метра. Лицевая сторона перекладины и самого креста, обращённая к Байкалу была слегка протёсана топором и несла на себе следующие надписи:

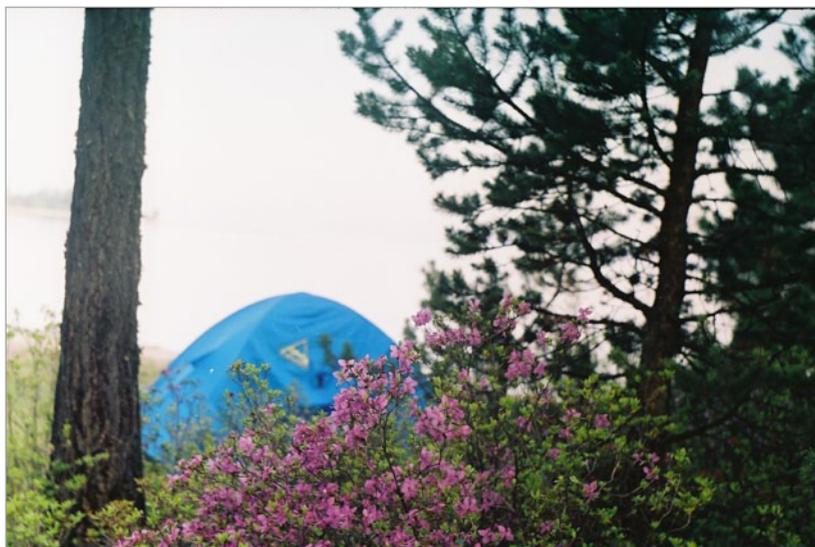
«Россия – Франция 2000»

«Молодёжный художественный театр Улан-Удэ – [Театральная компания] L'Insolite Traversee».

Несмотря на признаки довольно частого посещения Бакланьего мыса людьми, он не создавал впечатления захламлённого места. Где-то на пляже оставались сложенные из камней топки бань, где-то места стоянок, но везде было довольно чисто. У одного из пляжей замаячила крыша зимовья. Подошли. И тут тоже были приятно удивлены чистотой. Рядом с зимовьем был сооружён добротный стол, место для костра, мусор весь схоронен в отдалённое место и на краю чистого стола лежала относительно чистая тряпка. Пройдя уже немало зимовий, мы заметили, что на Байкале почти правило: в зимовье немного сухих дров, берёзовая кора, немного соли, огарки свечей и на углу стола тряпочка, хоть стол в зимовье, хоть на открытом месте. У входа в зимовье была прибита гвоздями страница иллюстрированного журнала с полуобнажённой натурщицей и с крупным заголовком “Второе дыхание”.

Не став особо разбираться, где там первое и почему второе дыхание, и мысленно похвалив хозяина зимовья за столь уютно выбранное и понравившееся нам место, мы двинулись дальше обследовать мыс. Везде среди камней мыс догорал отцветающим розовым багульником из семейства рододендронов.

Заканчивая обследовать мыс Бакланий, мы заметили спускающуюся с берега к воде неприметную дорожку. По карте сюда дороги нет. Выйдя на берег посмотреть, что это за дорога обнаружили, что это видимо зимник, по которому выезжают на автомобилях на лёд. И как бы в подтверждение нашим предположениям на сосне у берега был прибит указатель: “Дороги нет”.

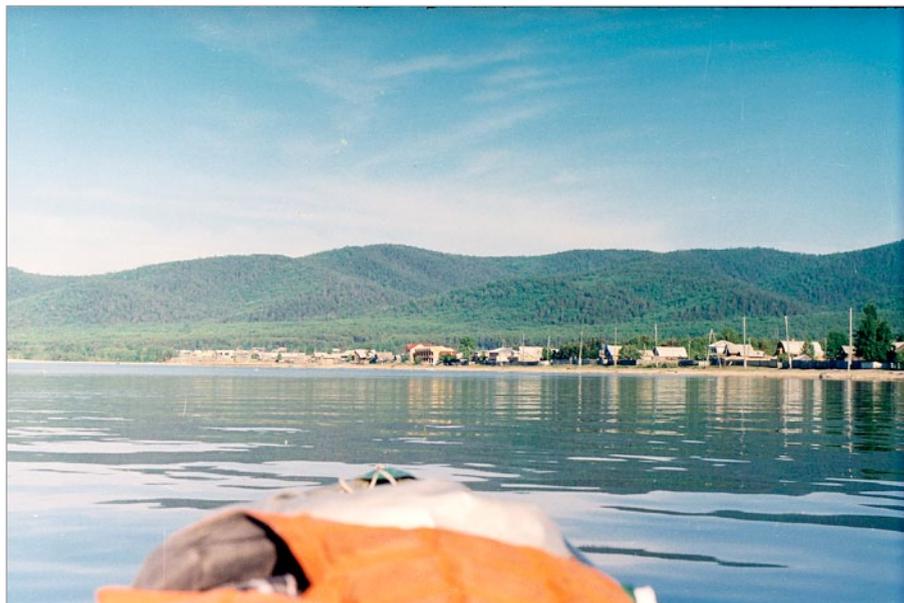
Но этот указатель был не для нас. Наша дорога шла по воде, вдоль берега и впереди ещё предстояло пройти более полутора тысяч километров.

Заночевали у рыбаков за мысом Тонким. Они до двух часов ночи тянули невод и поймали омуля около десяти центнеров. Это по байкальским меркам немного. На этом месте, где стоял рыбачий стан, была раньше деревня и называлась она Таланки. Следующим пунктом встречи предстояло село Гремячинск.

Гремячинск – одно из очень красиво расположенных сёл на берегу Байкала. Дома ухоженные, детский садик разрисован как картинка. В магазине хороший ассортимент продуктов. И вообще в отличие от многих других поселений на берегу Байкала, создающих впечатление вымирающих, Гремячинск приятно радует тем, что село живёт и расширяется. Возможно, это объясняется ещё и тем, что автомобильная дорога, связывающая Улан-Удэ с Усть-Баргузином и другими поселениями баргузинской долины, подходит именно к Гремячинску и далее до Усть-Баргузина практически идёт по берегу Байкала.

В Гремячинске строится большая туристическая база с рублеными домами, банями и прочими постройками. Называться эта база будет “ Байкал-Тур”. Название Гремячинска, по одной из версий, произошло от гремящего ручья.

Следующая встреча предстояла с довольно большим поселением на берегу Байкала, которое называется Турка. Прямо у посёлка впадает в Байкал речка с одноимённым названием Турка.

Оставив Николаича с байдаркой на берегу Байкала, пошёл прогуляться по посёлку и поискать старожилов. Народ в посёлке живой, не без чувства юмора. На одном из магазинов висит вывеска: “Продукты 24 часа + 1 час”. Прошёл мимо вывески “Леспромхоз”. Впереди в конце улицы замаячила бензозаправка, значит, где-то здесь живёт один из старожилов пос. Турка. Я спросил у шедшей навстречу женщины: где живёт Георгий Павлович Жуков? И она показала на небольшой домик со ставнями. Домик был выкрашен в зелёный цвет, у калитки была сделана лавочка, тоже выкрашенная в зелёный цвет. Подошёл, постучал в калитку. Во дворе дома слышались шаги.

– Кто там? – раздался голос, – сейчас, сейчас...

В калитке появился сухощавый пожилой человек. На вид, как мне показалось, ему было примерно лет семьдесят. Поздоровались.

– Давыдов Валерий Николаевич, – представился я. Путешествую на байдарке вокруг озера Байкал. Мне сказали, что вы один из старожилов посёлка Турка. Собираюсь написать книгу о байкальских встречах, о людях, живущих на Байкале. Расскажите что-нибудь интересное из вашей жизни.

Мы присели на лавочку около палисадника. Собеседник мой, как мне показалось, был расположен к разговору и, похоже, располагал достаточным свободным временем.

– Зовут меня Георгий Павлович Жуков. Вот уже восемьдесят шестой годок идёт, как я живу в Турке. По молодости работал водителем на лесовозе в нашем леспромхозе, а затем более тридцати лет работал учётчиком и бухгалтером. Всю жизнь почитай, как и все живущие на Байкале, занимался охотой и рыбалкой. Вот ещё и в прошедшую осень и зиму добыл двенадцать соболей. Езжу ещё на мотоцикле “Урал” с коляской.

При упоминании мотоцикла “Урал” я не мог не без гордости сказать, что я с Урала. Но не из города Ирбит, где выпускают мотоциклы “Урал”, а из города Миасс, где производят грузовые автомобили марки “Урал”.

– Да, автомобили “Урал” хорошие машины, – похвалил Георгий Павлович уральские грузовики. Сколько мы леса на них вывезли. – Он посмотрел на меня, как мне показалось, с некоторым сомнением, будто бы я приехал из какой-нибудь Австралии или Новой Зеландии.

Впрочем, как выяснилось из дальнейшего разговора, всё жизненное пространство Георгия Павловича за последние более чем полвека жизни ограничивалось с одной стороны горами – охотничьими угодьями, а с другой стороны – бескрайним озером – рыбацкими угодьями. И поэтому не удивительно, что для него и Улан-Удэ, и Урал, и Москва так же далеки, как и призрачная Америка или скажем Австралия.

– Было у нас с женой пятеро детей, – продолжал свой рассказ Георгий Павлович. Да все уже поумирали. Кто по болезни, а кто трагически погиб. И вот живу я, считай лет пятьдесят, один.

На глазах у моего собеседника навернулись слёзы и он не сдержавшись, заплакал.

– Да что ты, Георгий Павлович, стал успокаивать я его. Радуйся, что бог тебе отпустил долгие годы жизни, что ты ещё неплохо себя чувствуешь, охотишься, рыбачишь.

Собеседник мой, несколько успокоившись, продолжал свой рассказ.

– Живу я, как ихтиозавр, среди этой молодёжи. Я их не понимаю, а они меня. Ходят с этими ”жужжалками” в ушах, да с телефонами-коробочками в руках. Чуть повзрослей – уезжают кто куда. Вот и доживают здесь старики да старухи. Да и работы тут, считай, не стало.

Поговорить-то порой не с кем. Правда вчера заходил один давний приятель, хорошо посидели, бутылочку водочки выпили.

– А что, Палыч, ещё выпиваешь в своём-то возрасте?

– Да, бывает немного. А вот не курю я уже считай давненько, даже не припомнить, сколько уж лет.

Я с его позволения, закурил.

– А что, Палыч, почему посёлок–то Турка называется?

– Да и не знаю я, право. Вот речка тут рядом впадает в Байкал, Турка зовётся. Видно и село поэтому так называли. А почему Турка – не знаю.

Я засобирался идти дальше, а Палыч стал меня уговаривать остаться у него дня на два, на три, сходить на рыбалку. Но я, сославшись на долгий путь вокруг Байкала, отказался от его предложения и двинулся дальше.

(Через два года, проезжая село Турка на машине, я остановился у дома Георгия Жукова. Ставни были закрыты. Спросил у соседей, где Жуков? Мне ответили, что недавно умер.)

Шёл уже двадцать второй день пути, и заканчивалась шестая сотня пройденных километров, т.е. почти одна треть всего намеченного маршрута.

Дело в том, что двадцать пятого июня намечена встреча в Усть-Баргузине с моим старшим сыном Дмитрием. Осталось ещё четыре дня и меньше сотни километров пути до Усть-Баргузина.

Проходим мимо посёлка Горячинск. Это санаторно-курортное место с геотермальными лечебными водами. Лечебницы здесь были основаны ещё при царском режиме в конце девятнадцатого века. Проходим мимо Горячинска, не устаивая своим вниманием посещения столь известных мест на Байкале, поскольку о них написано и переписано в многочисленной литературе, а просто фиксируем своё пространственно-временное расположение констатацией факта: проходим мимо Горячинска. Нас более манит и волнует, маячащий далеко впереди мыс Безымянный, и не потому, что там за ним (это мы знаем по карте), а потому какие новые встречи с кем, где и как нас ожидают там впереди. И вот именно это хорошее ощущение не позволяет заскучать в столь продолговатом пути, а гонит и гонит нас вперёд. И это ощущение новых встреч не может подвести нас по одной простой причине. Можно на коротком участке пути не встретить никого, но на большом и, тем более на очень большом, участке пути такие встречи неизбежны. И как бы в подтверждение этих соображений, нас ожидала впереди интересная встреча.

Обогнув мыс Повалишина, мы заметили на берегу едва приметную крышу зимовья. Дело в том, что на берегу Байкала большинство зимовий ставится с учётом ряда практических соображений.

Во-первых, зимовье ставится недалеко от кромки воды для того, чтобы не таскать далеко рыбу, сети и другое снаряжение.

Во-вторых, как правило, зимовье расположено в складке местности (за бугорком, за прибрежным валом и т.п.) так, чтобы оно было защищено от суровых зимних ветров, дующих с Байкала. Поэтому всегда, даже находясь в непосредственной близости от зимовья, с воды виднеется одна лишь крыша с трубой от печки. Явным признаком присутствия зимовья, является наличие лодки на берегу у зимовья.

В данном случае напротив виднеющейся крыши зимовья, на берегу была лодка типа “Казанка“, но она была не как обычно вытаскана на галечную косу из воды, а стояла приставленной на бок

к обрывистой части берега метров в пятнадцати от воды. Создавалось такое впечатление, что хозяину лодка в ближайшее время не понадобится. Дымок из трубы над зимовьем тоже не наблюдался и поэтому, мы решили пройти мимо, не приставая к берегу. Но не успели мы сделать и нескольких гребков вёслами, как услышали с берега голос:

– Эй, мужики, причаливайте, чайку попьём.

Интенсивно оттабанив правым веслом и загребая левым, мы развернулись и подошли к берегу. На берегу стоял худощавый мужичок.

– Пётр Жигжитов, – представился хозяин зимовья. Проходите к столу, почаёвничаем чем бог послал.

Я, удивившись знакомой фамилии, спросил уж не родственник ли ты Михаилу Ильичу Жигжитову – известному бурятскому писателю, автору повести “Подлеморье” и сборника рассказов о жизни охотников и рыбаков на Байкале.

– Да, это мой отец, – ответил Пётр, так как я и есть Пётр Михайлович Жигжитов. Родом я из деревни Максимихи, что вот тут недалеко за мысом Крестовый. Отец по профессии учитель и последние годы жизни жил в Улан-Удэ, где и умер в 1990 году. А мы с братом так и живём в Максимихе.

Так-то у меня со здоровьем неважно, вот только и чувствую себя хорошо здесь на берегу в зимовье. Летом занимаюсь рыбалкой, зимой охотой. Пётр снял крышку со стоявшего на столе котелка и предложил: угощайтесь. То, что находилось в котелке на вид и на вкус напоминало варенье.

– Мясо нерпы, – ответил Пётр.

Иногда случайно попадается нерпа в сети, вот рыбаки и используют её в качестве продукта питания. Он достал из другого котелка вареные ласты нерпы.

– А вот это у нас считается деликатесом. Особенно вкусно с острой горчицей.

Но горчицы у нас не было и поэтому пришлось пробовать так – без горчицы. Варёные ласты по виду и по вкусу напоминали очень крутой холодец с мягкими хрящами внутри, которые легко пережёвывались.

– И ещё вот попробуйте подсоленный нерпичий жир. Он очень питательный и полезный. Рыбаки часто используют этот жир в качестве калорийной добавки к основному продукту питания – рыбе.

Петр достал два куска внушительных размеров подсолённого нерпичьего жира.

– Вот возьмите в дорогу и будете также использовать в качестве добавки к рыбе. На этом жире можно жарить и тушить рыбу, картошку, да что угодно. Можно и вприкуску есть с ухой.

– Ну вот, попробовались калорийной еды, а теперь давайте попьём чайку заваренного на букете здешних трав.

– А что это за травы? – поинтересовался я. Спрашиваю не ради любопытства, а с целью тоже заваривать из них чай.

– Да тут много чего, – ответил Пётр. Вот так идёшь по лесу то там веточку, то тут горсточку, вот и набирается на чай.

– Ну а если серьёзно, то это и прошлогодние листья бадана, листья и ягоды шиповника, листья багульника, брусничника, кусочки чаги, листья черёмухи, да и много ещё чего можно использовать в качестве составляющих заварки. Секрет тут только в том, в каких соотношениях составлять заварочный букет, чтобы добиться определённого приятного запаха и вкуса чая.

– Вот километрах в двух от моего зимовья вы проходили, видели ещё зимовье?

– Видели, но там не было человека.

– Так вот, хозяин его Володя, он травник. Если бы вы заглянули в зимовье, то увидели бы, что всё оно увешано пучками различных сушёных трав. Вот у него я и перенимаю кое-какие рецепты, как пользоваться теми или иными травами.

– А в зимовье его нет сейчас потому, что погода стоит хорошая и он может неделю шастать по тайге в поисках различных трав. Некоторые травы очень редкие и растут в таких потаённых местах, что их довольно трудно отыскать. Как правило, понимающие в травах люди-травники, находят эти места случайно, но в отличие от всех остальных людей, они чётко фиксируют, запоминают эти места, и никому о них не рассказывают.

– Да, – вступил я в разговор, – мне тоже известны такие случаи, когда люди тщательно скрывают места произрастания тех или иных растений.

Рассказ пойдёт об известном и знаменитом корне женьшень. В конце пятидесятых годов прошлого века мне пришлось работать в геологоразведочной партии в Приморском крае, на Дальнем Востоке. Весь сезон с мая по ноябрь мы работали в тайге в горах хребта Сихотэ-Алинь. И был у нас в группе очень опытный таёжник

– техник Володя. Он обучал нас молодых всяческим премудростям таёжной жизни и рассказывал вечерами у костра разные интересные истории о таёжниках. Есть такие люди, которые занимаются поиском корня женьшень, и называются такие люди корневищниками (в отличие от травников). Ценен корень женьшень тем, что в нём содержатся вещества, являющиеся очень сильными биостимуляторами и поэтому, принимая настойку этого корня, во время болезни организма, очень сильно повышается его сопротивляемость и, как следствие, болезнь отступает. Поэтому корень женьшень и сльвёт, как средство от всех болезней. А ещё корень женьшень ценен потому, что редко встречается в тайге и его не так просто отыскать. Корень произрастает небольшими “семейками” т.е. взрослые корни и детвора мал мала меньше. Опытные корневищники особыми способами помечают такие места в тайге, чтобы потом их могли отыскать сыновья, внуки и правнуки. Из семейства берутся только взрослые корни, а детвору оставляют на долгие годы подрастать. Ищут корень в августе-сентябре по красным ягодам на вершине стрелки-стебля, растущего из головки корня. На этом стебле в каждый год его роста добавляется по одному отростку с пятью листьями, как пальцы на руке у человека.

Взрослыми и ценными считаются корни, у которых стебель имеет пять и более таких отростков. Сам корень по форме тоже напоминает фигуру человека. Он имеет голову, шейку, два отростка, похожих на руки, туловище и два нижних отростка, похожих на ноги. Размер корня оценивается в граммах. Как правило, это десятки граммов, но отдельные экземпляры, очень редкие, достигают по весу несколько сотен граммов. Такой взрослый корень, имеющий пять, шесть отростков на стебле, вовсе не означает, что его возраст пять-шесть лет, нет. Он иногда по несколько лет сидит в земле и не выбрасывает надземную стрелку. Получается, что корень, имеющий стрелку с пятью-шестью отростками, по пять листочков на каждом, на самом деле может иметь возраст несколько десятков лет. Вот такие бывают редкие растения в тайге – закончил я свой рассказ.

Попили настоявшегося душистого чая на травах и стали прощаться с Петром. Пора двигать дальше, как говорится – дорогу осилит идущий. Провожая, Пётр ещё раз повторился, что тут до Максимихи рукой подать. Обогнёте три мысочка Крестовый, Бученкова и Максимин и будете в Максимихе.

При подходе к мысу Крестовый погода стала ухудшаться. Ветер “култук” всё усиливался и верхушки волн стали покрываться белыми “барашками”. Но, обойдя мыс Крестовый, мы заметили, что волна стала уменьшаться, а за мысом Бученкова и вовсе стало поспокойнее.

На мысе Крестовый установлен крест и, как рассказывают местные жители, раньше было кладбище погибших на Байкале рыбаков.

В бухте за мысом Максимин показалась уютно расположившаяся на берегу деревня Максимиха. Название этого места, как гласит легенда, произошла от жены казака Максима, который первым появился в этом месте. После его смерти жена ещё долго жила в этом месте. В народе её прозвали Максимиха. Вот от её прозвища и пошло название и впадающей здесь речки и, позднее, деревни – Максимиха. Километрах в шести от деревни, в месте впадения ручья, вытекающего из расположенного невдалеке озера Духового, находится турбаза Максимиха.

Прошло уже 23 дня с начала моего путешествия, надо было отдохнуть, причесать мысли и планы, и турбаза для этих целей была, как нельзя кстати.

Заезд отдыхающих на турбазу был запланирован через несколько дней и поэтому охраняющий её сторож, выделил мне отдельный домик на берегу. В домике была одна кровать с панцирной сеткой и небольшой столик, всё остальное снаряжение, необходимое для создания комфорта, у меня было с собой в байдарке.

На 25 июня у нас была намечена встреча с моим старшим сыном Дмитрием в Усть-Баргузине. Настало время прощаться с моим виртуальным попутчиком и собеседником – Николаичем. Завтра он должен уступить место реальному попутчику в продолжение моего путешествия – Дмитрию, который ещё с раннего детства носит укороченное имя – Димыч.

Днёвка на турбазе Максимиха была занята частичным ремонтом байдарки, ревизией продуктов и снаряжения. К вечеру собрались в домике сторожа небольшой компанией на званый ужин.

Угощались варёной нерпой, пренеприменно солёным омулем (одно из самых популярных рыбных блюд у местных жителей), пили, имеющийся у меня в запасе медицинский спирт, разведённый наполовину байкальской водой. Пообщался с несколькими рыбаками из бригады, которая ловит омуля ставным неводом километрах в десяти от турбазы у мыса Чёрного.

Я стал расспрашивать рыбаков о бытующем мнении, что омуля в Байкале становится всё меньше, на что один из них с улыбкой ответил.

– Николаич, не проспи утром и подходи к ставному неводу, посмотришь, как мы будем выбирать один из двух уловов невода. Ставной невод – это способ ловли рыбы на Байкале не исконный издавна, а пришедший из других мест сравнительно недавно, как говорят рыбаки, но вот откуда, наверное, не знают: возможно, с Балтики, а возможно из Японии.

Я подошёл на байдарке к рыбакам, когда они уже выбрали правый улов. По мере подъёма улова вода в глубине стала искриться серебристыми блёстками мечущегося в улове омуля. И когда улов подняли ещё выше, всё превратилось в кишашую искрящуюся серебром массу.

– Сколько же здесь рыбы? – подумал я.

Рыбаки стали вычерпывать сачками рыбу в лодки. Лодки, в которые рыбаки транспортируют рыбу к берегу, огромные, вмещающие в себя по три-пять тонн каждая.

Вдруг за спинами рыбаков я заметил довольно быстро надвигающуюся на нас тёмную стену, издающую шипящий звук. И чем ближе эта стена надвигалась, тем это шипение всё более усиливалось.

– Мужики, что это там? – спросил я, указывая на надвигающуюся тёмную стену.

Рыбаки оглянулись и воскликнули:

– Мамай идёт! – и уже обращаясь ко мне закричали: – Николаич, сматывайся быстро на берег.

Я послушно развернулся носом байдарки к берегу и стал усиленно загребать веслом.

Чтобы пройти расстояние в один километр до берега, при интенсивной работе веслом, как я знал, мне необходимо всего 6-7 минут. Но уже через 3-4 минуты эта надвигающаяся стена меня настигла. Пролетел шквалистый порыв ветра, срывающий брызги с небольшой пока ещё волны. Эти брызги неслись горизонтально над поверхностью воды. Одновременно начался всё усиливающийся крупный дождь, переходящий в ливень. Ещё через три минуты я уже был с байдаркой на берегу. Сквозь густую пелену ливня, видимость всего-то метров на пятьдесят, ничего не видно и я стал беспокоиться за рыбаков, как они там. Волна поднялась уже до метра высотой и с шипением накатывалась на берег. Но мои волнения, как оказалось потом, были напрасными потому, что рыбакам не впервые приходится встречаться с «Мамаем». Их лодки и катерок-ботик спокойно выдерживают и двухметровую волну. Минут через двадцать послышалось тарахтенье ботика, который буксировал лодки с уловом. Лодки уткнулись в берег и рыбаки приступили к разгрузке рыбы по давно уже отлаженной системе. Двое накладывали сачками омуля в деревянные ящики, остальные должны относить их и грузить в машины. Два ЗИЛа, приехавшие из Усть-Баргузина уже ждали неподалёку.

– Ну что, Николаич, помогай, – обратились рыбаки, и я с готовностью принялся таскать ящики с рыбой к машинам.

Количество пойманной рыбы здесь определяется не с помощью весов, а по числу ящиков – каждый ящик 30кг рыбы. Минут через сорок интенсивной беготни под непрекращающимся дождём с ящиками наполненными рыбой, процесс разгрузки лодок и загрузка автомашин закончился. Загружено было в машины 170 ящиков, а это означало, что улов превысил пять тонн.

Мокрые насквозь, но согретые интенсивной работой, собрались все в небольшой избушке стана рыбаков на обед. Пили разведённый байкальской водой спирт, ели уху, солёного омуля и ещё какую-то жареную рыбу.

Дождь потихоньку прекратился и я засобирался продолжить свой путь. Рыбаки в дорогу предложили мне два огромных, только что выловленных сига, эдак килограмм по пять каждый. Я было заупрямился, что мол этого мне не съесть, но они со знанием дела объяснили, вот это сварить уху, вот это пожарить на сковороде, а вот это подсолишь и в полиэтиленовом пакете положишь на дно байдарки и солёный сиг сохранится у тебя сколь угодно долго. Они так настойчиво предлагали, что отказываться было неловко и, приняв этих 2-х сига и тепло попрощавшись с рыбаками, я двинулся в путь.

До Усть-Баргузина оставалось не более 15-ти км, а время было ещё полуденным. Налетевший на нас с утра «Мамай» перешёл в устойчивый ветер «култук» и, как сказали рыбаки, он может дуть дня три, не переставая. Волна пока ещё была не большой, но при подходе к мысу Чёрный стала усиливаться и на гребне волны стали появляться белые барашки. Появление этих барашков означало для меня, что волна становится небезопасной с точки зрения захлёстывания байдарки, даже при самом оптимальном галсе хода относительно волны и ветра. С другой стороны, необходимо было идти ещё более получаса до песчаного берега Баргузинского залива, так как у мыса Чёрного скальные прижимы не позволяют причалить к берегу. И по мере приближения к намеченному месту причаливания, ветер всё крепчал, и волна становилась всё круче и круче. Выйдя из-за мыса, я увидел несколько легковых автомашин на берегу и людей, наблюдавших за моими действиями. Волна на песчаных отмелях, уже метрах в 30-40 от берега вздыбливалась полутораметровым валом и с шипением выкатывалась на берег. По этой причине близко идти параллельно берегу невозможно. Иду примерно метрах в ста от берега и изучаю его.

Вдруг обнаруживаю в песчаной отмели углубление к берегу, где волна сворачивается в накатывающийся вал в непосредственной близости от берега. Принимаю решение «выбрасываться» на берег именно в этом месте. Но поскольку я уже это место прошёл, мне предстояло развернуться против ветра на 180 градусов и потом заходить в это углубление. Пришлось вспомнить знаменитую картину Айвазовского «Девятый вал». Пропустив самую крутую – «девятую» волну с левого борта, я увидел, что подходят несколько более пологих волн, это и был момент для смены галса на 180°, т.е. повернуться к волне правым бортом и следовать обратным курсом вдоль берега. В это время на берегу уже собралось более десятка любопытствующих: чем же всё это закончится?

Не доходя немного до намеченного места высадки, я стал опять искать этот «девятый» вал и, пропустив самую крутую волну, сделал разворот носом к берегу и, загребая изо всех сил, на гребнях первой, второй, третьей волн помчался к берегу. Но волны накатывают на берег быстрее, чем ход байдарки и я спиной чувствую, что вот-вот меня настигнет тот самый «девятый» вал.

На шестой волне, видя, что уже достаточно мелко, я катапультируюсь из байдарки в воду по поясу, подхватываю на плечо корму байдарки. И подоспевший крутой вал выбрасывает нас на сухой песок. Я, конечно, промок до нитки, а вот в байдарку воды попало совсем немного. То есть то, что я хотел выполнить при выброске на берег в такую волну, мне удалось.

Подбежали мужики, стоявшие на берегу.

– Ну, мужик, ты и фокусник!

– Мы тут торчим на берегу и не можем из-за волны выйти в море сети проверить, как вдруг смотрим, из-за мыса появляется какой-то чукча на оморочке. Мы вначале подумали, что тонет кто-то. Ты то скрывался между волн, то вновь появлялся на гребне волны. Присмотрелись внимательно: нет, не тонет. Потому, что спокойно работаешь веслом и довольно быстро приближаешься к берегу.

– Ну ладно тут байки травить, – перебил один из подошедших. Пойдём, мужик, к нашему костерку, согреемся.

– Сейчас, мужики, переоденусь в сухое и подойду.

– Нет, – завозражали все хором. Давай быстро к костру, а потом переоденешься.

Пришлось подчиниться большинству и подойти к костру мокрому, благо было совсем рядом. За песчаной дюной, прикрывающей костёр от ветра, сидел мужичок и жарил на костре шашлыки. Мужики торопливо начали разливать по стаканам и протянули мне налитый почти доверху граненый стакан.

– Ну, давай, мужик, выпей согрейся.

– Что это? – спросил я.

– Да самогонка, конечно, но добрая.

Пришлось выпить стакан самогонки. Закусывали шашлыком, который оказался зажаренными на деревянных шампурах, кусочками свиного сала. После купания в одежде и сапогах, выпивка с закуской оказалась для меня как нельзя кстати.

– Ну, иди, переодевайся в сухую одежду и подходи непременно, поговорим ещё.

Я вернулся к байдарке, достал герметичный мешок с одеждой и с удовольствием, сняв с себя всё мокрое, переоделся в сухое.

– Николаичем меня можете звать, – представился я, подойдя снова к костру. Мужики представились по именам. Старшего из них звали Семёном, ему 63 года. Работал учителем в школе.

– Ну, продолжил рассказ Семён, смотрим мы на тебя, идёшь вдоль берега метрах в ста и вроде проходишь мимо нас. Нет, смотрим, развернулся в обратном направлении. С интересом наблюдаем: как же ты будешь высаживаться на берег. Но потом увидели, что сделано это было мастерски.

– Видно, Николаич, ты не первый год сидишь в этой тряпочной посудине, но для нас всё равно кажется самоубийственным ходить в этой самой байдарке по Байкалу.

– Ну, давай выпьем ещё понемногу за твоё удачное десантирование на берег.

За песчаным барханом, укрывавшим нас от разгулявшего «култука», было уютно. У костерка накатывающие с шумом на берег полотораметровые волны казались вовсе не такими уж и опасными.

Разговорились про рыбалку, про погоду на Байкале и про разгулявшийся «култук», который будет дуть как минимум ещё пару дней. Они посокрушались, что часть улова пропадёт в сетях из-за непогоды, но всё равно придётся ждать, пока ветер не стихнет.

Я поставил палатку, убрал подальше от воды байдарку, привязав её к дереву, развесил сушиться намокшую одежду. В общем, походная лагерная жизнь стала предоставлять комфорт и уют.

16.06.2001г. (суббота)

Встал утром – ветерок, но сносный. Пошёл на мыс Облом, за мысом сразу зимовье большое и человек б рыбаков. Только подошёл – пошёл дождь. Встал у них на пересидку дождя. Накормили, напоили чаем и дали омуля б штук. Дождь кончился, пошёл. Попал в туман, дальше 20 метров нет видимости. В тумане как ёжик дошёл до Энхалука.

Да:

Оймур – зелёная тропа,

Дулан – тепло.

Почта в субботу не работает, пошёл до Сухой. Перед Сухой по карте пионерлагерь, а сейчас дом отдыха. Встал на ночлег. Сторож Гена. Помылся в горячем сероводородном источнике. Красота. Место красивое, на территории цветёт багульник. Телеграмму дал отправить сторожу.

17.06.2001г. (воскресенье)

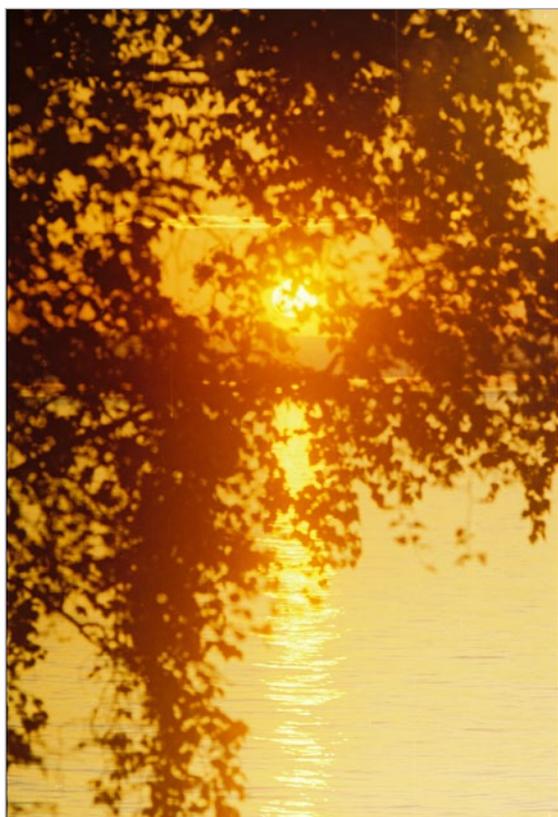
Встал утром плохо выспавшимся: Гена – сторож натопил с вечера свою сторожку – жарница – плохо спалось. Двинулся пораньше. Подходя к Сухой, опять, как ёжик в тумане. Далее Заречье и до мыса Толстого мимо белого камня (сделал снимки). После обеда остановился у базы рыбаков ставного невода. Они меня накормили и дальше не пустили. Говорят, ночуй старик с комфортом. Жарили с Сергеем омуля на рожне. Сделал фото. Отдохнул зато хорошо.

18.06.2001 (понедельник)

Встал утром. Тихо. Серёга проводил. Дал солёных омулей. Прошёл мыс Толстый. Затем мыс Бакланий, красотища. Камни, бухты, песчаные косы, крест. Далее мысы Тонкий и Таланки. Заночевал у рыбаков. Они всю ночь топили невод, а мы с Геннадием (65 лет) ждали до часу ночи. Легли спать. Они пришли в 2 часа ночи. За две тони поймали почти 10 центнеров омуля.

19.06.2001 (вторник)

Проснулся в 6:00, позавтракал. Они встали и взялись за посолку омуля. До Гремячинска 20 км. Стал подходить, чувствую, устал. Надо бы делать днёвку, но жалко хорошую погоду. (Дневать надо в плохую погоду). На хорошем месте стоит Гремячинск. Дома прибранные. Детский садик, как картинка, редкость для байкальских сёл. Строится база Байкал-Тур для интуристов. В старом стиле рубленые деревянные дома, бани, башенки и т.д. Как говорят местные, хотят задействовать в 2003 году. Купил в магазине продуктов и встал отдохнуть километрах в 10 за Гремячинском. Кстати две версии названия Гремячинска:

1 – был громкий ручей (гремел)

2 – гремели кандалы.

20.06.2001 (среда)

Встретил на стоянке выехавших от оз. Котокель с военной турбазы свердловчан, питерцев и москвичей. Накормили, проводили, пожелали. Подошёл к Горячинску. Кордон Турка. Встретился с Жуковым Георгием Павловичем, 85 лет. Живёт один, всех похоронил. Ездит на мотоцикле Урал, добывает соболей (по 12 штук), белок и хорьков. Добрейшей души человек. Сухой, зубы все целые, на вид 70 лет. Постоянно выпивает водку до 1 бутылки, но не курит. Работал водителем на лесовозе, потом лет 30 бухгалтером в леспромхозе посёлка Турка. Почему название Турка – не знает. Имел 5 детей – все потеряны жизнью. Он один. Вывела на его меня племянница Светлана, что встречал в Энхалуке. Затем Горячинск. Курорт. Дал телеграмму. Олег. Отец враз умер на руках 3 дня назад. Помянули.

21.06.2001г. (четверг)

Стоял ночёвкой недалеко за Горячинском на хорошем месте. Встал утром погода замечательная. Прошёл остров Лиственничный, затем мыс Повалишина ни одной живой души. Затем встретил двух рыбаков в зимовье Александра и Павла, остановился передохнуть. Затем встретил Жигжитова Петра Михайловича. Его отец Жигжитов Михаил Ильич был писателем. Умер в 1990 году. Написал много очерков и повесть «Подлеморье».

22.06.2001 (пятница)

Пытаюсь дотянуть до турбазы Максимиха, немного поштормило, слегка успокоилось, пошёл. Волна примерно 70-80 см, байдарка справляется. К Максимихе поутихло. Сделал хороший снимок. Пошёл к турбазе. На берегу сидит компания: Эй, мужик приставай. Выпили по 3 рюмки водки. Пообщались. Пошёл дальше. Дотянул до т/б Максимиха. Устроили на берегу в вагончике. Ели нерпу, которой угостил Петр Жигжитов. Замечательная еда.

23.06.2001 (суббота)

Дневка на т/б Максимиха.

24.06.2001 (воскресенье)

Встал рано. Пошёл по тихой погоде. Подошёл к рыбакам к ставнику. Снял улов. Налетела гроза, шквал, быстренько смотался на берег. Помогал разгружать рыбу. Дали 2-х сига, посолил. Чуть-чуть утихомирилось, пошёл. Волна всё усиливается и, не доходя до устья Баргузина 3-х км, вынужден был с трудом выброситься на берег. Встал на ночёвку. На берегу сидела компания бурятов. Семен (1937 г.р.) – учитель. Ели свиной шашлык из сала и угощали самогоночкой. Завтра назначенный день встречи с Димычем в Усть-Баргузине. Узнал автобус из Улан-Удэ приходит в 16:00.

Глава 5

Усть-Баргузин, Баргузинский залив, Глинка(нежилая), г. Маркова (1877 м), п-ов Святой Нос, Чувыркуйский залив, бухта Змейвая, пос. Курбулик, бухта Безымянная, о. Бакланий, бухта Крохалиная (Гармония), р. Большой Чивыркуй.

Наступил день 25 июня – назначенный день смены моего виртуального попутчика Николаича на реального – Димыча. Итак, за 25 дней пути пройдено 650 км, что составляет одну треть от намеченного.

Съездил, со стоявшими рядом отдыхающими из г. Братска, в Усть-Баргузин на почту и оставил Димычу записку. «Стою в Холодянке» – так местные называют ту часть Баргузинского залива, в которой я высадился на берег.

Вернулись из Усть-Баргузина, штормит. Я купаюсь в этих на-
вальных волнах. Вода примерно 18 градусов, это для Байкала до-
статочно тёплая.

К вечеру пришёл Димыч!!!

Отметили встречу. Штормит, стоим. Ждём у моря погоды. Я
рассказал Димычу, как я выбрасывался на берег при такой волне,
всё в лицах, что описано выше. Из опыта своих байдарочных по-
ходов, я вспомнил один случай.

Год 1968, месяц сентябрь. Группа из восьми человек (две жен-
щины).

Не могу не уважить всех участников того замечательного по-
хода по Приморскому краю, перечислив их поимённо:

Гришай Борис Николаевич (1936 г.р.)

Модестов Геннадий Владимирович (1938 г.р.)

Модестова Людмила Ивановна (1938 г.р.)

Олейник Валерий Александрович (1941 г.р.)

Башков Сергей Михайлович (1938 г.р.)

Коровин Владислав Викторович (1936 г.р.)

Ситникова Татьяна Ивановна (1940 г.р.)

и я – Давыдов Валерий Николаевич (1940 г.р.)

все мы тогда были молодые, и планы у нас были “крутые” и дерз-
кие.

Выходили из пос. Кхуцин, расположенного на берегу Японского моря в устье реки Кхуцин. Далее пешим ходом вверх по реке Кхуцин до левого притока р. Биамо, далее вверх по реке Биамо до перевала через хребет Сихотэ-Алинь. Затем вниз по реке Биамо восточного склона хребта Сихотэ-Алинь до речки Улунга и посёлка Улунга. Здесь пешая часть маршрута (примерно 170 км) заканчивалась и далее путешествие должно продолжиться на байдарках вниз по реке Улунга и далее по реке Бикин до города Бикин (примерно 300 км).

Байдарки и снаряжение я заранее забросил самолётом АН-2 из города Иман в посёлок Улунга.

Последние три дня пешего участка маршрута, из-за задержки по погоде и трудностям таёжных троп, оказались жёстко регламентированы в части продуктов питания. Двухразовое питание этих дней состояло из небольшого кусочка сала и двух «рондоликов» на человека. Благо, что были ягоды и грибы и то, что удавалось добыть с помощью ружья – это три-четыре рябчика в день. Это, конечно, не голод, но для каждодневных таёжных переходов по 15-20 км в день, явно недостаточно. По испытанным нормам в таких походах, положено 1 кг суммарного сухого веса продуктов в день на человека. Чтобы в «непонятках» не осталось, употреблённое выше слово «рондолик» – объясняю. Это небольшая лепёшка, больше похожая на большой оладышек. Пекутся рондолики на сковороде, смазываемой кусочком свиного сала. Как правило, оставшийся кусочек сала от смазки сковороды, достаётся дежурному по кухне, либо презентуется им кому-либо из участников похода.

В общем пришли мы в деревню Улунгу с большим желанием каждого: – «Эх, чего бы вдоволь пожрать». Вся деревня состоит из трёх домов. Один дом лесника Черепанова Александра с женой, второй охотника Коваленко и третий дом – метеостанция.

Встретили нас приветливо. Принесли кастрюлю сметаны, котелок мёда и Черепанов принёс кусок свежего мяса дикого оленя – изюбра. Наготовили мы тут всего и объелись с голодухи так, что некоторым было не совсем комфортно в части экстренного и многократного посещения туалета. Правда отличилась тут Татьяна.

После всего съеденного, она заявила: Держу пари, что съем ещё полную кружку мёда. Кружка по объёму была граммов 300, а мёда в неё по весу входит и того больше. На вызов Татьяны откликнулся Борис: – «Ставлю две бутылки коньяка (дома), что не

съешь!»! Татьяна налила из котелка полную кружку мёда, взяла ложку, села на пенёк и к нашему всеобщему удивлению спокойно съела из кружки весь мёд.

Пришлось по приезду домой Борису ставить две бутылки коньяка.

Но это всё, Димыч, присказка. Я ведь хотел рассказать о байдарке. Так вот. Отдохнули мы денёк в Улунге от нашего пешего перехода, собрали байдарки и начали готовиться к продолжению водной части нашего похода.

Вдруг откуда ни возьмись появляется солдатик.

– Ребята, тут недалеко несёт службу наше подразделение – радиолокационный пункт наблюдения. Нас 30 человек солдат и три офицера. Вот ребята и послали меня пригласить вас в гости. В волейбол сыграем, пообщаемся, а то мы тут за два года службы почти ни с кем и не встречаемся. Предложение было принято и мы все отправились в гости к служивым.

Встретили нас с восторгом.

Сыграли несколько партий в волейбол. А затем Борис с Владиславом, посоветовавшись, предложили служивым небольшой концерт. Все мигом собрались в казарме, за исключением одного человека, который обязан вести наблюдения за локатором.

Борис читал свои стихи и стих классиков.

*Отговорила роща золотая
Берёзовым, весёлым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.*

В казарме стояла такая тишина, что в паузах между номерами, было слышно как пролетает муха. Владислав исполнял под гитару ранние песни Владимира Высоцкого:

*В заколдованных болотах
Там кикиморы живут
Защекочут до икоты
И на дно уволокут
Будь ты пеший, будь ты конный
Заграбастают
А уж лешие так по лесу и шастают
Страшно, аж жуть!*

И вдруг в паузе один из солдатиков поднимает руку и говорит:

– А можно ещё что-нибудь про любовь?

– Конечно, можно, – отвечает Борис и с вдохновением (не без воздействия стопочки спирта, принятого перед началом концерта для храбрости) декламирует:

Выткался над озером алый свет зари.

На бору со звоном плачут глухари.

.....

Зацелую допьяна, изомну как цвет,

Хмельному от радости пересуду нет.

Долго не отпускали нас ребята, всё прося спеть или прочесть что-либо. Импровизированный концерт получился как песня, но у каждой песни есть свой конец. Провожая нас, ребята отдали свою дневную выпечку свежего хлеба со словами, что до ближайшего посёлка Олон около 250 км и хлеба на этом пути взять негде. С благодарностью приняв хлеб, мы попрощались и отправились к своим байдаркам.

Я прервал на время свой рассказ, закурил. Мы с Димычем смотрели как всё неутихающий «култук» наваливает с шумом пенящихся волны на берег Баргузинского залива.

– Ты что-то, Батя, отвлекся. Хотел рассказать о байдарках, а всё пока о походных буднях рассказываешь.

– Ничего, Димыч, послушай, может что и запомнишь.

Тебе ведь в те времена, о которых я вспоминаю, всего-то три годика минуло, а сейчас посчитай тридцать шестой докатывает...

– А не выпить ли нам по рюмочке, под шум байкальского прибоа, тем более что закуска у нас отменная. Более того, если использовать терминологию относительно продуктов нашей закуски, то она эндемична, т.е. такого нельзя попробовать нигде в мире, кроме как на Байкале. Вот так-то вот, – подытожил я своё пафосное выступление. За это, пожалуй, и выпьем.

А из той самой эндемичной закуски у нас было отварное мясо нерпы, солёный нерпичий жир, омуль солёный и копчёный. Вдруг за палаткой послышались какие-то шорохи. Выглянул я за палатку и увидел, что собака стащила у нас небольшой кусочек нерпичьего жира. Он лежал в полиэтиленовом мешке вне палатки. Ну и ладно, – решили мы – собаке тоже есть хочется.

– Ну так вот, Димыч, – продолжил я, возвращаясь к прерванному рассказу и подсаживаясь ближе к костру.

Вышли мы из деревни Улунги на четырёх байдарках вниз по речке Улунга и далее вниз по Бикину. Эта река довольно спокойная, нет у неё ни порогов, ни шивер и для байдарки она не сложна в прохождении кроме некоторых мест, которые местные жители называют «плохое место».

У нас на Уссури такие места назывались «заломами». Основу этих заломов составляли большие деревья с огромными корневищами, севшие на мелком перекате на мель и среди этих «опор» набиваются в хаотическом порядке более мелкие коряги и деревья. И вот такой залом перекрывает иногда всё русло реки. Попадать в такой залом на лодке, а тем более на байдарке крайне опасно. Безопасность прохождения таких мест обеспечивается тем, что первым идёт самый опытный экипаж и в случае опасности он корректирует движение, следующих за ним байдарок. И вот на второй или третий день пути наша байдарка с Борисом, шедшая всегда первой, по каким-то причинам задерживается и вперёд выходит байдарка Коровина и Татьяны. И, как показывает опыт, любое нарушение установленных в походе правил обеспечения безопасности может привести к неприятным последствиям. Как только скрылась байдарка Коровина и Татьяны за поворотом, оттуда доносится крик: – «Здесь опасно!» Мы с Борисом даём задним двум байдаркам отмашку – к берегу, а сами выходим за поворот и попадаем в залом. Слева у берега был небольшой чистый проход, но мы уже в него не попадали.

Мы попытались насколько возможно ближе продвинуться к проходу и перед ударом о залом выпрыгиваем из лодки в сторону прохода, чтобы пройти его вплавь. Мне это удаётся сделать, и я после залома выбираюсь на косу. Борис же ухватился за корягу и пытается удержаться, но течение в этом месте было настолько сильным, что с него мигом сорвало болотные сапоги и куртку. Хотя и спешили на помощь Олейник с Башковым по брёвнам залома к Борису, но он не смог больше удерживаться за корягу и его сорвало. Спасло его то, что основной вал воды устремлялся в проход, и когда его оторвало от коряги, то выбросило за залом. Увидев его, барахтающегося после залома, я поспешил на помощь и помог выбраться на косу.

Татьяна сидела посреди залама на коряге, а Владислав выбирался с лодкой ниже по течению. Выбравшись на косу после залама, решили устраиваться на ночлег. Минут 30 с Олейником ещё вытаскивали байдарку. Пытались прикинуть потери из нашей лодки, как ни странно, они оказались незначительными. Ещё предстояло мне идти к Владиславу и там, очевидно, мы вдвоём будем коротать ночь, а ребята здесь. Отходя, очевидно от стрессовой ситуации, Борис Гришай стоял у костра и так отрешённо, притопывая в такт ногой, тихонько пел:

*По улице шагает весёлое звено
Никто кругом не знает, куда идёт оно...*

Стало смеркаться, пора было идти к Владиславу т.к. он волновался там, в неведении о том, как у нас дела. Благо он развёл на берегу костерок, и мне было не сложно подойти к нему на байдарке. Вот так, Димыч, мы приобретали первые навыки походов на байдарках. Хотя я, по отношению к другим имел опыт похода по реке Уссури на плоскодонных лодках. Это, конечно, не байдарка. Лодка эта делается из трёх широких досок. Одна доска представляет собой плоское дно лодки, а две другие – наклонные борта. За счёт плоского днища и большой длины (6–7 м) такие лодки имеют очень небольшую осадку в 15-20 см в зависимости от загрузки и могут проходить отмели и мелкие перекаты. Вверх против течения реки такая лодка поднимается с помощью длинного шеста. Лодочник, поднимающий лодку против течения и одновременно управляющий направлением движения, стоит на корме лодки и упирается шестом в дно. Если идут двое в лодке, то второй человек стоит чуть дальше середины лодки (к носу) и таким же шестом упирается в дно, придавая лодке ход вперёд, но в отличие от стоящего на корме он не управляет направлением движения лодки. Мы так научились справляться с таким способом движения вверх по реке, что с Генкой Писарец поднимались за два дня на 50 км аж до красивого Бельцовского утёса, возле которого сливаются две реки Даубихе и Улахе (названия старые, конца 50-х начала 60-х годов прошлого столетия). С этого места слияния и далее река носила название Уссури.

– Ну ладно, пожалуй, заболтался я тут. Давай ложиться спать, а завтра видно будет. Как говорят, утро вечера мудрее, может погода наладится, тогда и двинемся дальше.

Наутро действительно «култук» успокоился и мы двинулись дальше. Зашли в устье реки Баргузин и остановились у паромной переправы. Я сходил в контору Забайкальского национального парка (Больничный переулоч, д.3Г), познакомился с директором Мельниковым.

Я изложил ему цель своего путешествия по Байкалу и получил Регистрационное удостоверение №147 от 27.07.2001г. фиксирующее моё прохождение на байдарке по территории национального парка.

Димыч в это время пообщался со знакомыми ему спасателями в порту Усть-Баргузина. Выйдя из устья реки Баргузин, мы двинулись вдоль побережья Баргузинского залива к полуострову Святой Нос. Баргузинский залив самый большой залив на Байкале.

Протяжённость его береговой линии только от места впадения р.Баргузин и до Нижнего Изголовья Святого Носа составляет более 50 км. Дугообразная песчаная береговая линия перешейка, соединяющего полуостров с материком, вдали упирается в чёрный массив южной оконечности Святого Носа, который как декорации задника огромной природной сцены завораживают своей красотой.

И чем ближе подходим к полуострову Святой Нос, тем величественнее выглядит панорама его горного массива. И это понятно почему. Например, встающая по курсу перед нами вершина Маркова имеет высоту 1877 метров над уровнем моря, а зеркало Байкала имеет отметку 456 м, т.е. от уреза воды вершина Маркова возвышается на 1421 м.

Если учесть, что расстояние до вершины от береговой линии (по карте) составляет всего около пяти километров, то становится понятно, почему так красиво смотрится с воды горный массив Святого Носа, украшенный белыми языками ещё не растаявших снежников. Местные жители рассказывают, что эти снежники исчезают в конце июля и появляются в конце августа месяца. В култушине северной части Баргузинского залива подошли к месту, обозначенному на карте Глинка (нежил).

Метрах в 20-ти от берега мужик разделявал небольшую нерпу. Увидев нас он сначала засуетился, пытаясь замаскировать своё занятие, но убедившись, что мы не сотрудники (скажем Национального парка), а путешественники на байдарке, успокоился. Чуть поодаль располагались останки металлических опор очевидно сгоревшего когда-то большого строения. Далее стояли небольшие сохранившиеся постройки. От этих построек к нам подошёл невысокого роста человек, седой как лунь.

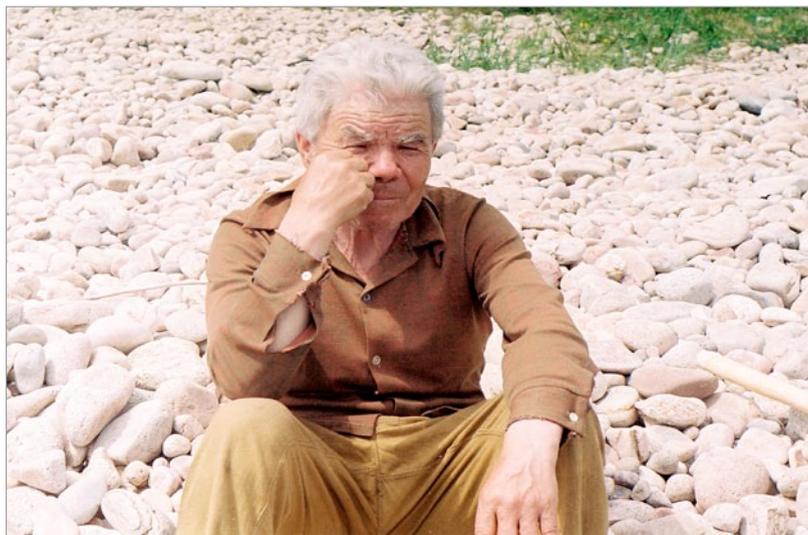
Познакомились. Зовут его Александр Сергеевич Борзов. Живёт он в Усть-Баргузине, а здесь работает охранником оставшихся строений.

—Что же здесь было? — поинтересовались мы. И он поведал нам удивительнейшую и трагическую историю о наблюдаемых нами останках постройки.

К лету 1997 года, один иностранный бизнесмен, бельгиец, но якобы русского происхождения, закончил строительство комплекса базы отдыха для интуристов.

Небольшая территория комплекса была окаймлена прогулочной тропой, на которой стоят красивые резные деревянные столбы с фонарями (для вечерних прогулок). Въездные ворота тоже украшены резными столбами с арочной крышей в стиле восточных строений. В центре комплекса возвышались 2-х или

даже 3-х этажное здание гостиницы. Цокольный этаж здания был построен из камня, облицованного мраморной плитой. В цокольном этаже был плавательный бассейн, заполняемый байкальской водой. Остальная часть здания была выполнена из дерева. Каждый номер гостиницы окнами выходил на Байкал. За гостиничным зданием, если смотреть со стороны Байкала, располагались вспомогательные строения комплекса. Это и дизельная электростанция, и складские помещения, дом обслуживающего персонала и пр.

– Так вот, – продолжал рассказывать Борзов, во время открытия комплекса в гостиничном здании случился пожар. И деревянная часть здания, на глазах ошалевшей публики, в одночасье сгорела дотла. Помочь в тушении пожара было некому, т.к. до пожарных в Усть-Баргузине более 30 км плохой дороги, да ещё паромная переправа, а на месте средств тушения не было. Вот остался от здания цокольный этаж, да торчащие металлические опоры, покорёженные огнём.

Борзов замолчал. Закурил, с тяжёлым ощущением рассматривая останки сгоревшего четыре года назад здания.

– Жалко, конечно, – сказал Борзов. Говорят, что если бы этого не случилось, бельгиец планировал облагородить дорогу от Усть-Баргузина и даже протянуть стационарную линию электропитания. Возможно, и живущим в пос. Курбулик было бы полегче добираться по дороге и, возможно, даже подключиться к электричеству, ко-

того у них в настоящее время нет. Здесь до пос. Курбулик всего 15 км, а по воде вокруг Святого Носа около 100 км.

Был у нас с Димычем вариант: переехать здесь перешеек на машине из Баргузинского залива в Чувыркуйский залив, но завораживающая красота Святого Носа так манила, что мы отклонили это решение.

Время клонилось к вечеру и Борзов предложил нам заночевать в Глинке. Благо, в сохранившемся доме для обслуживающего персонала, были свободные комнаты и пустые кровати, а спальники всегда при нас. Предложение было с благодарностью принято и мы остались на ночлег.

Наутро погода выдалась хорошая и мы с Димычем принимаем решение: сходить на вершину Маркова (1877 м). Первые 1,5-2 километра пути от Глинки тропа не очень круто поднимается вверх. Но при подходе к ребру, по которому предстоит подниматься на г.Маркова, висит на дереве указательный знак (как на автомобильной трассе) на котором указан подъём и стоит цифра 50%. Внизу знака аккуратно выведена строка:

«Ты хорошо подумал, зачем ты туда идёшь?»

Восхождение по склону 50% очень напоминает ходьбу по земле на четвереньках, только при этом корпус тела находится практически в вертикальном положении. На высоте 1000-1100 метров есть такой «пупырь», который носит название «смотровая площадка». С

этой смотровой площадки открывается прекрасный вид на словно циркулем по дуге прорисованную береговую линия Баргузинского залива. Левее, как на ладони, озеро Арангатуй и ещё левее – южная оконечность Чивыркуйского залива. Посреди Чивыркуйского залива «плывёт», как огромный корабль, остров Бакланий. Завершают эту панораму на горизонте за Чивыркуйским заливом двух с половиной километровые заснеженные вершины Баргузинского хребта.

Выше смотровой площадки ещё предстояло подняться по высоте почти 900 метров. Подъём по ребру уже не представлял особой сложности, тем более что впереди шёл Димыч – опытный горный турист. За его плечами опыт восхождения на многие семитысячники бывшего Советского Союза. Кстати, одно из таких восхождений в 1995 году на пик Победы группой горных туристов из Новосибирска и других городов было посвящено 50-летию победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. Так что, имея такого опытного проводника, подъём проходил совершенно спокойно. Закончилась взятая с собой вода, но Димыч сказал, что когда поднимемся до снежника, воды будет сколько угодно. И действительно, когда мы поднялись к снежнику, то увидели огромную массу тающего снега. Воды, как таковой, здесь не было. Она стекала с тающего снежника сквозь каменные глыбы и где-то далеко внизу в распадке собиралась в ручей. Но здесь этой водой можно воспользоваться двумя способами.

Во-первых, мы наполнили этим снегом наши пластмассовые бутылки, в которых снег быстро превращался в воду, а во-вторых, мы слепили по огромному снежку. Держа этот огромный снежок в руках наблюдаешь, как он в нижней части начинает темнеть, наполняясь водой. И через некоторое время из этой нижней части снежка начинает не то что капать, а струйкой бежать вода. Подносишь эту струйку к губам и высасываешь из снежка воду. На время нижняя часть снежка белеет, но потом опять всё повторяется до тех пор, пока огромный снежок полностью не растает в твоих руках. Вода эта, конечно, талая, но вполне пригодна к употреблению и утолению жажды. А жажда на подъёме присутствует почти постоянно, так как солнце жарит нещадно, температура воздуха около 30 градусов, потеешь постоянно и укрыться в тени от солнца негде.

В кедровом стланике

На вершине горы растительность представлена небольшими очагами кустов кедрового стланика обильно усыпанных небольшими кедровыми шишками, кустами карликовой берёзы и ягодами: брусники, черники и шикши.

Спуск с горы занимает примерно на одну треть меньше времени, чем подъём. При этом мы на спуске ещё использовали такую хитрость. Дойдя до границы леса, после которой начиналась осо-

бенно крутая часть спуска, мы с Димычем вырубали (охотничьи ножами) каждый себе по прочному посоху высотой примерно в собственный рост. Далее спуск с помощью этого посоха представлял собой следующее. Нижний конец посоха упирается в склон, подмышкой правой руки основная часть веса тела переносится примерно в среднюю часть посоха, а левая рука держится за посох в его верхней части.

Разгруженные при этом ноги мелкими, но частыми шажками, отыскивают бугорки, ямочки, камушки, на которые можно опереться. Такой способ спуска по крутому склону достаточно быстр, но главное, что он безопасен, так как за счёт угла наклона посоха относительно склона регулируется скорость спуска вплоть до полной остановки. Такой способ спуска очень похож на спуск горнолыжника по крутому склону, когда он за счёт крутизны дуги поворота регулирует скорость спуска вплоть до полной остановки в любой момент. Эта безопасность спуска с использованием шеста придавало такое весёлое настроение, когда мы с Димычем с улюлюканьем «сыпались» по крутому склону вниз, помня что вверх мы здесь поднимались на четвереньках. Вернувшись в Глинку собрались, попрощались с присутствующими и вёсла на воду, и дальше в путь. Пройдя около десяти километров от Глинки, встретили стан бригады рыбаков ставного невода. У них затевался не то поздний обед, не то ранний ужин. Нас без разговоров усадили за стол, накормили ухой и кашей. Время до вечерней остановки ещё было и нам к тому же страсть как хотелось дотянуть до Нижнего Изголовья полуострова Святой Нос.

Пройдя от стана рыбаков всего-то с километр-полтора, налетаем на подводные камни и пробиваем днище байдарки. Делать нечего, придётся становиться на ночлег и заниматься ремонтом лодки. Место для ночлега было подходящее. Разгрузили лодку. Димыч принялся обустроить ночлег, а я занялся ремонтом лодки. Оказалось пробито аж четыре дыры, но небольших. Технология ремонта прорезиненного днища байдарки очень похожа на ремонт пробитой велосипедной камеры. Вокруг пробитого места защищается наждачной бумагой, обезжиривается бензином, смазывается резиновым клеем. То же самое проделывается с заплаткой и, дав клею подсохнуть, заклеивается пробитое место. Время стало клониться к вечеру. Смотрим, от стана рыбаков потянулся в нашу сторону народ, очевидно, узнать, что с нами приключилось. Подошли, увидели, что мы занимаемся ремон-

том лодки, успокоились. Ремонт, дело в пути привычное. Смотрю, один из пришедших всё толчётся около меня.

– Ну чего? Спрашиваю.

– Николаич, может найдётся чего выпить, а то у нас всё закончилось.

– Немного найдётся, – отвечаю.

Развели спирт наполовину байкальской водой. Рыбаки принесли с собой солёной и жареной рыбы, хлеба и получился импровизированный, замечательный холодный ужин.

Ветер совершенно стих. Байкал успокоился и лишь в сгущающихся сумерках отсвечивал на воде отблеск нашего костра, да далеко, далеко примерно километрах в 30 от нас, через Баргузинский залив, высвечивалось зарево огней посёлка Усть-Баргузин. Приняв, очевидно, у себя понемногу, да добавившие у нас рыбаки начали затягивать в разноречивые какие-то песни.

–А давайте, мужики, споем песню про Байкал.

– Да, Николаич, мы с удовольствием вот только всех слов не знаем, так с пятого на десятое.

– Ничего я буду по ходу песни слова подсказывать. И вот над затихшей вечерней гладью Баргузинского залива зазвучала моя любимая песня о Байкале в исполнении не совсем стройного хора из семи мужских голосов.

*Славное море – священный Байкал,
Славный корабль – омулёвая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалечко.*

По опыту зная, что на этом месте у большинства поющих надёжно прочный запас слов заканчивается, я с небольшим опережением начинаю напоминать слова:

*Долго я тяжкие цепи влачил,
Долго бродил я в горах Акатуя,
Старый товарищ бежать пособил.
Ожил я, волю почуя.*

*Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
Горная стража меня не поймала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка не достала.*

Хор голосов становился всё стройнее и стройнее, видимо прислушиваясь друг к другу и приспособляясь к темпу подсказки слов.

*Шёл я и ночь, и средь белого дня
Близ городов озирался я зорко,
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.*

И, видимо, зная слова последнего куплета, над заливом в полной голос разнеслось:

*Славное море – священный Байкал,
Славный и парус – кафтан дыроватый.
Эй, баргузин, пошевеливай вал.
Слышатся грома раскаты.*

Все остались довольны тем, что песня была спета от начала до конца, и не в «раздрай», а более или менее слажено. Вспомнили ещё одну песню о Байкале, в которой есть слова:

*Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берёт,*

*Унылую песню заводит,
О Родине что-то поёт.*

Вспомнили ещё несколько песен про море. И так за песнями и разговорами время незаметно и давно уже перевалило за полночь. Завтра утром нам предстояло огибать полуостров Святой Нос. Укладываясь спать я вдруг вспомнил где-то прочитанное.

– А ты знаешь, Димыч, что песня *«Славное море – священный Байкал»* родилась среди каторжан Нерчинских тюрем, где-то в конце XIX века на стихи сибирского учёного и поэта, кстати, нашего однофамильца Д.П. Давыдова. Стихотворение это назывались *«Думы беглеца о Байкале»*.

– Что-то часто я тут встречаюсь с местами и событиями, связанными с нашей фамилией. То гора Давыдов, то стихи Давыдова о Байкале? Может, тут предки наши обитали, как ты считаешь, а? – но ответа на мой вопрос не последовало. Димыч уже крепко спал.

Утро выдалось ясное, но ветреное. Правда, нас от «верховика» прикрывал Святой Нос. И до мыса Нижнее Изголовье оставалось ещё не менее 15-ти километров пути. Идём и надеемся, что через пару часов «верховик» стихнет и можно будет продолжить путь вокруг полуострова.

Действительно мыс Нижнее Изголовье очень красивое место. Большая поляна говорит о том, что когда-то здесь постоянно жили люди. Здесь работала долгие годы метеостанция, сообщения которой о погоде, были так необходимы для огромного судоходного флота на Байкале, да и для самолётов АН-2, обеспечивающих перевоз пассажиров, почту и грузов в посёлки на берегу Байкала. А теперь в начале XXI века, судоходство на Байкале практически исчезло. Самолётам АН-2 стало некуда летать, т.к. огромное количество деревень на берегу Байкала исчезло. Да и сами самолёты АН-2 отжили свой век и последние из них долётывают свой ресурс по теплящимся ещё кое-где аэроклубам России. Вот, к примеру, в пройденном на днях довольно крупном посёлке Усть-Баргузин, аэродромная площадка на берегу Байкала в непосредственной близости к посёлку скорее похожа на питомник молодых сосенок, чем на взлётно-посадочную полосу когда-то действующего здесь аэродрома. Но если отвлечься от ушедших в сторону мыслей о времени и вернуться на поляну мыса Нижнего Изголовья, то её обозрение наводит на восторженные и грустные ощущения одновременно.

Восторженные потому, что поросший густым ковром разнотравья и разноцветья на фоне голубизны огромного простора Байкала, этот уголок кажется первозданным творением природы, существующим независимо от нас, многие миллионы лет.

И грустные ощущения потому, что оставшиеся кучки рассыпающихся в песок кирпичей, бывших когда-то тёплыми печками, согревавшими живших здесь людей, и разбросанными вокруг брёвнами и брусьями стоявших когда-то здесь крепких домов. Дополняли эту печальную картину останки ржавеющего металла, очевидно, бывшей техники электростанции и пр. Всё это создавало гнетущее кладбищенское ощущение исчезающих напоминаний о когда-то существовавшей здесь жизни. И когда-нибудь через века археологи наших потомков, найдя в раскопках останки, будут с восторгом сообщать, что здесь ещё в XIX веке жили люди в деревянных избах с кирпичными очагами и допотопной техникой, служившей им средством передвижения. Пока я стоял у останков разрушенного жилья, погружившись в свои мысли, Димыч успел залезть на сохранившуюся ещё металлическую вышку, служившую когда-то опорой для радиоантенны и, возможно, для маяка.

Ознакомившись подробно с мысом Нижнее Изголовье мы, обогнув его острую оконечность, двинулись вдоль берега Святого Носа к его Верхнему Изголовью.

Западный берег полуострова представляет собой довольно крутые склоны гор, обращённые к Байкалу. Эти склоны изрезаны небольшими живописными каньонами образованные ручьями весенних талых вод. Весной очевидно в этих каньонах бурно и весело журчат ручьи, а сейчас, летом, в них почти нет воды.

Вся береговая линия полуострова Святой Нос, обращённая к моревому Байкалу, представляет собой каменистое побережье из валунов самых разных размеров и самых различных причудливых форм. Выйдя для отдыха на этот каменистый берег, вдруг видишь,

как наша байдарка кажется со стороны уставшим дельфином, прильнувшем щекой к валуну и отдыхающим от многочасового перехода. На одном из очередных переходов (переходом я называю 1,5-2-х часовой ход на байдарке между короткими отдыхами на берегу) мы замечаем метрах в 150-ти от берега периодически ныряющие в воду поплавки. Подойдя к ныряющим поплавкам, мы увидели нерпу, которая запуталась в обрывке рыболовной сети.

Сеть сковывала её передвижение, но, тем не менее, когда мы подошли, нерпа была на глубине примерно 15 – 20 метров и в таком положении мы ей помочь ничем не могли.

Принимаем решение оттеснить её байдаркой к берегу на отмель в надежде, что там нам её удастся поймать за обрывок сети и каким-то образом освободить. Преграждая байдаркой путь в море и вдоль берега мы оставляли ей свободный путь к берегу. Наконец, на отмели нам удалось поймать конец обрыва сети. Я вышел в болотных сапогах из байдарки в воду и, придерживая лодку к берегу, пытался заснять процесс освобождения нерпы от сети. Вначале нерпа проявляла нервозность и даже какую-то агрессивность видимо предчувствуя, что от нас может исходить угроза её жизни. Но через некоторое время её поведение вдруг резко изменилось. Она успокоилась и позволила Димычу подтянуть себя вплотную к байдарке и лежала спокойно, позволяя срезать ножом опутывающие её петли сети. Димыч даже поглаживал её иногда по голове и она не проявляла при этом никакого чувства беспокойства.

Обойдя её с головы, чтобы сделать снимок, я вдруг встретился с нерпой взглядом. На меня смотрели большие печальные глаза, из которых стекали крупные слёзы. Я смотрел как завороченный в её глаза, силясь понять отчего она плачет: то ли от боли, сдавливавших её петель, то ли от сознания своего освобождения.

Димыч перерезал последнюю удерживающую петлю, и нерпа оказалась на свободе.

Мы ожидали, что она в этот момент, резко бросится наутёк, но то, что произошло в следующее мгновение, нас поразило до глубины души. Она медленно повернулась, посмотрела на нас, как нам показалось, взглядом полным благодарности и так же медленно, не торопясь, поплыла в сторону моря. Мы смотрели с Димычем вслед погружающейся в глубину нерпе. И очевидно, нас в душе переполняло одинаковое чувство. Чувство удивления почти осознанному поведению нерпы в сложившейся ситуации, чувство гордости, что мы смогли помочь ей выжить

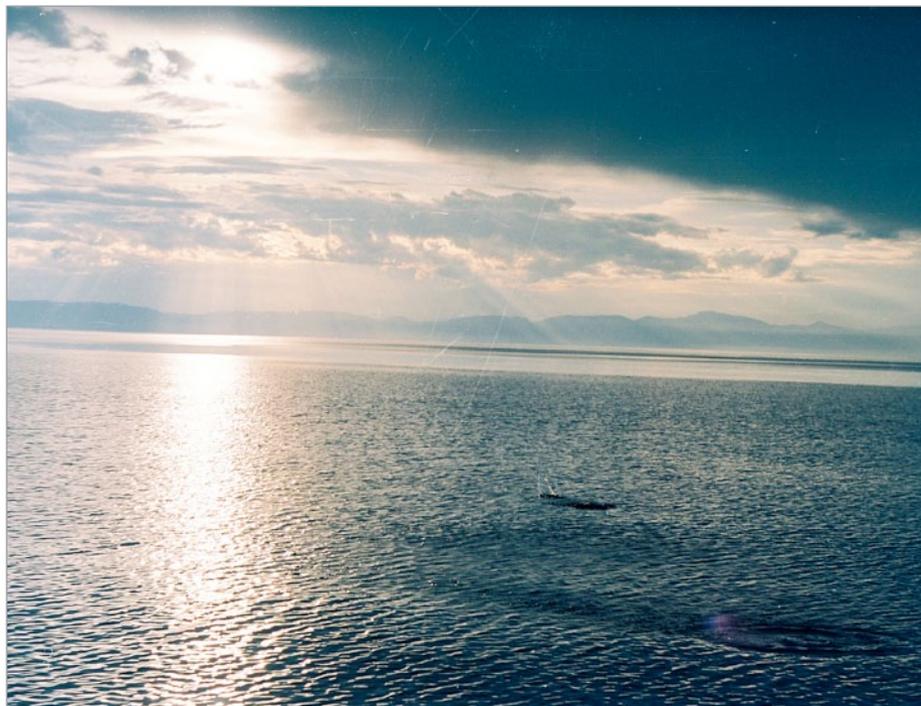
и чувство радости от того, что впервые увидели столь уникальное – единственное на Земном шаре животное, живущее только в Байкале, гладили его по голове, видели плачущие глаза и прощальный благодарный взгляд на расстоянии каких-нибудь 1,5 метров.

Думаю, вряд ли кому из путешествующих по Байкалу доводилось наблюдать и переживать такую комплексную картину общения с нерпой.

На очередном переходе повстречали Мишу и Марину. Они прошли на моторной лодке с западного берега из Байкало-Ленского заповедника с целью снять на видеокамеру медведей, в изобилии прогуливающихся здесь по берегу по утрам и вечерам. Съёмочной площадкой у них служил лабаз, устроенный высоко в деревьях. Мы попили с ними чаю, пообщались и двинулись дальше. Они попросили нас, чтобы не беспокоить медведей, не останавливаться на ночлег ближе 2-х – 3-х км от них. Но мы их успокоили, сказав что планируем остановиться не ближе чем в 7-ми – 8-ми километрах. Обойдя мыс Орловый, наблюдали миражи над Ушканьими островами. Явление этих миражей очевидно объяснялось тем, что над Байкалом поднимались испарения и с нашей точки зрения, сидя в байдарке, виделось, что Ушканьи острова то

вдруг высоко парили над водой, то вдруг на них виделись деревья огромной высоты. Ну, скажем, метров по 200, хотя трудно это представить тем более, что нас от Ушканьих островов отделяло не менее 10 км.

Но миражи, как известно, явления непродолжительные и они также быстро исчезают, как и появляются. Обойдя мыс Орловый и удалившись от фотоохотников за медведями, Миши с Мариной уже почти на 10 км, мы решили остановиться на ночёвку. Тем более, что для меня эта ночёвка была юбилейной – тридцатой. Я был уже тридцатый день в пути и пройдено уже без малого 800 км. В свой, грубо намеченный график 3-х месяцев, я считай укладывался и даже с небольшим запасом, т.к. впереди ещё лежал путь в 1300 км. Место для ночлега было уютным и славное с красивейшей панорамой на Байкале. Куда ни кинь взгляд – бескрайнее море и перед нами Ушканьи острова. Береговая линия вся выстлана окатанными камнями разных размеров и всяких причудливых форм. Я взял в руки два солидных камня: один похожий на страусиное яйцо, а другой на колодку сапожника, точающего сапоги огромного размера, и попросил Димыча сделать снимок на фоне Ушканьих островов.

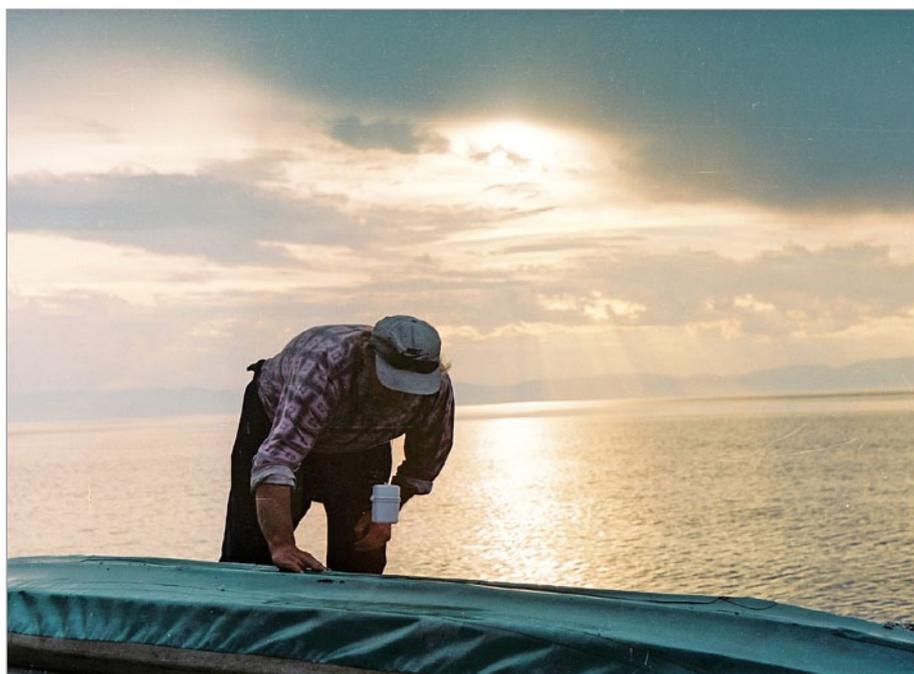
Через полчаса неспешной работы у нас уже был обустроен комфортный бивуак. Удобные сиденья на валежинах, импровизированный стол, костёр, палатка. Нехитрый походный ужин, состоящий из пшённой каши, заправленной жареным репчатым луком в обильном количестве растительного масла, был одобрен солёным и копчёным омулем и баночкой солёных огурцов из заначки, для особо торжественных случаев.

Крепкий напиток к ужину традиционный: спирт наполовину разбавленный байкальской водой.

– А ты знаешь, Димыч, какая недобрая слава у этого мыса Орловый?

– Нет, – ответил он.

– Так вот. Дело в том, что этот мыс не имеет ярко выраженных ориентиров. И на протяжении нескольких километров вдоль его береговой линии с удалением в несколько сотен метров от берега всё усеяно огромными подводными камнями, выходящими близко к поверхности воды. Эти подводные камни и служили причиной трагических событий для множества крупных, средних, да и мелких судов, огибающих Святой Нос. Вот мы прошли с тобой, незадолго до остановки стоянку, выброшенный на берег небольшой катер – это ещё одна трагедия мыса Орловый.

А в далёком 1928 году здесь напоролся на камни и затонул ледокол «Ангара». Это второе по величине судно на Байкале после ледокола «Байкал».

– Интересно, что же потом стало с «Ангарой»? – поинтересовался Димыч.

– После этого события ледокол Ангара ещё долгие годы, аж почти до конца 50-х годов, ходил по Байкалу, перевозил грузы, людей и проводя за собой суда в период ледостава.

В 60-х, 70-х, 80-х годах, почитай около тридцати лет, он стоял брошенный и бесхозный в Иркутском водохранилище, где и затонул вторично. И только в 1988 году по инициативе тогдашнего мэра Иркутска ледокол Ангара был поднят, отреставрирован поставлен на вечную стоянку у микрорайона Солнечный в качестве музея истории судоходства на Байкале.

Вечер выдался тихим, с удивительно красочным закатом и мы долго ещё любовались его удивительными красками, пока он не стал окончательно угасать. Так закончился первый месяц моего путешествия – июнь и завтра начнётся второй месяц путешествия вокруг Байкала. Июль, по рассказам местных жителей, самый благоприятный месяц на Байкале по погоде. Самый тёплый месяц, с

максимальным количеством солнечных дней и, что самое немаловажное, с минимальным количеством сильных ветров. Это обстоятельство позволяло надеяться на то, что за предстоящий месяц удастся преодолеть гораздо большее расстояние, чем пройденное за июнь. Утром, обогнув Верхнее Изголовье, мы входим в ворота Чивыркуйского залива. Вопреки нашим ожиданиям, что в заливе будет тихо и спокойно, нас встретила всё усиливающаяся волна, начинающая заливать байдарку.

Поменяв галс относительно встречной волны, я шёл так, чтобы лодку не заливало. Димыч оценил мой маневр и, повернувшись, показал большой палец с комментарием «пять баллов». Но бороться с волной и сильным встречным ветром далее не имело смысла и, прижимаясь к берегу, мы зашли в бухту Фертикова. В бухте было относительно спокойно и мы решили переждать пока не успокоится разгулявшийся «култук» в Чивыркуйском заливе. Решив осмотреть окрестности, забрались на крутой берег мыса. Перед нами открылась панорама Чивыркуйского залива вся в белых барашках волн. Недалеко расположены два острова: о. Лохматый и о. Голый. Соответственно первый поросший лесом, а второй почти безлесный. Позже рыбаки мне рассказали историю-быль об острове Лохматый.

Как-то по весне, по последнему льду на остров со Святого Носа перешли два медведя. Пока они знакомились с территорией острова, весенний лёд растаял и медведи оказались отрезанными водой от огромного полуострова Святой Нос. Рыбаки, проходя на катерах мимо острова, заметили медведей и поняли всю трагичность ситуации. Дело в том, что небольшая территория острова, да к тому же ни кем не обитаемая, не сможет прокормить двух крупных зверей.

И тогда рыбаки, проходящие с улова мимо острова, стали оставлять на берегу рыбу, которой медведи и питались. Через некоторое время они настолько к этому привыкли, что заслышав шум мотора, выходили на берег в ожидании своей очередной порции рыбы. И так продолжалось всё лето. Но с приходом осени рыбаки понимали, что ситуация с медведями на о.Лохматый зашла в тупик. Зверь ведь он и есть зверь. Его на катер не пригласишь, чтобы перевезти на Святой Нос. А лёд в заливе становится в самом конце декабря, когда все медведи уже спят в берлогах. И эти два голодных медведя будут представлять серьёзную угрозу для попавших на остров людей. И тогда кто-то взял карабин и после этого больше на о.Лохматый медведи не обитают. Вот такая, Николаич, история, – закончили свой рассказ рыбаки.

Отсидев недолго в бухте Фертикова и, заметив что волна утихает, мы вышли в Чивыркуйский залив. Но волна как оказалось, оставалась ещё достаточно высокой (около 1 м) и чтобы не тратить лишних усилий на борьбу с ней, мы зашли вглубь бухты Онгоконской. Пару часов отдыха и знакомства с бухтой хватило для того, чтобы волна в Чивыркуйском заливе успокоилась и уже не препятствовала нашему дальнейшему продвижению на байдарке. Обогнув мыс Горячинский, заходим в бухту Змеиная.

На самом мысу стоит небольшой памятник кому-то из закончивших свой жизненный путь в водах Байкала. Я уже упоминал выше, что таких памятников на берегу Байкала установлено великое множество. За мысом у небольшой косы, поросшей густой травой. Стоит плавучая гостиница «Баргузинтур». Рядом на косе установлены две большие юрты. Чуть поодаль дизельная электростанция. Тропинки между плавучей гостиницей, юртами и туалетом выложены из досок, чтобы в дождливую погоду не ходить по мокрой земле.

Служители плавучей гостиницы обозначили нам место, где можно было установить палатку и развести костёр, указав при этом: дрова в лесу, вода в Байкале. Это было сказано очевидно для того, чтобы мы не пользовались дровами из их довольно больших заготовленных полениц дров. Установив палатку, мы с Димычем спешно отправились на байдарке к горячему источнику, расположенному метрах 500-х от плавучей гостиницы. Ванна горячего источника выполнена в виде сруба размером 2,0 x 1,5 м глубиной около 1 м. в ванне сделана скамейка, сев на которую вода доходит до подбородка. Температура воды в ванной примерно 45°С. Резко погрузиться в такую воду не у всех получается. Я, как закоренелый банщик, довольно быстро погрузился в ванную, а Димыч много раз макал в воду ноги и, когда они привыкли к такой температуре, погрузился и сел со мною рядом на скамейку. В правилах, написанных тут же у источника, указано, что находиться в

154

ванной можно не более 10 – 12 минут. Побыв в ванне 12 минут, мы вышли с Димычем из неё красные, как варёные раки. Я уже знал, ещё из Энхалука, что после горячей ванны нельзя купаться в холодной байкальской воде, т.к. возможно судорожное сокращение мышц, что сопровождается болезненными и довольно неприятными ощущениями.

У источника рядом сделаны хорошие скамейки, где можно посидеть и остыть. Ощущение, как после хорошей бани. Правда вода имеет не совсем приятный запах сероводорода, но это не портит хорошего ощущения от принятия горячей ванны. Вернувшись на место стоянки, мы обнаружили, что рядом с нашей палаткой расположилась ещё одна компания. Они напоили нас чаем и угостили нехитрым походным ужином. Долго ещё потом сидели у костра, смотрели в бинокль на полную луну и слушали всевозможные байки о жизни на Байкале. Вся компания была из Усть-Баргузина. Они приехали в бухту Змеёвую на пару дней отдохнуть. Алексей рассказал про своего отца, которому уже 65 лет. Он уже на пенсии и ходит летом по тайге вдоль рек Баргузинского хребта от их устья до истока. Ходит один по несколько месяцев. Вот и сейчас, говорит, ушёл ещё в конце апреля, а ныне уже начало июля. Сергей работает пожарником в Забайкальском национальном парке.

Говорит, что за одну грозу на полуострове Святой Нос вспыхивает иногда по несколько пожаров, которые им приходится тушить. Ещё Сергей вспомнил случай, когда в период нереста омуля браконьеры загородили сетями вход в устье рек Чивыркуйского залива, где в реках омуль и нерестится. Тогда омуль вынужден нерестится на песчаных отмелях южной оконечности Чивыркуйского залива. И я в тот год ходил по берегу в сапогах по колено в икре. Вот это была трагедия для воспроизводства омуля. Но сейчас рыбнадзор в период нереста запрещает рыболовецким бригадам рыбачить и гоняет браконьеров в устьях рек, куда заходит омуль на нерест. Утром сделали фото на память и попрощавшись с приветливой компанией, мы двинулись с Димычем, продолжая свой путь по бухтам Чивыркуйского залива. Южный берег бухты Змеиной представляет собой большой песчаный пляж. Где обычно располагаются группы туристов в палатках. Место это носит название Кресты, очевидно, оттого, что здесь впадает речка Крестовская, стекающая с вершин полуострова Святой Нос. Как говорят местные жители, снежники на вершинах Святого Носа в конце июля растаивают, а в середине или в конце августа снова появляются.

Обогнув мыс Курбулик заходим в красивую бухту Окунёвую. Напротив этой бухты расположен небольшой красивый каменистый остров, который носит двукое название: Курбуликский камушек или Покойницкий Камень. Бухта Окунёвая заканчивается

мысом Покойники, и за этим мысом уютно расположилась небольшая деревушка Курбулик, которая раньше тоже носила название Покойники. Легенда гласит, что названия этих мест, связанных со словом покойники, происходит якобы от трагического случая в далёком прошлом. Как-то рыбаки поймали байкальских осетров, приготовили их как-то неправильно и, поев этих осетров, отравились.

– Димыч, я эту историю читал в литературе о Байкале и слышал от рыбаков в Усть-Баргузине.

– Да. А ты помнишь нам посоветовали в Усть-Баргузине пообщаться с коренным жителем посёлка Курбулик Иваном Петровичем Малогрошевым и передать ему привет.

Найти дом Малогрошевых в такой деревушке не составляло труда. На песчаном берегу загорали и купались несколько ребят-шк.

– Эй. Пацаны, – обратился я к одному из барахтавшегося у берега, тебя как зовут?

– Н-е-ерпё-нок.

– Вылазь из воды, а то посинел уж весь. Знаешь, где Малогрошевы живут?

Он указал на дом, напротив которого мы пристали на байдарке к берегу. Ребятишки собрались вокруг нас, разглядывая нашу байдарку.

– А не знаете, Иван Петрович то дома?

– Вот его бударка стоит – значит дома.

Бударкой на Байкале называют небольшой катерок или скорее даже лодку с дизельным двигателем. С помощью этих лодок рыбаки заводят невод, а выбирать невод приходится руками. Бударки являются кормильцами рыбаков и поэтому они дают им, как правило, ласковые имена: «Звёздочка», «Ласточка». Вот и бударка Ивана Петровича, рядом с которой мы пришвартовались, носит название «Звёздочка».

Решили с Димычем зайти в дом к Малогрошевым, познакомиться. Навстречу нам из калитки вышла хозяйка дома Надежда Дмитриевна.

– А Иван Петрович дома?

– Да, он прилёт отдохнуть. Заходите.

Дворик оказался небольшим, но очень уютным. Пол выстлан дощатым настилом. Справа летняя кухня с печкой, в которой хозяйка печёт хлеб. Слева открытая летняя кухня, где готовят в летнее время еду и обедают.

Далее слева банька и коптильня для холодного копчения рыбы. Справа, за летней кухней вольер для кур и далее крытый дворик для коровы и телят. Слева за коптильней несколько грядок для самых неприхотливых овощей: лука, моркови, свеклы, укропа и прочего.

На шум, очевидно, наших голосов из веранды дома вышел хозяин.

Познакомились – Иван Петрович – Николаич и мой сын Дмитрий – путешествуем по Байкалу на байдарке.

Сели, разговорились что называется «про жизнь». Родился Иван Петрович в 1939 году здесь же – в Курбулике. Единственной его отлучкой в жизни из Курбулика, была служба в армии. Вернувшись из армии, женился, вот так и живут здесь до сегодняшних дней. Здесь родились и выросли дети и внуки. Работа тут считай одна – ловить рыбу. Иван Петрович зашёл в дом и вернулся с коробочкой. В коробочке хранятся награды Родины за долгий и добросовестный рыбацкий труд: орден «Знак Почёта» и несколько медалей. Это всё было, конечно, во времена Советского Союза, тогда и труд был в почёте.

– А что сейчас? Работаем на частного предпринимателя. Правда он снабжает соляжкой в рыболовный сезон и кредитует продуктами в зимний период под будущий улов.

Вышли из дворика на улицу, присели на лавочку.

– А вон и Ванька идёт.

Подошёл парнишка лет пятнадцати. Это мой внук, – представил паренька Иван Петрович. Тоже Иван Петрович Малогрошев. Помогает в рыбалке, бударку осваивает. Вообще помощник растёт.

– Иван Петрович, а куда же рыбу своего улова определяете?

– А вон там, у причала ледник, куда мы сдаём улов. А через день-два этот самый частный предприниматель на КАМАЗе увозит рыбу в Усть-Баргузин на рыбозавод.

– Ну что зарабатываете вы – рыбаки у частного предпринимателя рыболовецкий сезон?

– За окуня и сорожку он платит по 4 руб. за килограмм, за щуку по 10 р. за кг.

– Ну и как? хватает на жизнь?

– Видишь ли, рыбалка дело такое: когда густо, а когда пусто. И от погоды зависит улов и от направления и силы ветров. Да и рыбнадзор не во всех местах Чивыркуйского залива разрешает нам ловить неводом. А вообще выживаем как-то, а куда денешься – другой работы здесь нет.

– Иван Петрович, вот я смотрю, столбы вдоль улицы стоят, а проводов нет. Что у вас и электричества нет?

– Да, нет. У кого-то есть генератор с бензиновым движком. Вот и запускаем на пару часов вечером, чтобы посмотреть телевизор. В Советские времена было у нас и электричество, а сейчас вроде и дизель и генератор есть, да починить некому, да и солярки для этого нет.

Подошёл нерпёнок, вылезший из воды после долгого купания. Он оказался тоже внуком Малогрошевых – сыном младшего сына. Время было обеденное и хозяйка пригласила нас пообедать. Отказываться было неловко и мы с Димычем приняли приглашение. Надежда Дмитриевна угощала нас вкуснейшими котлетами из щуки, которые она готовит великолепно. Мы с Димычем достали бутылочку спирта, разведённого байкальской водой, и выпили под котлеты за знакомство. Иван Петрович посетовал на то, что два дня тому назад медведь недалеко от посёлка задрал двух тёлков, одна из которых была их – Малогрошевых.

– А что нельзя что ли медведей из ружья попугать, чтобы неподводно было в деревню ходить?

– Нет, говорит, нельзя, т.к. у нас здесь Забайкальский Национальный парк. Даже дрова с помощью техники нельзя из леса вывозить, дескать заросли багульника повредим. Поэтому приходится дрова к дороге вручную подтаскивать, а уж по дороге везти на машине. Посетовал Иван Петрович и на то, что сгорел отель, построенный в Глинке, что примерно в 20-ти км от Курбулика. А то глядишь, была бы и дорога получше до Усть-Баргузина, да и он собирался протянуть к себе стационарную линию электроснабжения. А там глядишь бы от него и в Курбулик бы подтянули. Но видно не судьба.

Вот так и живут люди в этом небольшом, но очень уютно расположенном поселении Курбулик (в прошлом Покойники) и среди них два Ивана Петровича Малогрошева – дед и внук.

Поблагодарив хозяев за гостеприимство и попрощавшись, мы с Димычем двинулись дальше в путь. Недалеко от Курбулика находится небольшая бухточка Сорожья с небольшим пляжем, в конце которого под скалой бьёт родник. Далее небольшой мыс, заканчивающийся округлой горкой и рядом с ней заболоченный луг, вокруг которого несколько жилых домов. Место это называется Катунь.

В одном из домов живёт напарник по рыболовецкой бригаде с Иваном Петровичем Малогрошевым Владимир. У него такая же бударка с именем Ласточка.

Далее нам с Димычем предстояла встреча с одним из наиболее обитаемых туристами мест в Чивыркуйском заливе – Монахово.

К этому месту довольно легко проехать на автомобиле и поэтому в июле – августе здесь всегда большой лагерь отдыхающих. Но поскольку сегодня было ещё только второе июля, то мы в Монахово увидели лишь одну пока оборудованную стоянку отдыхающих. Два мужика пенсионного возраста уютно устроились на берегу. Машина, рядом тент, столик, поленица дров, палаточка, резиновая лодка.

– Ну и как отдыхается тут, мужики?

– А что, хорошо. Вода тёплая, рыба ловится, а что ещё надо пенсионерам. Вот через недельку, другую тут будет негде приткнуться на стоянку. Мы из Улан-Удэ каждое лето ездим сюда отдыхать. Мужики начали нам советовать, где лучше ловить рыбу, но мы сославшись на то, что нас рыба не особо интересует, двинулись в самый угол Чивыркуйского залива. Здесь Чивыркуйский залив соединяется протокой с огромным озером Арангатуй.

Озеро достаточно мелкое, но рыбное и в основном является царством обитания множества водоплавающей дичи. Обогнули по песчаным отмелям южную оконечность Чивыркуйского залива. Это то самое место, про которое рассказывал нам Сергей в Змеёвой бухте, где он после нереста омуля ходил в болотных сапогах по колено в икре.

Выбрали хорошее место уже на восточном берегу Чивыркуйского залива и решили встать на ночёвку. Выйдя из байдарки на песчаный берег, обнаружили на мокром песке у воды свежие следы медведя. Я взял свою галошу 43 размера, поставил рядом и сфотографировал.

Обустройство лагеря для ночлега у нас с Димычем много времени не занимало, равно как и приготовление нехитрого походного ужина, состоявшего из пшенной каши обильно приправленной жареным луком на растительном масле. После ужина до сна, как правило, оставалось ещё пару часов, которые мы использовали для душевного отдыха. Полюбоваться, если повезёт, красивым закатом или повспоминать что-либо интересное из своей жизни.

– Кстати, Димыч, о медвежьих следах. Я расскажу тебе случай, как я впервые встретился с медведями в Уссурийской тайге.

Было это в начале июня 1958 года, когда я после окончания школы в посёлке Кировском Приморского края уже второй летний сезон работал в тайге в геологоразведочной экспедиции. Вели мы тогда, так называемую, обзорную разведку в горах Сихотэ-Алиня.

Обзорная разведка ведётся следующим образом. От базового лагеря по карте прокладываются П-образные маршруты протяжённо-

стью примерно в 15 км. И вот группа из двух рабочих и техника-геолога проходят каждый день по такому маршруту. Через каждые 100м на дереве делается топором затёска и маркируется простым карандашом ПК№ . . . . экспедиция такая-то. На каждом таком пикете с помощью кирки берётся проба грунта. Снимается верхний растительный слой и берётся горсточка грунта, которая высыпается в маленький мешочек (наподобие кисета с табаком). Мешочек завязывается и укладывается в рюкзак. И вот таких проб на 15-ти км маршруте набирается 150 штук. Техник-геолог тем временем берёт небольшие образцы горных пород, с помощью своего геологического молотка, и тоже помещает в мешочек, делая на нём отметку, у какого пикета взят образец. Затем, в зимний период, проводятся так называемые камеральные работы. По образцам пород рисуется карта залегания горных пород, а по спектральному анализу образцов грунта определяется содержание ценных минералов и химических элементов.

– Это, Димыч, я тебе рассказал эту присказку для того, чтобы потом удобнее было вести рассказ о встрече с медведями.

– Ну, так вот, идут по тайге три мужика у одного из которых в руках хорошо наточенный топор, у другого кирка и у третьего геологический молоток. Ну и у каждого на поясе охотничий нож, как само собой разумеющееся. Давали нам в экспедицию ещё и карабин для самообороны, но наш техник-геолог, прошедший в тайге уже 12 лет, был ярким противником того, чтобы таскать по тайге, как он выражался, эту железяку. Звали нашего техника-геолога, если мне не изменяет память через столько лет, Володя Цимбалюк. Он говорил: да мы и без карабина с любым зверем справимся. Как-то двигаясь по водоразделу хребта Синего, мы вдруг услышали недалеко от нас по склону какие-то шорохи и звуки.

– Стой, – тихо говорит Володя. Это, похоже, медведица с медвежатами.

– Ну и что будем делать? – недоумённо спрашивали мы с напарником.

– Давайте попробуем поймать медвежонка.

– Так как же это, а медведица?

– Ничего, мне приходилось однажды быть с ребятами в подобной ситуации и у нас тогда всё отлично получилось.

Сейчас все дружно двигаемся по склону в сторону звуков, создавая как можно больше шума. Стучать топором, киркой и молотком по деревьям и орать во всё горло что угодно.

Медведица испугается и уйдёт на время от медвежонка, а он должен спастись на дереве. На счёт три мы побежали по склону, создавая невероятный шум. Метров через 50-70 мы увидели, как медвежонок забирается вверх по толстому кедр. Добежали до кедра и спрашиваем у Володи: что дальше-то будем делать? Продолжаем шуметь, чтобы медведица не подошла. Зверь, он ведь тоже боится превосходящих сил «противника». Она вернётся за медвежонком, когда всё утихнет. А медвежонок всё поднимался вверх по огромному кедр.

– Ну а с медвежонком-то, что будем делать?

– Надо лезть за ним на кедр.

Но оказалось, что Володя боится высоты, а мой напарник, Анатолий, на охоте был потрёпан раненым медведем и него в данной ситуации колени ходили ходуном, куда уж ему лезть на дерево.

Выходило так, что на кедр за медвежонком придётся лезть мне.

– Ну и что, – спросил Димыч, – ты решился лезть за медвежонком на кедр?

– А что оставалось делать, надо же было доводить это авантюрное занятие до логического конца.

В конце инструктажа Володя сказал: когда его посадишь в рюкзак – он будет себя вести тише воды и ниже травы. Нижняя часть ствола кедра была таковой, что её не обхватишь руками, а до первых сучьев было метра четыре – пять. Верёвки у нас с собой не было. Продолжая стучать, кричать и громко разговаривать, мы соображали, как преодолеть этот трудный участок подъёма до первых сучьев. Тут я предложил: давайте срубим тонкое деревце с сучком внизу. Я зацеплюсь этим крючком за первый сук кедра и буду подниматься по нему, как по канату. На этом и порешили. Деревце такое нашли быстро, зацепили его за первый сучок кедра и я, накинув пустой рюкзак на плечо, был готов к подъёму. Чтобы сократить расстояние этого трудного участка подъёма, я встал на плечи Володе и стал подниматься по деревцу. Добрался до первых сучьев, а там уже дело пошло веселее. Ещё выше сучья стали чаще, они были толстыми и прочными так, что дальнейший подъём был похож на подъём по пожарной лестнице.

Добравшись примерно до половины высоты кедра, я увидел совсем рядом на соседнем сухом дереве второго медвежонка.

– Эй!, – кричу, – мужики, на сухостоине сидит второй медвежонок. Они обошли сухостоину и увидели его.

– Сейчас, пока ты там лазишь, мы свалим эту сухостоину вверх по склону. Поднимаясь всё выше и выше по кедру, я старался не смотреть вниз по склону, т.к. это приводило к неприятным ощущениям от большой высоты. Напротив взгляд вверх по склону создавал достаточно комфортное ощущение – вроде не так уже и высоко. Чем выше поднимался я, тем выше поднимался и медвежонок. А внизу раздавался бесперебойный стук топора – это Володя с Толей по очереди рубили сухостоину, которая оказалась тоже достаточно толстой.

Поднимаясь вверх, я всё думал: а вдруг медвежонок заберётся на такие тонкие ветки, что я его не смогу достать.

Но мои опасения оказались напрасными. Он хоть и зверь, но оказалось, что тоже боится опасной ситуации. Добравшись до развилки довольно толстых ещё верхних сучьев, он улёгся удобно и перестал подниматься выше.

По мере моего приближения, он рычал и скрёб кору передними лапами. Поднявшись до него на расстояние вытянутой руки, я тоже стал прочно и удобно устраиваться.

Встав ногами на два прочных сучка и обхватив левой рукой уже не толстый ствол вершины дерева, я снял рюкзак, расправил его и стал пытаться правой рукой ухватить медвежонок за шиворот. Несколько попыток мне не удалось. Он огрызался, дикий зверь – что с него взять. В очередной раз мне удалось схватить его за шиворот, но он крепко уцепился за дерево и его было трудно оторвать. Как рассказывали потом мужики (наблюдающие за мной в перерывах пока другой рубит сухостоину), наблюдать эту картину борьбы было очень волнительно.

– Представь, Димыч, где-то на высоте примерно тридцати метров человек, ухватившись за сучья верхушки огромного дерева, ведёт борьбу со зверем, пусть небольшим, но всё-таки диким зверем.

Наконец мне удалось оторвать его от дерева, и он, беспомощно дрыгая лапами, повис у меня в правой руке. А когда его держишь таким образом за загривок, то он ни передними, ни задними лапами не может достать до держащей его руки.

– Сколько же примерно весил этот медвежонок? – поинтересовался Димыч.

– Ну, примерно, десять – двенадцать килограмм. Мне, конечно, такой вес удерживать в руке не составляло особого труда, если бы

это, к примеру, была гантель. Но ведь это был сопротивляющийся зверёныш, что составляло дополнительные сложности. Пока я левой рукой расправлял горловину рюкзака, правая опускалась вниз и его морда оказалась в непосредственной близости от левой руки, чем он не преминул воспользоваться, укусив меня за палец. Но он не вцепился, а просто хватанул зубами и, прокусив палец, опять ухватился лапами за дерево. В этой ситуации на укус обращать внимания не приходилось, так как борьба шла за большее. Пришлось повторять всё сначала. Аккуратно расправив горловину рюкзака и продолжая держать его правой рукой за загибок, мне удалось уже более легко оторвать его от дерева. Задрав ему морду вверх, так чтобы он не видел, что внизу, я осторожно поднес его задними лапами к горловине рюкзака и резко опустил его в рюкзак. Когда горловина рюкзака задернулась, он успокоился и лежал не шевелясь в темноте таким мягким комком.

Закинув рюкзак за плечи, я стал осторожно спускаться. Мои опасения того, что медвежонок будет вести себя в рюкзаке агрессивно, рвать лапами и пытаться выбраться на свободу, оказались напрасными. Внизу мужики продолжали рубить сухостоину. Спускаться было не очень сложно из-за обилия толстых прочных сучков. Но в одном месте, метров 15 от земли, сучьев оказалось мало. Пришлось наклониться и взяться обеими руками за прочный горизонтально расположенный сук. Расчет был такой, чтобы повиснув на этом суку на вытянутых руках достать ногами сучки, расположенные ниже. Так вот, когда я ухватился руками за этот горизонтально расположенный сук, рюкзак с медвежонком свесился вниз, а правая нога стопой застряла в развилке сучка и ствола выше. Вот вишу я в таком положении и ногу освободить не могу. Мужики, наблюдавшие всё время за моим спуском, замерли. Пришлось придумать по ходу решение, как освободить застрявшую сверху ногу. Держась крепко обеими руками за сук, я подтянул тело застрявшей ногой вверх, а затем, резко выпрямив её в колене, попытался освободить застрявшую стопу. Но первая попытка оказалась неудачной. Ситуация становилась не совсем приятной, поскольку долго в таком состоянии не провисишь. Пришлось повторить эту попытку заново. Наконец, высвободив ногу и повиснув на руках, тело описало свободный полёт по дуге вокруг ствола кедра. Снизу послышался возглас: – «У-ух!» Мужикам показалось, что я могу в такой ситуации сорваться. Но срываться в мои планы не входило и, нащупав

ногами внизу сучья, я продолжил спуск с дерева. Добравшись до висевшего на последнем сучке деревца, я спустился по нему, как и поднимался. Коленки немного подрагивали от нервного напряжения и усталости.

Сухостоина к тому времени была настолько подрублена, что готова была под несколькими ударами топора рухнуть. Мы с Толяном встали вверх по склону примерно в том месте, где должен оказаться медвежонок на рухнувшем дереве. Володя стал последними ударами подрубить дерево. Глядя вверх на сидевшего высоко на дереве медвежонок, я всё думал, как же он будет вести себя на падающем дереве: не придавит ли его, не травмируется ли. И как нам его быстро поймать, чтобы он не успел забраться на другое дерево. Наконец сухостоина затрещала и начала медленно падать вверх по склону. Медвежонок переместился на сторону дерева противоположную той, которой оно ударится о землю. Дерево ускорило в своём падении и мы наблюдали, как он упёршись вытянутыми вперёд лапами, бесстрашно встречал момент удара дерева о землю. Ломая верхние сухие сучья, удар о землю видимо настолько смягчился, что медвежонок шустро прыгнул с упавшего дерева и пустился наутёк в сторону Анатолия. Памятуя об инструктаже по поимке медвежонок, Анатолий бросился к нему и в прыжке ухватил его правой рукой за холку, запнулся и упал при этом. В этой суматохе его левая рука оказалась близко к пасти медвежонок, чем он и не преминул воспользоваться, прокусив ему большой палец. Но общими усилиями медвежонок был водворен в рюкзак. Так вот, Димыч, ценою двух прокушенных пальцев нам удалось поймать двух медвежат.

—Ну, и чем же закончилась эта история с медвежатами? — интересовался Димыч.

— Ну, дальше всё происходило гораздо прозаичней. После каждого месяца пребывания в тайге, мы выходили на базу экспедиции в поселок Кировский. Несколько дней мы обычно комплектовали продукты, необходимое снаряжение, получали заработную плату за прошедший месяц в тайге.

Прослышав о том, что во Владивостоке в это время гастролирует цирк дрессированных медведей под руководством Филатова (был в то время такой цирк), мы приняли решение сдать их в этот цирк — пусть воспитывают из них артистов. Меня с медвежатами в рюкзаках посадили на станции Шмаковка в плацкартный вагон пассажир-

ского поезда, следующего до Владивостока. Пассажиров в вагоне было немного. Я в свободном купе выпустил медвежат из рюкзаков в ящик, где обычно пассажиры держат свою ручную кладь, насыпал им печенья и конфет, закрыл крышку и уселся сверху. Езды до Владивостока было часов 7-8 и я знал, что медвежата эту дорогу спокойно перенесут. К Владивостоку пассажиров в купе прибавилось, но медвежата вели себя тихо и никто из них не подозревал, что едут они в купе вместе с медведями. Подъезжая к конечной станции, я попросил одного из мужчин помочь мне упаковать в рюкзаки столь необычный груз. Он держал открытым рюкзак, а я, отвлекая левой рукой перед носом внимание медвежонка, правой хватал его за шиворот и усаживал в рюкзак. Пассажиры были очень удивлены, но я попросил их ничего не говорить проводнику, поскольку подозревал, что такой нелегальный провоз зверей в пассажирском вагоне может стоить мне излишних неприятностей.

Цирк найти было в городе несложно. Придя в него, я узнал, что основной состав артистов и медведей находится в данный момент на гастролях в Японии. В цирке остался вспомогательный служебный персонал и те звери, которые не приняли участия в гастролях в Японии. Я понял, что в отсутствие Филатова, никто решения о приёме медвежат не примет. От работников цирка я узнал, что на станции Седанка есть зообазу, куда возможно возьмут медвежат.

Приехав на зообазу, я обратился к руководству. Условия предложили следующие: возьмем ваших медвежат по цене 300 рублей за каждого, но при одном условии. Две недели карантинного срока. Мы, говорят, не знаем, чем вы их это время кормили, и, вот если они выживут две недели, то мы выполним наши обязательства. Медвежат приняли, выдали мне договорной документ и я вернулся в Кировский. После очередного выхода из тайги через месяц, деньги еще не были переведены. Мы заволновались – может чего с медвежатами случилось. Я послал запросную телеграмму и через два дня получил деньги. Оказывается с медвежатами всё хорошо. Каждый из нас за эту авантюру получил по дополнительной месячной зарплате.

Вот так и закончилась, Димыч, эта история с поимкой медвежат.

Подкинув костёр хороший пень, чтобы он дымился до утра, мы спокойно улеглись спать, помятуя о том, что медведь беспричинно на человека не нападает.

Дальнейшее продвижение по восточному берегу Чивыркуйского залива проходило в сопровождении умеренного ветра «култук». Обогнув мыс Иркана нам пришлось углубиться в бухту Безымянную (её мы сами так обозвали), чтобы идти по более спокойной воде. Подойдя к мысу Безымянный, решили перекурить в тихой заводинке. Оглянувшись назад по пройденному пути, я увидел в воде крупную птицу, машущую крыльями.

– Димыч, оглянись-ка назад, там вроде как водоплавающий орёл.

Димыч достал бинокль и мы стали разглядывать, что же с ним происходит. Огромная птица барахталась в воде взмахивая крыльями и никак не могла взлететь. Понаблюдав немного за её беспомощным положением, мы решили идти на помощь, право слабо представляя каким образом эту помощь осуществить. От берега птица находилась метрах в 300-400 и наша задача состояла в том, чтобы помочь ей выбраться на берег.

Но как это сделать??

Взять его в руки и посадить в байдарку невозможно, т.к. это могло быть чревато серьёзными травмами (нас, а не орла). Я вспомнил рассказ одного охотника. Когда он в подобной ситуации взял орла за крылья и приподнял его. Орёл мгновенно выкинул лапы вперёд, располозовав незадачливому охотнику лицо, едва не лишив его глаз.

Поэтому при подходе к птице, я предупредил Димыча, что трогать его ни в коем случае не надо. Орёл вначале, как и нерпа, которую мы спасали, проявлял беспокойство, шарахался от байдарки. Но через несколько минут, поняв, что мы его не трогаем, он стал вести себя более спокойно. Оттесняя байдаркой то слева, то справа, мы направляли путь его движения по кратчайшему расстоянию к берегу. Ногами он в своём продвижении помочь не мог (он ведь не утка, но и не курица) и поэтому продвигался вперёд с помощью крыльев, как пловец в стиле баттерфляй. Но видимо каждый взмах огромными намокшими крыльями давался орлу с большим трудом и поэтому, сделав пять-шесть взмахов, он ложился на спину и отдыхал. Голова его при этом была высоко поднята и он смотрел на нас зорким орлиным взглядом. Димыч табанил ход байдарки до нуля, а я делал снимки и покуривал сигареты.

Меня переполняли чувства уважения и гордости за то, с каким мужеством и достоинством ведёт борьбу орёл, за своё выживание в столь сложной ситуации. Но видимо, орёл он и есть орёл, а не курица. Вся эта водная процедура у орла с нашим присутствием продолжалась не менее получаса, но наконец-то мы достигли берега. Орёл выбрался на берег и, распахнув крылья, упал на высокую траву от усталости.

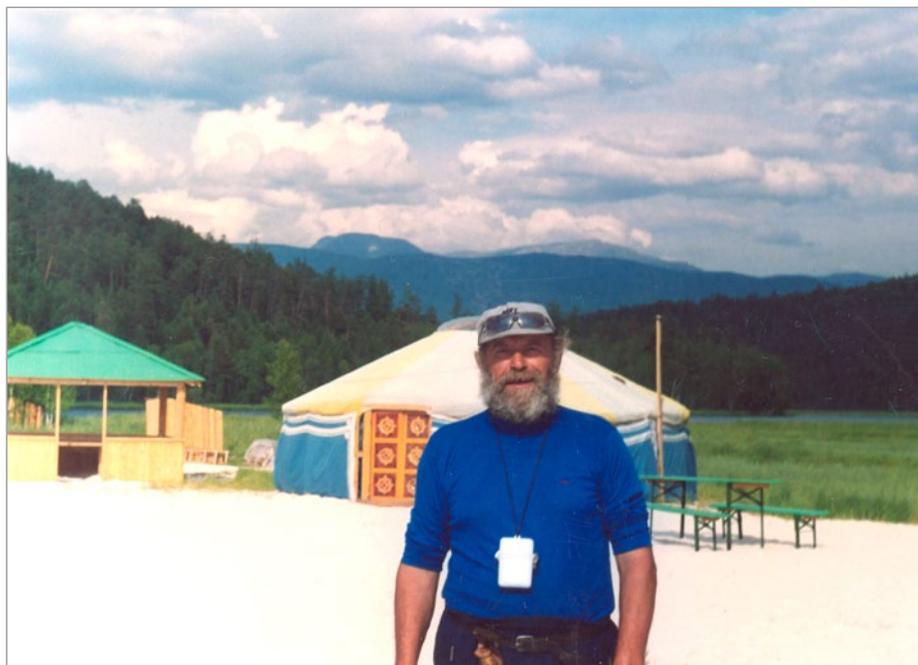

Наше путешествие в непосредственной близости его несколько не волновало и, сделав ещё несколько снимков, мы двинулись далее. Правда ещё несколько раз оборачивались и наблюдали в бинокль за орлом, как он, поднявшись на ноги, встряхивал крыльями и вновь и укладывался на траву. Мы ещё раз с Димычем порадовались за то, что высушив своё оперение, он взмоет в небесную высь и будет ещё долгие годы радовать людей своим грациозным парящим полётом над берегами Чивыркуйского залива.

Держим курс на мыс Безымянный. Слева, на траверсе пос. Курбулик проплывает остров Бакланий. Вообще на Байкале множество мест, названия которых связано с обитавшими здесь до 40-х – 50-х годов прошлого века птицами – бакланами. По рассказам Ивана Петровича Малогрошева из Курбулика люди в военные и послевоенные годы собирали их яйца и употребляли в пищу.

И вот каких-нибудь десятка-полтора лет хватило, чтобы популяция бакланов на Байкале полностью исчезла. И вот сейчас остались только одни названия.

Култук – южный ветер, стал усиливаться и мы зашли переждать его, а заодно и пообедать, в бухту Крохалиную. Оказалось, что в этой бухте стоит у прекрасного песчаного пляжа плавучая гостиница под названием «Гармония».

Познакомились с охранником гостиницы Буториным Михаилом Ивановичем. Он рассказал, что гостиница принадлежит Российскому фонду спасения Байкала. Ориентирована она в основном на иностранных туристов, что явно просматривалось, как по сервису, так и по ценам. Песок на пляже серебристо-белого цвета и, как сказал Михаил Иванович, на расстоянии примерно 100 метров вдоль пляжа просеян через сито от крупных камушков и сосновых шишек. Напротив «Гармонии» установлена нарядная юрта, постоянно работает дизель-генератор. В гостинице холодильники, телевизоры и даже есть сауна. Кстати в этот день они ожидают приезд на отдых посла Кубы в России. На прощание я попросил, если можно, выделить нам буханку хлеба. Буфетчица выдала нам из холодильника замороженную буханку хлеба, но потребовала заплатить за неё 13 рублей. Михаил Иванович начал извиняться, что мол он тут над ними не хозяин, он только охранник.

Мы его, конечно, извинили. Димыч сунул подмышку мороженый хлебный кирпич и мы, сменив этот плавучий дебаркадер на свою уютную байдарку, двинулись дальше в путь. Пройдя довольно продолговатый прижим, вышли к устью речки Большой Чивыркуй. Когда-то, по рассказам жителей пос. Курбулик, здесь был хороший рыбоперерабатывающий завод. Сейчас же это место представляло собой жал-

кое зрелище разрушенных цехов, заброшенных 2-хэтажных домов, глядящих проёмами оконных глазниц, на красивое место впадения реки Большой Чивыркуй в озеро Байкал. В Курбулике нам говорили, что охраняют эти развалины (трудно взять в толк – зачем?) два сторожа. На берегу нас встретили четыре приветливые собаки. Раз есть собаки – значит должны быть и люди. В глубине поляны, у леса виднелся небольшой домишко, из которого на лай собаки вышел мужик и махнув нам рукой (мол, заходите) скрылся в доме.

Поселок Чивыркуй, нежилой

Заходим с Димычем в дом. Сидят два мужика в дугу пьяные.

– Вы кто-о такие?

Да вот, говорим, так и так, путешествуем на байдарке по Байкалу. Познакомились. Одного из них зовут Алексей Курбатов, по прозвищу «Курбатик», другого Иван, по кличке «Борода».

– Давайте выпьем за знакомство. – предложил Курбатик.

– Что пьёте то? Хоть не отравимся?

– Раз мы живы, значит, не отравитесь.

Выпили граммов по сто предложенного напитка. Закурили. Разговорились.

Иван – борода рассказал нам, как однажды у себя на веранде дома зарубил топором не очень большого медведя, который прихо-

дил стащить что-нибудь съестное. Оба они оказались из Башкирии, село Октябрьское, что на границе Башкирии и Татарстана. Как попали на Байкал, рассказывать отказались. Но вот уже два с половиной десятилетия живут здесь и работают в Национальном парке сторожами. Стали прощаться. Иван вышел из избы и вернулся с четырьмя солёными омулями.

– Вот вам в дорогу, а больше у нас ничего нет.

– Так как вы живёте тут без продуктов?

– Да ничего. Вот вечером придёт катер и привезёт что-нибудь пожрать нам и собакам.

Взяв четырёх солёных омулей. Мы вернулись к байдарке. Не доходя до реки Кедровая нас застал дождь. На берегу обнаружили летнее строение, очевидно рыбаков, и хотя крыша у летника была дырявая, всё же нашли сухой угол, где и успешно переночевали.

25.06.2001 (понедельник)

Утро прекрасное, но сильно штормит. Сижу, жду у моря погоды. Подошёл к паре из Братска. Съездил на почту, оставил Диме записку. Вечером пришёл Дима.

26.06.2001 (вторник)

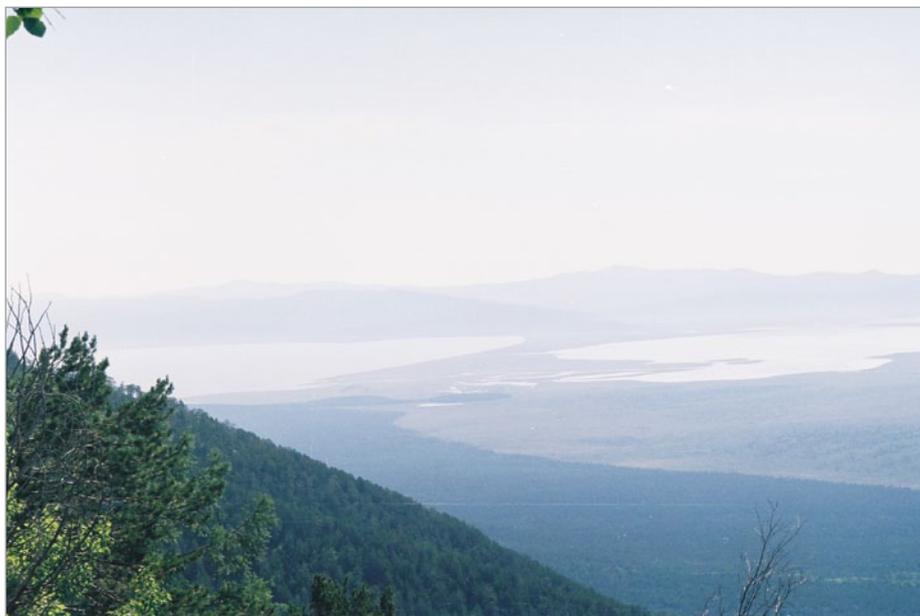
Стоим. Штормит. Переночевали. Утром успокоилось. Собрались, пошли в порт. Зашли к спасателям. Сходил в контору национального парка. Получил ксиву. Купили хлеб, сахар. Пошли. Вышка.

27.06.2001 (среда)

Пошли из Устья-Култучина. Глинка с останками Бельгийского чуда, сгоревшего в 1997 году.

28.06.2001г. (четверг)

Дима сбегал на гору Святого Носа 1877метров и к обеду пришёл. Я общался с Генкой. Тюменский университет. Метеоролог. Работал на Ушканах. Перебил 1000 нерп. Угостил нас нерпичьим мясом и салом. Отошли от Глинки, пристали к рыбакам. Накормили нас до пуза рыбными котлетами. Повар Зоя Рында. Отошли, встали на ремонт лодки – 4 дыры.

29.06.2001 (пятница)

Встали утром. Туман, сходили к рыбакам к ставнику. Пошли до Нижнего Изголовья. Красота. Метеостанции не существует, всё разрушено. Место красивое. Дима поднялся на вышку бывшего маяка. Заштормило, стоим. Потом немного утихло. Пошли. Встали в 22:00, видим рядом нерпу.

30.06.2001 (суббота)

Хороший день нам подарил Хозяин. Прошли траверс Ушканов. Спасли нерпу. Встретили Мишу с Мариной из Байкало–Ленского заповедника. Попили чайку с ними. Они затаились на лабазе в ожидании медведей. Обменялись адресами. Ушли от них через мыс Орловский с разбитым катером и км в 5-7 встали на ночёвку. Прекрасный закат и прекрасный берег.

1.07.2001 (воскресенье)

Обошли Верхнее Изголовье и в лоб ударила волна. Затихорились в бухточке Фертиковой. Сходили на Утёс. Вылезли снова на волну и нырнули в бухту Онкогонская, забились в самый култучок её, пережидали шторм. Затем выскочили за мыс Горячинский и зашли в бухту Змеиную. Тут цивилизация. Стоит оборудованная баржа-гостиница с коврами, кухней. Стоянка с юртами, дорожки выстланы досками, туалеты лакированные. Стоит дизель и электричество. Получили инструкции и место под палатку. Стояли с компанией ребят лесничества из Усть-Баргузина. Серега – пожарник. На Святом Носу за одну грозу возникло 3 очага пожара от молнии. Сережины байки про икру по колено.

02.07.2001 (понедельник)

Встали, позавтракали, собрались. Коллективное фото на память. Видеосъемка. И мы пошли за мыс Курбулик. За мысом спрятана деревушка Курбулик. Живописно расположена. Пристали прямо у тех домов, в которые нам надо было передать приветы. Окружили пацаны, смотрят байдарку, спрашивают чего? Куда? Подходят и взрослые. В деревне живут примерно 150 человек. Работы нет. Кое-кто работает в рыбоохране. Есть школа 8 лет. Нет света. Держат скотину, огород, ловят рыбу, но от воли не уезжают. Иван Малогрошев (ученик Жигжитова). Родился в Курбулике в 39 году, сходил только в армию и снова вернулся домой. И всю жизнь, но воля дороже, рыбаком. Уютный дворик, огородик, тепличка. Жалуются на электричество, что они никому не нужны. И дизель вроде с генератором есть, да нет солярки. Сожалеют, что в Глинке сгорела база бельгийца, а то бы дорога хорошая была от Усть-Баргузина. Жалуются, что на днях медведь двух коров задрал, одну его, а стрелять медведя не разрешают, т.к. национальный парк. Не разрешают дрова из леса машиной привезти – багульник помнёт – глупость. Таскают дрова на себе. Трудно выживать, но живут ведь. Довольно много ребяташек. Как он выразился: нас в деревне 150 человек вместе с детьми. Магазин в деревне не хитрый мука, сахар, чай. Продукты толком не завозят. Вот такая жизнь в Курбулике. Телевизоры смотрят автомобильные 12 вольт от аккумуляторов. Ушли из Курбулика, прошли Катунь, Малахово, Култук Чевыркуя и повернули на север.

03.07.2001 (вторник)

Идём по восточному берегу Чевыркуя, поштормовывает, срезаем залив бухты, отстаиваемся в затишках. При срезке одной бухты уже на подходе к затишку, я обернулся и увидел тонущего орла. Он видимо пикировал до воды за добычей, но не рассчитал волну и врезался в воду. Он вынимал из воды крылья огромного размаха более 1,5 м, хлопал ими по воде, но взлететь не мог, т.к. намокли перья. Мы с Димой посоветовались и повернули к нему на помощь, придумывая на ходу как её оказывать. Это было от берега в 300-400 метров. Я приготовил фотоаппарат снимать «водоплавающего орла». В руки его не возьмёшь, у него страшные когти и огромный загнутый клюв. Тем более что он пугался байдарки и по-

ворачивал от нас в любую сторону, хотя и стремился выбраться на берег. Тогда мы решили гнать его к берегу кратчайшим путём. Он отчаянно взмахивал мокрыми крыльями и старался загребать ими как вёслами. Когда выбивался из сил, то лежал на воде на спине и отдыхал, мы табанили байдарку и стояли неподалеку метрах в 10-ти. Отдохнув, он начинал отчаянно взмахивать крыльями и грёб ещё ногами к медленно приближающемуся берегу, поросшему высокой травой. Я приготовился снимать его спасительный выход на берег. Снял. Он вылез у самой кромки воды и, распластав крылья на траву, стоял, давая стекать с них воде, замерев без движения, видимо в изнеможении. Он не пытался спрятаться от нас, а видимо поняв, что он спасён – отдыхал. Мы не стали дожидаться, чем это всё кончится, но были уверены, что он спасён. Затем зашли в Крохалиную бухту, там стоит баржа-гостиница для интуристов и юрта для туристов. Познакомились с охранником Батуриным Михаилом Ивановичем (54 года), он рассказал, что эта баржа-гостиница принадлежит Российскому Фонду Спасения Байкала и они одновременно охраняют порядок в бухте. У них на пляже мелкий серебристый песок просеянный через сито!!!, деревянные тротуары, три туалета, дизель, свет. На барже сауна, холодильники, столовая, персонал поваров. В этот день они ждали посла Кубы. Кстати номер в сутки стоит 70\$, а у частных в Змеиной 35\$ – у них сервис похуже. Мы отошли от баржи на косу и решили пообедать и переждать беляки. Высушились, позагорали, пообедали. Смотрим, шагает к нам Михаил Иванович в плавках. Подходит и спрашивает, что ж вы там не встали, где я стою. Мы ответили, что там девушки две голые загорают. Он ответил, да, что тоже мимо них прошёл. Поговорили, пообещали, что позже подойдём сфотографироваться. Подошли, сделали фото. Доброжелательно попрощались, записав адреса. Я попросил на прощание буханку хлеба, повара затребовали за неё 13 рублей. Михаил Иванович долго извинялся, что он над ними не хозяин, а только охранник, на том и попрощались. Обогнув большой прижим, увидели бывший посёлок Чувыркуй. На рейде около него стоял катер. Причалили, ни души только 4 приветливые собаки. Пошли осматривать бывший рыбозаводной завод, который представляет собой руины, как после ядерной войны. Вдалеке виднелся небольшой домик, откуда тявкнула собака. Вышел человек и махнул нам рукой. Мы знали по рассказам, что там живут два охранника национального парка.

Заходим, сидят два мужика, пьют. Один Алексей Курбатик, второй Иван по кличке «Борода». Выпили с ними по 50 г. Оказались они оба из Башкирии из Октябрьского. Как сюда попали, сказали – не спрашивайте. Живут здесь уже 25 лет. Иван болеет астмой, но в больницу обращаться не хочет, ссылаясь на то, что нет денег. Рассказал Иван, как зарубил медведя у себя на веранде топором. Рассказы их скупы, да и крепко они приняли. Дали нам на прощание 4 солёных омуля. С тем мы и поехали дальше. Не доходя до Кедровой нас застал дождь. Заночевали в летнике. Летник дощатый, дырявый весь течёт, но нашли сухой угол и хорошо переночевали при плохой погоде.

Глава VI

*Речка Большая Черемшаная, медведь, кордон Сосновка (Кудалды),
Нина, баня, Давша, музей, художник Бадма, р. Большая,
губа Большой Амнундакан, п. Томна, губа Малый Амнундукан,
сан. Хакусы, губа Аяя, губа Фролиха, губа Дагарская.*

На подходе к речке Большой Черемшаной, потекла, где то пробитая, оболочка байдарки. Пришлось становиться на ремонт. Ремонт байдарки с прорезиненными чехлами в походных условиях довольно прост. Груз из байдарки выгружается. Лодка переворачивается днищем вверх и просушивается. И далее, как было описано выше, как ремонт камеры велосипеда. Пока я занимался ремонтом байдарки, Димыч, решил познакомиться с близлежащими окрестностями. Я решил половить в устье речки хариуса. Стою я на левом берегу речки и вижу, как с другой стороны речки, на берегу Байкала идёт медведь. Он был настолько увлечён каким-то своим занятием, что, не замечая меня, подошёл на расстояние метров 50 – 70. Я решил пошуршать галькой под ногами, чтобы обозначить своё близкое присутствие. Услышав шорох, медведь поднялся на задние лапы и стал с любопытством разглядывать меня – что ещё за зверь? Убедившись видимо в том, что я не представляю для него особой опасности, он опустился на четыре лапы, повер-

нулся и пошёл в обратном направлении. В это время со стороны нашей палатки (до которой было метров 100) показался Димыч. Я, чтобы не кричать и не напугать зверя, стал жестикулировать ему руками, чтобы сфотографироваться с медведем. Но,

когда Димыч подошёл, медведь уже был достаточно далеко и совместного фото не получилось. День клонился к вечеру. Место для ночёвки было очень удобным. До первого кордона Баргузинского заповедника ещё 25 км пути. Решили остановиться на ночлег. Сухого плавника было в изобилии, вечер выдался прекрасным и мы долго сидели у костра.

– Да, Димыч, вот я тебе расскажу про одну встречу с медведем, которая произошла на Урале, на склоне горы Иремель.

Было это где-то в конце 80-х или в начале 90-х годов. Собрались мы с сослуживцем Георгием Сытым прогуляться по уральским горкам дня четыре-пять с заходом на гору Большой Иремель. Доехали автобусом от города Миасс до города Катав-Ивановск, что расположен на реке Катав. Ещё с царских времён и почти до середины 20-го столетия многие железодельные заводы горно-заводской зоны Урала были связаны узкоколейными железными дорогами, по которым перевозились руда, лес, древесный уголь, металл. Вот и Катав-Ивановск был связан такой узкоколейкой с Белорецком.

В настоящее время эти узкоколейные железные дороги почти все (за малым исключением) не существуют, клёпаные металлические мосты через водные преграды сохранились и местные жители до сих пор пользуются ими для перевозки леса, дров, сена и пр. Вот мы с Жорой по этой старой узкоколейке пошли вверх по реке Катав до Верхнего Катава, затем перевалили два хребтика: Зигальгу и Бакты и поднялись на гору Иремель. Было это в начале сентября. На подъёме на гору моросил мелкий дождь, а на вершине светило солнце и вид был великолепный. Где-то ниже нас проплывали облака, огибая вершину горы, и мы как на гигантском корабле плыли по этому белому морю. Здесь было такое изобилие ягод: голубика, черника, шикша.

– Помнишь, Димыч, когда мы бывали на Дальнем Тагане, то там тоже собирали голубику, чернику и водянику? Так вот, эта самая водяника и есть шикша.

Здесь на Байкале она произрастает в изобилии и местные жители варят из неё варенье. Считается, что варенье из шикши полезно для сердечно-сосудистой системы.

– Ты ведь что-то хотел рассказать о встрече с медведем? А то всё про ягоды, про ягоды.

– Ну, как говорят, где ягоды – там и медведь. Спускаемся мы с Жорой с вершины. Ниже облаков опять заморосил мелкий дождик. Вышли на тропу. Идём, я впереди, он за мной. Вижу за поворотом тропы, сквозь густой кустарник, просматривается как бы мужик в плаще. То наклонится, то выпрямится. Думаю, чего это там мужик делает. Выходим за поворот и оба – на! Перед нами медведь на тропе.

Расстояние оказалось между нами примерно метров 40. Медведь поднялся на задние лапы и зарычал, как мне показалось не слишком уж злобно. Жора у меня за спиной занервничал и собрался было удирать. Стоять, – сказал я Жоре негромким голосом, – учти он бежит быстрее нас. Противостояние наше продолжалось уже несколько секунд и надо было что-то предпринимать. Не придумав ничего другого, я громким голосом сказал ему: – «Ну, чего стоишь на тропе? Проваливай»!

Медведь рыкнул и наклонил голову на бок. Затем опустился на четыре лапы, повернулся и пошёл от нас, ну очень неторопливо.

Сделав несколько шагов, он оглянулся, посмотрел оценивающе на нас и не спеша ушёл влево от тропы в лес. Мы подошли к тому месту, где стоял медведь.

Я стал изучать по следам, чем он тут занимался. Оказалось, что на этом месте на тропе от дождя образовалась лужица. Так вот он шлёпал передними лапами по этой лужице отчего вода из неё растекалась по тропе и когда он поднимался на задние лапы вода снова стекалась в лужицу. Видимо это занятие так его забавляло, что он не заметил как мы подошли к нему на близкое расстояние. Но на этом наше общение с медведем не закончилось. Пройдя метров 150 – 200 по тропе, мы вдруг увидели его снова. Он сидел на пятой точке прямо на тропе, расставив задние лапы, спустив передние между ними и вытянул морду в нашу сторону. Между нами было метров 70. Я остановился и громко сказал: – «Вот теперь, Жора, я точно не понимаю – чего ему от нас надо»?

– Доставай ружьё, – сказал Жора.

У меня действительно в рюкзаке было упаковано ружьё. Но дело в том, что все мои боеприпасы были рассчитаны на рябчика, ну максимум – на зайца. Но даже, если бы и были у меня пули, то я всё равно стрелять бы в него не стал. Я снял рюкзак, собрал ружьё, зарядил дробью. Медведь продолжал сидеть всё в той же позе и наблюдать за нашими действиями. Я поднял ружьё вверх и выстрелил.

– Думаешь, Димыч, он испугался и побежал?

Ничего подобного.

Он также медленно поднялся, посмотрел на нас и не спеша ушёл в лес.

До посёлка Тюлюк оставалось примерно километров восемь, и весь этот путь мой напарник вздрагивал от любого шороха или скрипа в лесу. Я его успокаивал, что, мол, мы медведю ну совсем не интересны, но, тем не менее, убедительно объяснить поведение медведя ни ему, ни себе я не мог.

От пос. Тюлюк до ж\д станции Юрюзань мы доехали на попутном лесовозе. И вот стоим мы на перроне в ожидании поезда со стороны города Уфы, чтобы доехать до города Миасс.

О встрече с медведем было уже всё обсуждено и отложено в архив памяти. Но оказалось, что это не так.

Мимо нас по перрону прохаживался молодой парень с мальчишкой за руку.

Заметив наши рюкзаки, он спросил: – «Что на Иремель ходили?»

– Да, отвечаем, на Иремель.

– А медведя случайно вы там не видели?

– Да, видели, а что? – удивились мы.

И парень рассказал нам следующее.

Дня три тому назад поехали мы с друзьями на машине за ягодами. Доехали, куда позволяла дорога, а затем разошлись собирать ягоды, договорившись встретиться у машины в 5 часов вечера. Ну, я по тропочке поднялся на самую вершину горы.

Ягоды там видимо-невидимо. Набрал я ягод полную корзинку, пора уже было возвращаться к машине, как вдруг на тропинке появляется небольшой щенок.

Обрадовался щенок, прыгает вокруг меня, ластится. Дал я ему кусочек оставшейся колбасы и хлеба. Ну, думаю, кто-то тут есть неподалеку, а с ними и щенок.

Поднялся на открытое плато на горе, никого вокруг не видно, покричал – никто не отзывается. Стал по тропинке спускаться к машине. Щенок рядом бежит. Тропинка шла уже по густому лесу. И вот я раз запнулся о щенка, второй, а потом он уткнулся мне хвостом в ноги и не даёт идти вперёд. И вдруг впереди нас на тропе поднимается на задние лапы медведь и как зарычит. Тут, конечно, куда щенок, куда я со страху бросились бежать. Сколько я бежал не помню, падал несколько раз, все ягоды рассыпал, в изнеможении остановился я, прислушался. Кругом тишина, за мной никто не гонится. Отдышался и думаю, ну где же теперь искать машину? Блуждал я довольно долго по лесу, время подходило уже к 9-ти часам вечера. Стал громко кричать и вдруг услышал голоса друзей. Не доходя немного до машины появился тот же щенок и радостно кинулся ко мне. Он и сейчас у меня дома живёт. Вот такая у меня была встреча с медведем на Иремеле, – закончил парень свой рассказ. Подошёл наш поезд, народу в вагоне было не много и езды до города Миасс около трёх часов.

В вагоне под стук колёс я всё обдумывал рассказ парня о встрече с медведем, и вдруг меня осенила чёткая и ясная мысль.

– Жора, а хочешь, я тебе сейчас убедительно объясню поведение медведя при нашей с ним встрече?

Жора недоуменно посмотрел на меня, думая очевидно, чего я ему могу убедительно объяснить в поведении дикого зверя.

– Так вот слушай. Медведь, как и любой другой зверь в лесу, не любит ходить по густым зарослям, буреломам, а выбирает себе более удобный и лёгкий путь. Ты заметил, что мы часто встречали с тобой следы медведя на просеках, на заброшенных дорогах, на тропах.

Вот медведь и выработал в себе, против многочисленных здесь туристов, следующую линию поведения.

Идёт он по тропе и слышит, что идут ему навстречу люди. В непосредственной близости от них, он встаёт на задние лапы и как рывкнет. Людей с тропы, как ветром сдувает. Постоит он, послушает – тишина и продолжает свой путь.

А с нами почему-то это не сработало. Тогда он спустился метров на 200 и снова вернулся на тропу. Но мы опять, увидев его стали вести себя не так, как он всегда привык. Вместо того, чтобы разбежаться и освободить ему тропу, мы начали шуметь, стрелять из ружья, чем его окончательно обескуражили и он решил сам уйти с тропы.

Вот и всё моё объяснение столь странного поведения медведя при нашей с ним встрече.

– Вот такая у нас была, Димыч, встреча с медведем на горе Иремель, чем и заканчивается мой рассказ.

На следующий день после полудня мы подошли к первому кордону Баргузинского заповедника под названием Сосновка. Раньше это место называлось Кудалды, что в переводе с бурятского означает – выйти на берег. Вот и мы причалили к берегу байдарку, и вышли на берег (т.е. Кудалды). Поляна у кордона оказалась довольно просторной. Справа у ручья рубленая банька, чуть подалее слева два жилых дома. На большем из них установлены антенны радиосвязи. Рядом хозяйственные постройки для скота, небольшой огород, на котором видна картошка. Посреди полянки у домов могила с памятником, украшенная венками и искусственными цветами. Никого из обитателей кордона улице не наблюдается. Подходим к большому дому. У крыльца лежит довольно крупная лайка чёрно-белой масти, положила голову на передние лапы, и пристально смотрит на нас, не проявляя, правда, никаких признаков агрессии. Остановились, подали голос. В окне показалось женское лицо и на крыльце появилась хозяйка кордона.

Поздоровались, представились. Так, мол, и так, путешествуем на байдарке по Байкалу.

– Меня зовут Нина, я работаю здесь егерем на кордоне.

И что, одна что ли?

– Ну почему одна. Вот у меня собаки (при этих словах лежавшая лайка поднялась и мирно завиляла хвостом), четыре рогача (рогачами она назвала коровы), в общем целое хозяйство.

– Да что мы тут стоим, заходите в дом.

В доме вкусно пахло свежим борщом и ещё чем-то приятным, по-деревенски домашним.

– Вот только приготовила обед и собиралась обедать, а тут гости. Давайте будем вместе обедать, заодно и поговорим.

На столе появились творог, сметана, сливочное масло и миски с дымящимся, издающим вкуснейший запах, борщом.

Для нас, чей рацион состоял постоянно из каши и рыбы (варёной, жареной, солёной, копчёной), такой обед показался царским.

– А что? – обратился я к хозяйке, – может быть за знакомство можно и по рюмочке?

– Можно и по рюмочке, – ответила Нина.

Димыч сбегал к байдарке и принёс фляжку из нержавеющей стали со спиртом. Вода байкальская в доме имелась. Так что традиционный походный напиток сделать не составляло труда.

– Раньше мы здесь работали вдвоём с мужем, но в прошлом году в июне месяце он утонул в Байкале. Видели, вот проходили, могилку?

– А как же это случилось?

– Пришёл к нам катер с продуктами и прочими всякими необходимыми вещами для жизни и работы на кордоне. Мой муж с капитаном катера выпили по этому поводу и он пошёл проводить капитана и команду катера. Что-то долго муж не возвращался, и я вышла на берег посмотреть. Катер уже довольно далеко отошёл, а недалеко от берега покачивалась на волнах наша лодка, но мужа в ней не было. Очевидно, проводив катер, он выпал из лодки и утонул. Вот так и похоронила я его здесь на кордоне. Вот уже чуть больше года прошло как.

Налили ещё по рюмочке и помянули его добрым словом. Нина рассказала нам, что родилась и выросла она здесь на Байкале и дальше 100 км от кордона за все свои сорок лет жизни нигде и не бывала.

– Что даже в Иркутске и Улан-Удэ не была? – удивились мы.

– Нет. И даже дороги не знаю.

– Ну и как, устраивает тебя такая жизнь?

– Вполне.

– А что, Нина, детей у вас не было?

– Хвостов нет. Бог миловал, – ответила Нина и, как мне показалось, в её ответе не было ноток сожаления по этому поводу.

Заморосил мелкий дождичек. И мы, получив разрешение затопить баньку, непременно решили воспользоваться такой редкой возможностью – попариться. Навозили на тележке с берега Байкала напиленных сухих чурбаков (очевидно, привезённых Нине на катере), накололи дров с большим запасом, затопили баню. Пока мы занимались этим делом, Нина то и дело мелькала как метеор по своему хозяйству, то видели её у коров, то в огороде, то кормила собак, то куриц. Все эти дела по хозяйству видимо делались ею по заведённому распорядку и она с ними справлялась быстро, ловко, без суеты. Правда Нина нам рассказывала, что иногда приезжает к ней бригада рабочих из заповедника и они делают ремонт домов и надворных построек, т.е. делают те работы, с которыми ей одной не

справится. Даже сено помогают летом заготовить для «рогачей», а она их кормит творогом, сметаной маслом.

Пока баня топилась я писал путевые заметки в борт-журнале. Я эти заметки писал почти ежедневно потому, что знал – они мне очень пригодятся при написании этой книги. Димыч тем временем, заготовил пару берёзовых веников и мы славно с ним попарились. После бани идти дальше не было желания, тем более что накрапывал мелкий дождик. Мы спросили у Нины разрешения, где бы нам устроиться на ночлег.

– А вон, – она показала на второй небольшой домик кордона, – устраивайтесь там, только печку без меня не растапливайте, а то она у меня заговорённая и пока ей пару ласковых слов не скажу – она топиться не будет.

Мы принесли с Димычем наколотых дров и стали устраиваться на ночлег. Пришла Нина, в руках она держала пучок из старых газет и очевидно бересты. Поговорила она ласково с печкой, положила этот пучок – на него несколько тонких поленьев, чиркнула спичкой и вся проблема с растопкой была решена.

– Устройтесь, приходите на ужин и чай.

Мы пытались объяснить, что, мол, у нас всё есть.

– Да я и не сомневаюсь, что у вас всё есть, но в компании веселее.

Вечером пили чай, разговаривали «за жизнь». Нина, кроме того, что работает егерем на кордоне, ещё исполняет и обязанности метеоролога, сообщая несколько раз в сутки по радиации данные о погоде в г. Иркутск. Мы поинтересовались у неё о том, что в Давшее завтра нам надо получить разрешение о прохождении вдоль береговой линии Баргузинского заповедника.

– Да о вас в Давшее уже знают. Пока вы занимались баней у меня была связь с Давшой и я сообщила, что двое на байдарке путешествуют по Байкалу и что по непогоде остановились на ночёвку на кордоне. Завтра будут у вас. Так и мне спокойнее, мол егеря в курсе дела кто в заповеднике «шастает». А разрешение вы в Давшее завтра получите.

Нина рассказала нам, что аж в 1913 году, на этом месте вышла на берег небольшая экспедиция, которая занималась изучением местности для создания заповедника по сохранению баргузинского соболя, о чём свидетельствует мемориальная доска, установленная на территории кордона. В 1916 году царским указом такой запо-

ведник был организован со штаб-квартирой на кордоне Кудалды. Позднее территория заповедника была расширена и в 1946 году его штаб-квартира была переведена в Давшу, где и располагается до сего времени.

Утром стартовали в шесть часов утра, чтобы пораньше подойти к Давше, подольше пообщаться с её обитателями. После баньки и хорошего отдыха на кордоне, самочувствие было отличным. Погода позволяла идти хорошим ходом и поэтому расстояние до Давши в 35 км мы проскочили за 4,5 часа и уже в 10:30 прибыли в штаб-квартиру Баргузинского заповедника.

Давша (Давшэ) в переводе с бурятского означает большая поляна (открытое место). Действительно довольно широкий и далеко уходящий на восток распадок, образованный двумя небольшими речками Давша и Южный Биракан, создавали впечатление большого открытого места. В почтовом отделении имелась радио-телефонная связь, но связаться по ней с Уралом не удалось. Пришлось ограничиться телеграфными сообщениями. В Давшее есть музей заповедника, который в данный момент находился на ремонте, но хранильница музея Ирина, по случаю

нашего посещения открыла музей, показала множество его экспонатов и рассказала о Баргузинском заповеднике. Затем мы в конторе получили разрешение на дальнейшее прохождение вдоль береговой части Байкала, принадлежащей заповеднику. Даже взяли с нас за это символическую плату (не помню уже 50 или 100 рублей). Пока мы были в конторе, слышался шум приземляющегося вертолѐта.

Я подумал: надо бы сделать снимок вертолѐта на берегу Байкала, но не успели выйти мы из конторы, как он резко взмыл в высоту и улетел. Вертолѐтик сам по себе небольшой, МИ-1, летает на нём асс по прозвищу «Рембо». Он отчаянно летает на своей маленькой стрекозе в сложных горных условиях, снабжая бригады пожарников продуктами, развозит почту и небольшие грузы.

Евгений Дарижапов, Давша, 2001

На удивление, для такого небольшого посёлка, как Давша, мы с Димычем повстречались за очень короткое время со многими людьми. Он даже встретил знакомого из Новосибирского университета, работающего здесь в Баргузинском заповеднике. Они о чём-то долго беседовали, а я спросил у кого-то из местных, как повидаться с живущим здесь художником Бадмой? Мне указали на крайний дом, где живёт и работает Бадма. Когда Димыч закончил разговор со знакомым из Новосибирска. Мы пошли к указанному нам дому, в надежде повидаться и побеседовать с Бадмой.

Когда мы с Димычем вошли в небольшой дворик и подали голос, то нам навстречу вышел бурят невысокого росточка.

– Здравствуйте, уважаемый. Меня зовут Николаич. Мы вот с сыном Дмитрием путешествуем по Байкалу на байдарке, и очень хотелось бы повидаться и побеседовать с художником Бадмой.

– Здравствуйте, я и есть Бадма.

– Это что? Ваше имя или фамилия?

– Это всё: и имя, и фамилия, так что зовите просто – Бадма. Отчего не побеседовать, проходите, всегда гостям рады.

Мы прошли в дом и оказались в просторной светлой комнате, по убранству которой было понятно – это мастерская художника. Два больших окна этой комнаты выходят с видом на Байкал. Стены украшены несколькими полотнами и множеством причудливых фигур из корней и сучьев деревьев. Стол и стулья тоже очень красиво выполнены из дерева. Несколько подрамников, на одном из которых в раме закреплён холст, очевидно находящийся в работе. В углу и у стены на полу множество бутылок, бутылочек, баночек с растворителями и красками. Вся эта уютная обстановка мастерской с её запахами красок, растворителей, дерева и ещё чего-то, создавала желание взяться за кисть и написать что-нибудь о красивом и вечном. Но я понимал, что для этого надо родиться художником.

– Ну и чтобы вы хотели от меня услышать?

– Как вы попали в Давшу? Ну и какие-то особые интересные моменты из вашей жизни.

И вот что поведал нам художник Бадма.

Вообще-то по профессии я – мент. В 1974 году закончил ВУЗ в Ленинграде и некоторое время работал в прокуратуре одного из районов города. Затем меня переводят работать следователем в Москву и поручают вести дело по драгоценным металлам и валюте одной дамы, которая была любовницей очень высокопоставленного чиновника (и Бадма, подняв руку, указал пальцем вверх). Вообще никто из московских следователей не хотел браться за это дело, зная наперёд, чем всё это кончится. Вот и нашли пацана. На первом же допросе эта особа мне заявила, что я работать здесь больше не буду. И через неделю я оказываюсь в одиночной камере следственного изолятора по сфабрикованному против меня делу. Проходит семь долгих месяцев и никакие ходатайства моих друзей не возымели результата. Но всё-таки друзья нашли одну даму – любовницу высокопоставленного генерала того ведомства, где я пребывал в отсидке. Эта дама в удобный момент попросила генерала: есть такой Бадма, он вроде не виноват, отпустить бы его. Что? Взревел генерал. Кто такой этот Бадма, что за него все просят. Подать его сюда.

Доставили меня в приёмную генерала. Сажу в приёмной, такой маленький, щупленький в потёртом джинсовом костюмчике, жду генерала. Через некоторое время проходит к себе в кабинет этакий стопятидесятикилограммовый генерал. Вызывает секретар-

шу и спрашивает: ну где этот Бадма? Захожу в кабинет. Глянул на меня генерал и, даже не открывая лежащего перед ним на столе моего дела, резко роняет: на поселение в Норильск. Я набравшись смелости обращаюсь:

– Разрешите, товарищ генерал, на поселение на исконную родину предков.

– Это куда?

– В Бурятию.

– О! Там сейчас аккурат БАМ строят, вот и поезжай в Нижнеангарск с «белым билетом». И смотри, чтобы там у меня, – стукнув при этом огромным кулачищем по столу.

Меня как ветром выдуло, из кабинета. Дали мне «белый билет», немного денег на дорогу и вот стою я уже в аэропорту города Улан-Удэ – в родной Бурятии. Денег осталось всего 13 рублей и на билет до Нижнеангарска не хватает. Смотрю в расписание и вижу: Давша – 13 рублей. Беру билет до Давши, а там будь что будет.

Лечу в самолёте АН-2 в Давшу и думаю. Там какой-нибудь рыболовецкий колхоз, придётся рыбу ловить. И как я буду с моими руками невод таскать? Бадма при этих словах протянул вперёд руки, ладонями вверх и я увидел, что эти обе, почти детские на вид ладони могут свободно уместиться на одной моей ладони. Потом, продолжил Бадма свой рассказ, я, от рядом сидящего попутчика в самолёте, узнаю, что Давша – это никакой ни рыболовецкий колхоз, а штаб-квартира Баргузинского заповедника. Вот так я и оказался в Давше.

Пришёл я к директору заповедника, объяснил ему так мол и так, показал документы. Он оказался мужиком не из робкого десятка, да и видимо неплохо разбирался в ситуации и в людях. Несмотря на мой «белый билет» он взял меня на работу в штат сотрудников заповедника. Вначале я работал егерем. Очень много ходил по территории заповедника с целью учёта количества обитающих зверей и особенно баргузинского соболя. Приходилось часто тушить пожары, возникающие от грозовых молний, но иногда, конечно, и от людей. Позже я стал всё чаще работать проводником научных групп, туристических групп и даже иностранных групп по хребтам и рекам Баргузинского заповедника. Частенько брался за кисть и писал что-то, но с возрастом всё больше и больше понимал, что этому ремеслу надо отдавать не только свободное от работы время, а всё имеющееся в жизни время.

И вот четыре года тому назад, когда мне было 46 лет, я оставил работу в заповеднике и стал работать, можно так сказать «на себя». В основном писал картины и занимался резьбой по дереву. Картины и резные изделия продавал туристам и худо – бедно на жизнь хватало. Одно время писал полотна на политические (скажем так) темы. Ну, например, в бушующем океане жизни качается на огромных волнах ковчег. На ковчеге знакомые всем лица: Дудаев с Грачёвым – дерутся, Жириновский – грозит кому-то дать в морду, Явлинский – тошнит за борт, а за штурвалом – известная седая личность пытается управлять ковчегом с ужасным выражением на лице незнания и непонимания, куда же надо рулить.

Но вскоре я пришёл к пониманию, что эта тема пустяшная, проходящая и она не достойна кисти художника. А тут как раз заказали для бурятских художников тему: написать пейзажи БАЙКАЛА. Но большинство из них, если не все, писали виды Байкала как бы с воды; то есть скалы, горы и на переднем плане байкальская волна. На мой взгляд подобные виды можно написать где угодно, нет в них той характерной узнаваемости, что это непременно Байкал.

Я написал несколько полотен с пейзажем Байкала, как бы с высоты птичьего полёта. Это было мне так знакомо потому, что я много раз видел Байкал с горных вершин высотой две и более тысячи метров. На этих полотнах Байкал был величественным, могучим и абсолютно узнаваемым. Но, к сожалению, все картины разбрелись по миру и я остался, можно сказать, ни с чем. Мне вот на днях исполняется 50 лет. Надо бы сделать выставку своих работ, но как говорится – увы и ах. Сейчас я начал работу над циклом полотен о природе Байкала, где в главной «роли» на каждом полотне будут выступать обитатели леса: соболь, медведь, изюбр, кабарга и т.д. Вот я начал уже одну из первых работ этого цикла. При этом Бадма подошёл к одному из подрамников и повернул его к нам так сказать лицом. В центре полотна был красиво выписан огромный филин с пронзительным взглядом, приводящим смотрящего на него в некое внутреннее замешательство. Вокруг филина, как бы в дымке выписаны несколько типичных деревенских видов – изба деревенская, на крыше которой сидит рыжий кот, коровы, пасущиеся на лугу, табун лошадей вдалеке. Эта картина будет называться «Хранитель снов», сказал Бадма. Тут ещё не дописано ряд сюжетов, олицетворяющих, как бы, наши сны, а хранитель их, то есть филин, уже полностью закончен.

Ну а из интересных эпизодов своей жизни, продолжил свой рассказ Бадма, я расскажу вам следующее. Как то четыре года тому назад, приехал к нам в Давшу швейцарец по имени Хорс. Он был офицером подразделения швейцарских горно-альпийских стрелков. Целью его приезда была стажировка прохождения труднодоступных горных хребтов и вершин. С ним были ещё два наших офицера. Вот и определили меня к этой команде проводником. Хорс был таким паинькой: не пил, не курил, не сквернословил. Мама, как он говорит, его так воспитала. После первого же десятидневного похода Хорс стал курить наши сигареты «Прима», пить разведённый спирт и ругаться по-русски. Он говорил: я прохожу школу спецназа Бадмы. Вот он подарил мне хороший фотоаппарат и Бадма снял и показал нам висевший на стене «Nikon». В этом году он уже вот в четвёртый раз собирается приехать и обещал привезти в подарок форменное обмундирование горно-альпийского стрелка, сшитого под мой размер. А ещё меня в этом году приглашают в Швейцарию на встречу живых авторов картин, экспонирующихся в одном из художественных музеев.

Там экспонируется несколько моих полотен, вот собираюсь поехать.

Затянувшаяся, почти на три часа беседа с Бадмой подошла к своему логическому завершению и мы с Димычем, поблагодарив гостеприимного хозяина, засобирались в дорогу. Бадма вышел проводить нас во двор. Тут подошла группа туристов и стала покупать у художника сувениры на память. Бадма вынес несколько резных работ по дереву. Это были чашечки, ковшики в виде уток и ещё что-то. Все эти сувениры мигом ушли нарасхват. Но у нас впереди лежала ещё длинная дорога и мы не стали приобретать сувениры. Ещё раз попрощавшись с Бадмой, мы двинулись в путь. Впереди в 20-ти км было устье речки Большая, где мы и запланировали устроиться на ночёвку. При подходе к устью речки Большая, всё усиливающаяся волна, буквально загнала нас в реку. Укрывшись от волны, и найдя уютное место для ночёвки, мы принялись ловить рыбу. В устьях речек, впадающих в Байкал, в большом изобилии обитает хариус. Способ его ловли достаточно прост. К спиннингу крепится крупный поплавок, к поплавку крепится поводок с мушкой. Поводок имеет длину примерно 60 – 80 см. забросив эту снасть в струю течения, катушка распускается примерно на 20-30 м. Затем, под-

202

матывая катушку, мушка выводится на поверхность воды и в этот момент происходит поклевка. Сделав с десяток забросов, я поймал уже пять штук хариусов около 500 и более граммов каждый.

Димыч, будучи не очень заядлым рыбаком, с любопытством наблюдал за этим процессом. Поскольку спиннинг у нас был только один, я предложил ему порыбачить.

– Нет, ты рыбачь, рыбачь.

С этими словами он направился к зарослям ивняка вдоль реки. Вернулся он с длинным прутом, отдаленно напоминающим удилище. Прикрепил леску, к ней поводок с мушкой безо всякого поплавка. Процесс его способа рыбалки выглядел следующим образом.

Он забрасывал мушку на струю течения и медленно проводил её удилищем против течения. За такой заброс (не каждый, конечно) успевала проходить поклевка хариуса. И, что характерно, из двух десятков, пойманных нами вместе хариусов, его экземпляр оказался самым крупным, примерно килограмм или даже чуть более. Весь секрет, Димыч, успеха подобного способа ловли хариуса заключается исключительно в конструкции мушки. Меня научили такие мушки делать рыбаки ещё в далёком 1967 году, когда мы путешествовали по рекам Приполярного Урала, впадающим в низовья реки Обь (это не так далеко от города Салехарда).

Правда нам тогда дали клочок медвежьей шкуры, из шерсти которой, и делаются уловистые мушки. Процесс их изготовления не сложный, но опять же, как говорится, весь секрет в технологии. Позже я пришёл к решению, что при отсутствии волоса с медвежьей шкуры, самым подходящим волосом для изготовления мушек является волос собственной бороды.

Берётся крючок, а лучше двойничок и вдоль цевья укладывается пучок волос. Затем, начиная от петельки крючка, этот пучок волос плотно приматывается ниткой типа «мулинэ» желательно красного или жёлтого цвета. По мере приближения оплётки к месту загиба крючка пучок волос, на каждом обороте оплётки распускается в виде веера (или веника). Конец нитки прочно крепится и далее наступает самый тонкий момент в процессе изготовления уловистой мушки. Надо обрезать кончики пучка волос так, чтобы они воспроизводили частоту колебаний при движении в воде, совпадающую с частотой колебаний живой мухи. Но какова частота колебаний, создаваемых живой мухой нам неизвестно и практически воспроизвести то, что неизвестно кажется абсурдным заняти-

ем. Ан нет. Для этого существует метод случайного подбора, так сказать метод проб и ошибок. На каждой из изготовленных мушек делаем обрезку кончиков волос разной длины. И вот из пяти примерно изготовленных мушек, одна или две бывают уловистыми. Если, скажем, магазинную мушку хариус берёт один раз из десятка забросов, то уловистую мушку собственного изготовления он берёт практически на каждом забросе. Вот такие, Димыч, тонкие дела в рыбалке на искусственную мушку.

Байкал всё также украшен белыми барашками на гребнях волн, слегка штормит, а в устье речки спокойно и уютно. Подошло время готовить ужин и он обещал быть царским. Приготовили в коптильне хариуса горячего копчения, сварили добротную уху из хариуса и ещё нажарили свежего хариуса на сковородке так, что ужин хариусиный удался на славу. Димыч заварил душистый чай из каких-то тут же собранных трав. Развели костерок для души, до отбоя оставалось ещё пару часов.

– А ты знаешь, Димыч, я помню как я поймал свою первую в жизни рыбу. Было это в 1950 году на Волге в городе Астрахани. Поменяв в очередной раз своё местожительство из Средней Азии на нижнюю Волгу, мы некоторое время жили в съёмной комнатухе где-то на окраине города. Недалеко от дома, в котором мы жили, была небольшая притока с перекинутым через неё мостком. Соорудив примитивную удочку: палка, нитка, поплавков и крючок, я пошёл на этот мосточек рыбачить. И вот тогда я поймал свою первую рыбу – окуня. Он был чуть больше моей детской ладошки, но он казался мне достаточно большим и очень красивым. Вот видимо с этого момента во мне поселился тот самый азарт рыболова. Вскоре отцу предложили работу заведующего небольшой деревоперерабатывающей мастерской. Мастерская эта находилась прямо на берегу реки, чуть ниже по течению Волги от Астрахани совсем рядом с железнодорожным мостом через Волгу.

Огороженная дощатым забором небольшая территория имела причал, куда подгонялись плоты брёвен. Брёвна выкатывались на берег и шли в пилораму на распиловку. Тут же стоял деревянный домишко, в котором мы и поселились. Километрах в двух от этого места была довольно большая деревушка, название которой за давностью лет я уже и не помню. Но помню, что мне давали каждый день в школу 10 копеек на булочку. Так вот я всегда, по возвращению из школы заходил в магазинчик и покупал на

эти 10 копеек 100 грамм конфет подушечек, которые почему-то назывались «дунькиной радостью». И ещё, что чётко осталось в памяти, это демонстрирующийся в то время трофейный фильм «Тарзан». Он настолько заражал мальчишеское воображение, что считай почти два с лишним десятилетия, пацаны всей России привязывали на крутом берегу реки к дереву веревку и, раскочиваясь на ней прыгали в воду, издавая при этом пронзительный клич Тарзана.

Что-то я, Димыч, уклонился в своих воспоминаниях куда-то в сторону, а ведь хотел про рыбалку. Так вот, живя непосредственно на берегу Волги, мы с братом Борисом приобщились к этому сказочному рыбацкому приволью.

Я, правда, тогда ещё был «мелким» – мне шёл всего десятый годок, а вот Борис был уже побольше и его брали с собой рыбакки ловить на закидушки судака. Когда уровень воды в Волге поднимался, и заливались луга и небольшие озёра, тут было вообще раздолье. Мужики бродили по лугам по колена в воде и острогой добывали крупных сазанов. А мы – мелкота в какой-нибудь канавке, ловили с помощью тюлевой занавески, сазанчиков грамм по 200-300. Когда уровень воды понижался, то очень много рыбы (в основном сазана) оставалось в этих небольших озерах. Запомнился случай, как мы с Борисом пошли рыбачить в эти озера. Сазан брал на любую насадку и даже на голый крючок. Мы наловили с ним столько рыбы, что когда собрались уходить домой то поняли: нам её будет очень тяжело тащить. И хотя до дому было, пожалуй, где-то не более двух километров, путь нам показался длинным от очень частых остановок. Вскоре показался навстречу отец, который и помог нам донести наш улов.

А ещё помню, как причалили около нас двое рыбаков на лодке. Ну я, конечно, побежал к ним полубопытствовать.

В лодке у них лежал огромный осётр.

– Эй! Пацан, беги к мамке и попроси пять рублей, скажи, рыбаки осетра дадут.

Я побежал домой (благо бежать было всего метров 50), говорю маме так, мол, и так. Получаю пять рублей, бегу к рыбакам и они топором отрубают здоровый кусок осетра.

– Ну что? Донесёшь, малой?

– Донесу, я сильный.

Донести то я донёс, но было тяжело.

– Вот такая, Димыч, рыбалка на Волге была в начале пятидесятих годов.

– Да вроде и нас тут неплохая рыбалка, ответил он. И помолчав, добавил: – В начале двухтысячных годов.

– Получается, что от событий моего рассказа до сегодняшних дней прошло половина века.

За рассказами время пролетело незаметно, и пора было укладываться спать.

Байкал не утихал, под эту монотонную музыку приборя сон приходит очень быстро. Утром Байкал немного утихомирился. Волна до метра, но гладкая без барашков. Собрались и пошли. Идём по волне. Покачивает, как в колыбели. Но у берега на камнях волна с шумом сворачивается и брызгами разбивается о камни.

В такой ситуации выходить на берег крайне не желательно, так как может либо захлестнуть волной, либо пробить оболочку байдарки о камни. Поэтому при такой волне приходится идти метрах в ста от берега часами пока не попадётся небольшая бухточка, в которой можно укрыться от волны и спокойно выйти на берег.

Прошли уже половину береговой линии Баргузинского заповедника, что отмечено указателем на берегу и на каменной осыпи огромными буквами из досок выложена надпись: ЗАПОВЕДНИК. (И не лень же кому-то было этим заниматься)?

Впереди показался мыс Кабаний. Приходим, на берегу зимовье и в устье речки Кабанья рыбачит мужик со спиннингом. Нам в Давше говорили, что здесь обитает Анатолий Гребнев. Пообщаться, правда, не удалось. Так с воды помаячили жестами: мол, привет-привет только и всего. Через пару километров хода заметили на берегу палатку, байдарку и мужика с женщиной и ещё с собачкой. Из переговоров с воды удалось понять, что они идут из Северобайкальска до Усть-Баргузина. Идём, не приставая к берегу, уже более четырёх часов. Но проблема, при таких долгих переходах, не в усталости рук, нет, проблема в «пятой точке».

Руками можно всегда сделать передышку, переставая махать веслом, а вот сидеть приходится постоянно и это достаточно утомляет. Пора на берег. Находим какой-то небольшой мысочек, где можно укрыться от приборной волны и, «катапультируясь» из байдарки в болотных сапогах почти по пояс в воде, выносим байдарку на берег. Обеденный перекус обычно не замысловатый и состоит, как правило, из оставшейся от завтрака холодной каши и чая. И ос-

новная ценность этого обеденного отдыха состоит даже не совсем в том, чтобы подкрепиться едой, а скорее в том, чтобы походить, размяться от длительного сидения в байдарке. До предполагаемой остановки на ночлег оставалось ещё около пяти часов времени, и мы наметили дойти до устья реки Урбикан. На этом переходе встретили ещё две байдарки. В «Таймене» шли две женщины (одна из них в возрасте около 70-ти лет); в другой байдарке «Дельфине» – парень с девушкой. Волна уже почти совсем утихла, и нам удалось спокойно побеседовать прямо на воде, не приставая к берегу. Они идут из Северобайкальска до Усть-Баргузина. Сами они из г. Ангарска. Мы тоже представились, что с Урала и идём вокруг Байкала. Пожелав друг другу удачного пути и хорошей погоды – двинулись дальше и через некоторое время мы с Димычем дошли до устья речки Урбикан и остановились на ночёвку.

Я приготовил на ужин фирменное блюдо: пшеничную кашу, обильно приправленную жареным луком на растительном масле.

– А знаешь, Димыч, я вспоминаю, когда в 1958 году работал с геологами в Приморском крае, то у нас техник Володя тоже готовил фирменное блюдо: кашу рисовую «Офицерскую». Рецепт приготовления её очень прост. Варится рис до состояния «почти готов». Затем котелок опускается в ручей так, чтобы вода переливалась поверх котелка. Рис постоянно помешивается до тех пор, пока из котелка не будет течь чистая вода (без рисовой белой мути). Затем вода из котелка сливается, и рис сдабривается обильным количеством топлёного сливочного масла и затем около получаса парится на слабом огне. Офицерская каша получается рассыпчатой желтоватого цвета, и необыкновенно вкусной. Мы с тобой не можем приготовить офицерскую кашу, так как у нас нет топлёного масла.

– Ничего и пшённая каша с жареным луком тоже хороша, – ответил Димыч.

На переходе следующего дня дошли до устья реки Шегнанда – хорошая очень рыбная речка.

Встали пораньше на мысочке в устье речки. И как потом оказалось на этом мыске масса чайчых гнёзд. Они поначалу так на нас ругались, кричали, но потом, увидев, что мы их не трогаем, успокоились. Чуть выше по реке мы заметили рыбаков, которые рыбачили на спиннинг, очевидно, хариуса. Пока Димыч занимался обустройством лагеря, я тоже решил половить хариуса. Рыбалка оказалась очень удачной. На каждые два – три заброса брал приличный хари-

ус от 500 до 800-900 граммов. Через некоторое время рыбаки подошли к нам поинтересоваться, на какую снасть я рыбачу. Я показал им свою мушку, сделанную из волос собственной бороды. У них же оказались снасти все из магазина. Какие-то замысловатые блесёнки, мушки и прочие искусственные насадки, на которые хариус брал крайне неохотно. Подошедших на лодке мужиков было пятеро. Четверо из них – москвичи, пятый – местный.

– Мы, говорят, смотрим, ты таскаешь и таскаешь хариусов, а у нас всего только три штуки на всех.

А у меня их было на кукане уже с десятков. Москвичи стали просить у меня мушку, на что я ответил отказом, мотивируя это тем, что удачливую мушку изготовить не просто. Так, к примеру, из десяти сделанных мушек лишь одна или две оказываются уловистыми. И что часто на рыбалке, оборвав уловистую мушку, удачливая рыбалка практически заканчивается.

А у нас ещё долгий путь впереди и предстоит ещё много рыбалок. Очевидно, вняв основаниям в моём отказе подарить им мушек, мужики отправились рыбачить на свои экзотические снасти. Мы с Димычем на ужин приготовили прекрасную уху и хариуса на рожнах. Ночёвка было спокойная, несмотря на соседство огромного количества гнездящихся рядом чаек. Поутру, даже как-то грустно было покидать красивое и очень рыбное место – устье речки Шегнанда. Впереди у нас маячили встречи с губой Большой Амнундакан, мысом Омагачан, устьем речки Томпуда и посёлком Томна.

Проходя губу Большой Амнундакан, нам с Димычем вспомнилась присказка, родившаяся ещё до прохождения мест Большой и Малый Амнундаканы, когда, например, наступали небольшие трудности в походе, мы говорили, что пришёл «Малый Амнундакан», а когда предполагались трудности посложнее, то это означало что может прийти «Большой Амнундакан».

Подходя к Томне, мы отметили, что место, для когда-то существовавшего здесь посёлка, было выбрано очень удобным и красивым. С севера, довольно широкий распадок, образованный речкой Томпудой, был прикрыт небольшими горушками от ветра «верховика», от южного ветра «култук» распадок защищён мысом Омагачан.

Посёлок Томна, обозначенный на карте, оказался состоящим из одного жилого дома с надворными постройками. На берегу под навесом стояли машина и мотоцикл с коляской. И хотя сюда не подходит никаких дорог, мы знали, что этот транспорт используется только зимой по льду. Поднявшись на небольшой взгорочек к дому, мы увидели игравших у калитки детишек: девочку лет семи и мальчика лет четырёх-пяти.

– Здравствуйте, ребяташки! А что взрослые то есть кто дома?

– Да, вон мамка там в огороде. Ответила девочка.

Войдя через калитку во дворик, мы увидели довольно крупную лайку. Она дремала, положив голову на вытянутые вперёд лапы. Удивительно было то, что и поза, и поведение её были абсолютно похожи на позу и поведение похожей лайки, что мы встречали на кордоне Кудалды у Нины. На наше появление она отреагировала также: приоткрыла глаза, посмотрела на нас безразличным взглядом и закрыла глаза.

Поняв, что у этой симпатичной собаки, по отношению к нам, нет злобных намерений, мы с Димычем двинулись вглубь дворика. Навстречу нам из огорода уже спешила хозяйка.

– Ой! Кто это у меня тут ходит. Здравствуйте. Проходите.

– Здравствуйте.

Мы представились так мол и так: путешествуем на байдарке по Байкалу.

– Меня зовут Оксана. Эй, Лиза, Валерка идите в дом, будем чай пить, у нас гости.

– А вообще, как вы мимо собаки прошли?

Мы объяснили, как вела себя собака, увидев нас.

– Удивительно. Вообще у нас тут посторонние люди появляются довольно редко и она всегда посторонних облаивает, а вас почему-то нет.

Пришли с улицы Лиза с Валеркой и мы устроились все на веранде чаёвничать. За чаепитием Оксана нам поведала, что они тут с мужем работают метеорологами. Муж её уехал вчера на попутном катере в Северобайкальск на несколько дней по делам.

С этим же катером им завезли ориентировку с приметами на двоих беглых.

– Я, что испугалась немного, увидев вас двоих, но потом успокоилась потому, что вы на тех по приметам не похожи.

Оксана рассказала, что они несколько раз в день выходят на связь с Иркутском и передают сведения о погоде. Связь осуществляется по радиации с использованием азбуки «Морзе» (как в старые добрые времена). Летом на катере им привозят продукты, а зимой ездят на машине по льду в г.Северобайкальск. Тут напрямик всего 60-70 км. И что Лиза с Валеркой коренные Томповцы.

– Что же выходит всё население Томпы состоит из четырёх человек?

– Нет. Там вон ещё один мужичок живёт (при этом Оксана махнула рукой в сторону дальнего края поляны), да и то не постоянно. А вот лет 50 тому назад, нам говорили, в деревне Томпа было 150 дворов.

– Да! Вот вам и урбанизация во всей своей красе, – сказал Димыч. 150:1.

– Да, Оксана, не найдётся ли у тебя немного соли?

– Соли то у нас в запасе много. Да вот только существует у нас такая примета. Соль просто так давать не принято, а надо обязательно купить.

Мы с Димычем согласно закивали головами – купим. Оксана пошла в амбар за солью, а мы, в сопровождении Лизы и Валерки, пошли на берег к байдарке. Вскоре подошла Оксана с пакетиком соли. Я достал из кошелька две пятирублёвые монеты и протянул ей:

– Достаточно будет?

– Да вполне. Это ведь в соответствии с приметой за соль должна быть уплачена «копеечка».

Оксана отдала одну монету Лизе, другую – Валерке и сказала, чтобы положили в свои копилки.

– Ну вот, получается всё население Томпы пришло проводить вас в дальнюю дорогу.

Попрощавшись мы отошли и ещё долго, оглядываясь, видели на берегу три фигурки машущие нам вслед рукой.

Не доходя устья речки Ширильда, встретили бригаду рыбаков. Они перебирали сети и солили рыбу. Разговорились с рыбачкой – женщиной уже в возрасте. Она рассказала нам, что уже более 20 лет тому назад приехали они с мужем в Нижнеангарск на строительство БАМа. Муж недавно умер, а Анна Ивановна (так звали рыбачку) съездила к родственникам на Урал, да через некоторое время опять вернулась на Байкал. Тянет, говорит она, озеро к себе словно магнит вот и решила вернуться.

Предложили нам рыбаки хариусов, но мы с благодарностью отказались, сославшись на то, что в устье каждой речки мы ловим себе хариусов, сколько нам надо.

День клонился к вечеру, и мы решили встать на ночёвку в устье речки Ширильда. Она впадает в Байкал несколькими рукавами, образуя в устье заболоченное место с обилием комаров. Но мы устроились на небольшом островке, в непосредственной близости от уреза воды озера, где комаров нет.

Пока Димыч занимался обустройством лагеря, я наловил хариусов и сделал их на рожнах. Это было достойным украшением нашего меню к ужину, которое, как правило, всегда состояло из какой-нибудь каши: перловой, пшённой, гречневой или рисовой. После ужина вечерние посиделки у костра и душевные разговоры «за жизнь».

– А знаешь, Димыч, местные рыбаки рассказывают, что водится в этих речках, впадающих в Байкал, таймень. Но чтобы в этом убедиться самим, надо высоко подниматься по этим речкам вверх, так как летом таймень обитает в верховьях этих рек. Но путь у нас туда не лежит, так что будем довольствоваться хариусом, окунем и щукой, да еще омулем, взятым у рыбаков, которые ловят его сетями.

А я вот расскажу тебе историю, как я поймал в своей жизни самого крупного тайменя, весом около 30 килограмм.

Было это, если мне память не изменяет, в 1972 году на речке Тань-ю, являющейся притоком реки Войкар, которая в свою очередь впадает в реку Обь в нижнем её течении. Так вот, путешествовали мы в том году по этим речкам на байдарках. Я в байдарке шёл с известным тебе человеком – Борисом Николаевичем Гришаем. Мы с ним шли головным экипажем. Попугчики наши поотстали, видимо занимаясь рыбалкой, и мы на одном из плёсов решили их подождать и тоже порыбачить.

Плѣс оказался мне очень привлекательным с точки зрения рыбалки. Слева впадала небольшая речушка с цветом болотной коричневатой воды. Справа, в изголовье плѣса, была небольшая песчаная коса. Ширина плѣса была примерно метров 50 – 70 и ниже метров в трёхстах, за изгибом реки, видимость её ограничивалась. Подойдя поближе к устью речушки с тонированной водой, я стал пробрасывать спиннингом то с левого, то с правого борта, проверяя предполагаемое обилие щуки в этом месте. Но сделав с десятка забросов и убедившись, что ожидаемого изобилия здесь не наблюдается, мы переместились на середину плѣса. Гришай решил задымить самокрутку, а я решил сделать далѣкий заброс. В ту пору у нас на спиннинге были так называемые «трѣхрублѣвые» катушки, которые часто при интенсивной работе, даже у опытных спиннингистов, сбрасывали несколько петель за счёт своей инерции. Подобрал эти несколько петель, я решил поэнергичней поднять блесну со дна. Но при рывке, я почувствовал, что блесна за что-то зацепилась и даже при сильном натяжении лески не подавалась, а напротив, наша байдарка подвигалась медленно к месту зацепа. Затем я заметил, что то место, где леска входит в воду, медленно движется против течения на фоне берега.

– Боря Николаевич, кажется, кто-то поймался у меня на спиннинг. – Он посмотрел с левого борта на отчетливо видимое дно реки примерно на глубине двух – двух с половиной метров, затем с правого борта и спокойно ответил:

– Кто же тут может пойматься? Тут рыбы не видно, – и продолжил докручивать самокрутку. Постепенно расстояние между байдаркой и рыбой на крючке сокращалось. Угол ухода лески в воду становился всё круче. И достаточно большие усилия на спиннинге не позволяли оторвать мне рыбу ото дна.

<конец рукописи>

04.07.2001 (среда)

Пошли из летника. Дошли до Большой Черемшанной. Лодка потекла, потребовался ремонт. Встали на ночлег. Речка красивая. Я стал пробовать ловить хариуса. Дима занимался обедом. Потом я отремонтировал байдарку, а Дима решил прогуляться по окрестностям. Я опять стал ловить хариуса. Рыбачу в устье речки на од-

ном берегу и вижу, как по другому берегу идёт медведь (1-1,5 года) пестун и собирает что-то на берегу. Я глянул в сторону лагеря и появился Дима. Я ему замахал руками, он подбежал с фотоаппаратом, но медведь меня заметил и стал уходить. Дима издалека успел, по-моему, сделать снимок. Ночь была холодная.

05.07.2001 (четверг)

Вышли рано. Погода хорошая. Дошли до первого кордона Баргузинского заповедника «Сосновый» (бывший Кудалды, что в переводе означает выйти на берег). Давша – большая поляна. Хозяйка на кордоне женищина. В прошлом году в июне муж утонул в Байкале. Могила на территории кордона очень ухоженная. Держит 5 голов рогачей (как она выражается). Садит огород, косит сено, доит коров, делает масло, сметану, творог. Говорит на зарплату в 600руб. не прожить. Нине 40 лет и она от кордона в жизни более чем на 60 км нигде не была и что интересно, и не собирается. Я спрашиваю, и что устраивает вас такая жизнь? Отвечает – вполне. Накормила нас борщом. Пошёл дождь. Мы спросили разрешения на баню и, получив добро, стали готовить. Привезли с берега на тачке напиленных чурок, накололи дров, наносили воды. И пока баня топится, я пишу. Впереди Давша.

06.07.2001г. (пятница)

Вышли в 6.00. туман. Пришли в Давшу в 10.30. на удивление много людей. Есть узел связи, пытались дозвониться – неслышно. Дали телеграммы. Поговорили с кучей народа. Пополнили немного продуктами. Зашли в музей – он не работает: все экспонаты по углам находятся в стадии ремонта. Ирина нам рассказала о заповеднике. Но мы это уже всё знали. Самое удивительное в Давше – Бадма. Маленького роста бурят. Как он называл себя мент. Работал в прокуратуре в Питере. Потом перевели в Москву и сунули дело по драгоценностям и валюте одной особы, приближенной к политбюро. Это значит подставили. Эта особа на допросе сказала Бадме, что ты работать не будешь. Он попадёт в одиночку следственного изолятора. семь месяцев и никакие ходатайства генералов из прокуратуры не помогли. Но нашёлся путь к одной даме – любовнице высокопоставленного ге-

нерала из прокуратуры Союза. Он взревел, да кто он такой этот Бадма, что все за него ходят, упрашивают – подать его сюда. В приёмной он Бадму принял за пацана: в джинсах, маленький, когда узнал, что это он посмотрел на него в упор и даже дело не читая, сказал в Норильск на поселение. Бадма в отчаянье попросил. А нельзя на историческую родину предков – это куда? В Бурятию. О! так там БАМ строят вот и поезжай без конвоя с белым билетом. Приехал Бадма в Улан-Удэ. Денег осталось 13 рублей. До Нижнеангарска на билет не хватало, тогда он посмотрел на расписание и видит – Давша – 13 рублей. Берёт билет до Давши, думает, что там какой-нибудь рыболовецкий колхоз. Показал ручки маленькие и сказал, ну как же я буду рыбу ловить. Но от попутчиков в самолете он узнал, что Давша – это штаб квартира Баргузинского Заповедника. Так он на 16 лет становится сотрудником заповедника, несмотря на его белый билет (вроде как из тюрьмы). Директор заповедника был понимающий человек, он взял его. Бадма оказался прекрасным рассказчиком, разносторонним эрудированным человеком. Работал с геологами на Кавказе (по приглашению друга) и самое главное: он в душе художник. Бадме в этом году будет 50 лет. Давша вся будет праздновать. В 46 лет т.е. 4 года назад он принимает решение и оставляет работу в заповеднике и, как он выражается, стал работать на себя. Стал рисовать на политические темы типа: в бушующем море ковчег, а на нем все президенты грызутся, не зная как им управлять и куда плыть. Дудаев с Грачёвым дерутся, выясняя отношения и т.п. или бурлаки на Волге: все президенты и бывшие правители страны тянут ковчег-страну по реке жизни и естественно всё в том направлении. Потом Бадме это направление показалось пустяшным (до этого он рисовал в стиле сюрреализма). В мастерской у него висит несколько картин: лицо девушки и змей огромный и т.п. сейчас он пришёл к мысли, что все рисуют пейзажи, а он решил рисовать на фоне пейзажа зверей (потом наговорил на д/фон). Вышли из Давши и дойдя до устья р. Большая нас загнала волна. Встали на ночлег. Занялись рыбалкой. Дима вырезал себе березовое удилице (как у пиратов). Приловчились, стали ловить хариуса. Сделали горячего копчения, потом на рожнах, наварили ухи и вечером нажарили. В общем, наловили, наелись досыта.

07.07.2001г. (суббота)

Байкал бушует, из речки выйти невозможно. Сидим. Рыбачить надоело, приводим в порядок имотки, отдыхаем. Заночевали.

08.07.2001г. (воскресенье)

Встали пораньше. Байкал барахлит перестал, раскачался – волны до 1 м гладкие. Решили двигаться. Качает, как в колыбельке. Идём по волне. Прошли границу заповедника. Стоит на берегу указатель «Баргузинский заповедник», а на каменной осыпи «Заповедник». Не доходя границы встретили на берегу байдарку (идут из Нижнеангарска с собачкой). Причалится невозможно – прибой. Покричали с воды, не очень слышно из-за шума прибоя. Пошли дальше. Причалиться невозможно – волна. Дошли до м. Кабаний там хорошее зимовье и обитает Анатолий Гребнев из Давши. Смотрим, он рыбачит в устье речки. Подошли сколько можно, покричали, помаячили, причалиться невозможно, пошли дальше. Шли 4 часа. Впервые применили способ писать на ходу. Решили передохнуть, с большим трудом выбросились на берег. Устроили обед. Байкал немного утихомирился, пошли дальше. Решили достать р. Урбукан. При подходе встретили ещё две байдарки. В таймене 2 женицины в возрасте одна и в Дельфине парень с девушкой. Байкал затихорился. Поговорили на воде. Они идут из Н-ангарска до

Усть-Баргузина. Сами они из Ангарска. Пожелали друг другу всего – пошли дальше. Подошли к речке Урбукан и встали на ночлег. Дима попробовал порыбачить, но бесполезно. Сварил я прекрасную пшеничную кашу с растительным маслом и поджаренным луком.

09.07.2001 г. (понедельник)

Проснулись, дождь, валяемся. Дима слушает Суханова на «сонке», я – пишу. Дождь утихомирился, пошли. Дошли до р. Шегнанда – замечательная река. Встретили 5 человек рыбаков: 4-ро из Москвы и один местный. Встали на галечном мысу: Ох, они на нас и ругались (чайки). Сходили, наловили хариуса. Делали на рожнах.

10.07.2001 г. (вторник)

Утром Байкал тихий, но дождик. Пошли на Томпу. В Томпе застали только метеоролога Оксану и детвора у неё Валерка и Лиза. Угостила она нас чаем с тортом. Место красивое. Раньше было 150 дворов. Сейчас живёт одна семья и ту пугают: не хотите работать – закроем пункт. Выходят на связь с Иркутском по морзянке каждые 3 часа и сообщают погоду. Попросили у Оксаны соли. Она сказала, что соль так не дают, а только за копеечку. Проводили нас до берега, я достал кошелёк и заплатил за соль два пятакка. Оксана отдала один Лизе, другой – Валерке и сказала, чтобы положили в свои копилки. Дети коренные томповцы. Дима их сфотографировал. И мы пошли.

Перед речкой Ширильды хозяйство, даже не зимовье. Женщина с двумя парнями солила рыбу. Зовут её Анна Ивановна. Приехала около 20-ти лет назад с мужем в Н-Ангарск строить БАМ. Да так и застряли на Байкале. Муж недавно умер, а она съездила, повидалась с родственниками на Урале и опять на Байкал. Тянет как магнит голубое озеро – голубой магнит. Работает в ООО «Бирокан?» как-то так, но не важно. Взяли в аренду часть берега по границе р. Ширильды, рыбачат, рыбу солят и реализуют. Предложили нам хариусов, но мы сказали, что сами наловим. Отошли немного от них и встали на р. Ширильды на островке т.к. кругом болотистое место и жуткие комары. Ширильды тихая речка и впадает несколькими рукавами. Половили хариуса, сделали на рожнах. Хорошо ночевали на островке.

Дедушка с веслом

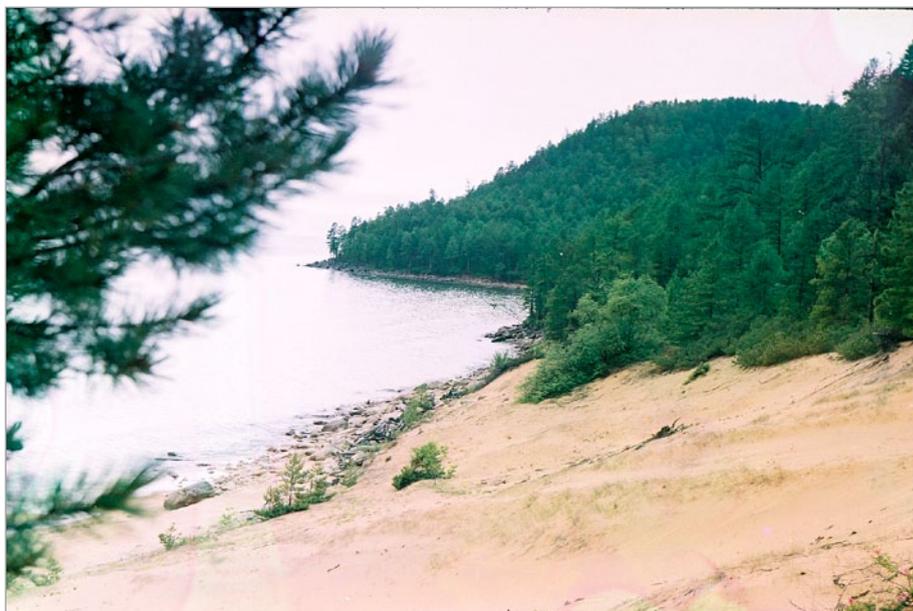

11.07.2001 (среда)

Встали опять дождь, но надо двигаться. Лозунг: Даёшь Хакусы! При подходе есть песчаная дюна – поющие пески, но поскольку несколько дней идут дожди – песок мокрый. Осмотрели дюну. Действительно с вершины она – 20 метров высотой и горловиной направлена в узкую долину – распадок и когда дует, ветер её надует. Снял хороший кадр с цветущим шиповником, дюной, заливом и мысом. Перед Хакусами красивые бухты со скальными останцами.

Подошли к Хакусам. Встали у причала. Катер привёз продукты из Северобайкальска. Уже отдыхающих на Хакусах 150 человек. Взяли на катере по баночке пива и я взял сигарет. Разговорился с одной женщиной, что стоят с братом и детьми в палатке. Она оказалась правнучкой легендарного капитана ледокола «Байкал». Я

пообещал, что мы к их палатке подойдём. Когда подошли, познакомились с её братом Сергеем Соловееенко. Разговорились надолго, дело к вечеру, остались ночевать. Поставили рядом палатку и пошли купаться в горячий источник. Сняли несколько фотографий и Сергей снял нас с Димой на фоне источника, бьющего мощной струей из бетонного надстроая. Это самый мощный термальный источник на Байкале: примерно 4 тысячи кубов в сутки. Попили из источника воды, в каком-то другом помыли глаза. Взяли с нас за это удовольствие по 35 рублей с носа. Потом прибежал лесник Женя по кличке «38 рублей с носа».

12.07.2001г. (четверг)

Вышли из Хакусов в 10.00. Попрощались с правнуками, обменялись адресами (у Димы). Штормит потихоньку, но идем. Обед в бухте Фролиха. За одним мысом встречаем два катамарана 8 человек. Из Озёрска – земляки. 4 взрослых+4 детворы лет по 15. Выпили за встречу по 15 капель. Закусили их жареной сорожкой. Они разгружаются на ночлег. Пошли дальше. Км через 3 встречаем катамаран с настилом под парусом. Три мужика тоже становятся на стоянку. Откуда мужики? – из Челябинска! Опять земляки, поговорили. Одному 70 лет, 20-й поход на Байдах и катамаранах. Другой Николай Николаевич и третий Игорь. У старшего фамилия

*Адамович. Приглашали ночевать, но мы пошли дальше. Хотелось достать северную оконечность Байкала. И достали. Прошли не-
жилой Токиаки. Там стоял на рейде катер рыбаков. Вошли в излу-
чину Догарской губы и встали на ночлег. Завтра даёшь Н-Ангарск
и возможно Северобайкальск!?*

13.07.2001г. (пятница)

Хоть и 13-ое, но пятница. Дошли до дыры и вошли в Ангарский сор, дошли до устья Верхней Ангары. Отмелей немного, идти хорошо тихо. Замаячили на дальнем берегу строения – оказалось сады. Взмывают и садятся АН-24. Левее открывается Нижнеангарск. Перекусили оставшейся кашей на косе. Через 50 минут причалили к центру Н-Ангарска. Взяли в магазине грудинки, бутылку водки, булку чёрного хлеба и бутылку пива. С таким удовольствием поели грудинку со свежим хлебом, отметили достигнутую северную оконечность Байкала и 1170 км пути. Двинули на Северобайкальск. Тоннели, дорога, поезда – знакомая картина. Не доходя до Северобайкальска км 4 встретили на берегу компанию. Заходите на чаёк. Зашли. Петро из Северобайкальска, а у него гости из Германии – бывшие русские. Приезжают на Байкал – взахлёб. Дело вечерело – встали на ночлег.

14.7.2001г. (суббота)

Встали в 7.00. соседи проверяют сети – рыбы нет. Попалась голомянка, бычок и большие бормыши – сфотографировали. Они поехали на Слюдянские озёра, оставили нам суп, чай и зелень с редиской. Мы натрескались, собрались и пошли к Северобайкальску. Лодка потекла, отчерпываюсь. Причалили к порту. Дима пошёл искать туристов, на почту и в магазин, а я занялся ремонтом лодки, сушкой шмоток. Всё сделал, сижу, пишу. 14.00 Димы пока нет. Передали по порту штормовое предупреждение. Как Дима придёт, посмотрим на волну и решим, что делать?

Дима пришёл. Нашёл туристов. Снял западный берег 2-х км. Пополнили запасы продуктов. Отметили Северобайкальск. И пошли. Перед мысом Слюдянским заночевали на косе (у беседки).

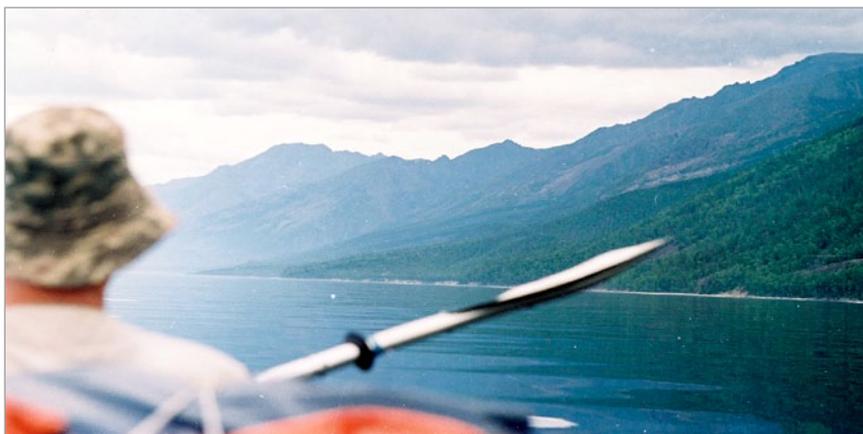

15.07.2001г. (воскресенье)

Встал до восхода солнца. Сварил кашу гречневую. Разбудил Димыча. Снял восход. Нашёл черепок. Позавтракали. В 7.30 вышли. Погода хорошая, к обеду достали Байкальское. Церквушка стоит в деревне. Дима пошёл передавать привет от Алексея из Чывыркуя брату Александру. Попробуем сегодня достать Котельниково. Оттуда Дима думает сходить на Черского, а я хорошенько займусь лодкой и вещичками. Сейчас сижу на берегу в Байкальском и пишу. Пришёл Дима. Привет передал через соседей. Принёс по бутылочке пива «Балтика №9». Отметились и пошли на речку Горемыка обедать. Дима готовил чай, я обзирвал окрестности. Пообедали и потянули до мыса Котельниковский. Видели по открытым крутым склонам 2-х козлов. На подходе к бухте Горячей в зимовье люди: Александр из Северобайкальска с женой и шурином. Напили чаем, угостили солёным хариусом. Заходим в бухту Горячую, там у стоянки стоит катер «Орион» команда ужинает. Нас пригласили, накормили супом и пирогами с рыбой. Катер идёт с экспедицией биологов, берут пробы воды и грунта для дальнейших анализов. Посидели с командой, попели песни у костра (слов не знают). Познакомились с капитаном – Валерий Васильевич. Кстати, прощаясь с ним в бухте Сосновой в 2000 году, утонул Коршилов – муж Нины, которая сейчас живёт и работает на Сосновом кордоне Баргузинского заповедника и где его могила.

Напоминать и расспрашивать не стали у капитана. Около 23-х часов по Байкалу стала надвигаться на нас тёмная полоса с шумом. Капитан дал команду запускать моторы. И сказал, что идёт «Мамай» и Орион спешно отошёл в море. Пошёл дождь. Мы улеглись спать. Завтра Дима собирается на пик Черского.

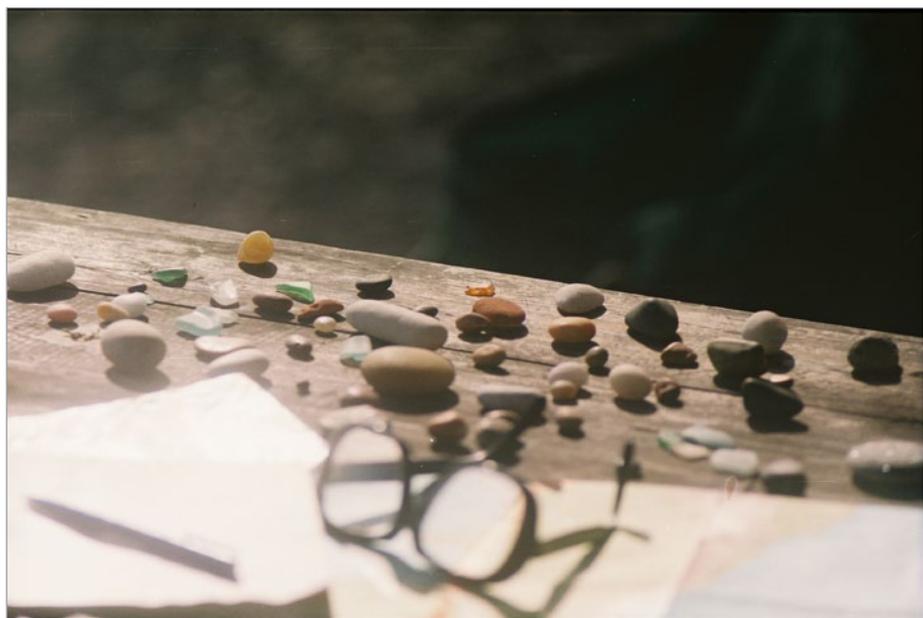
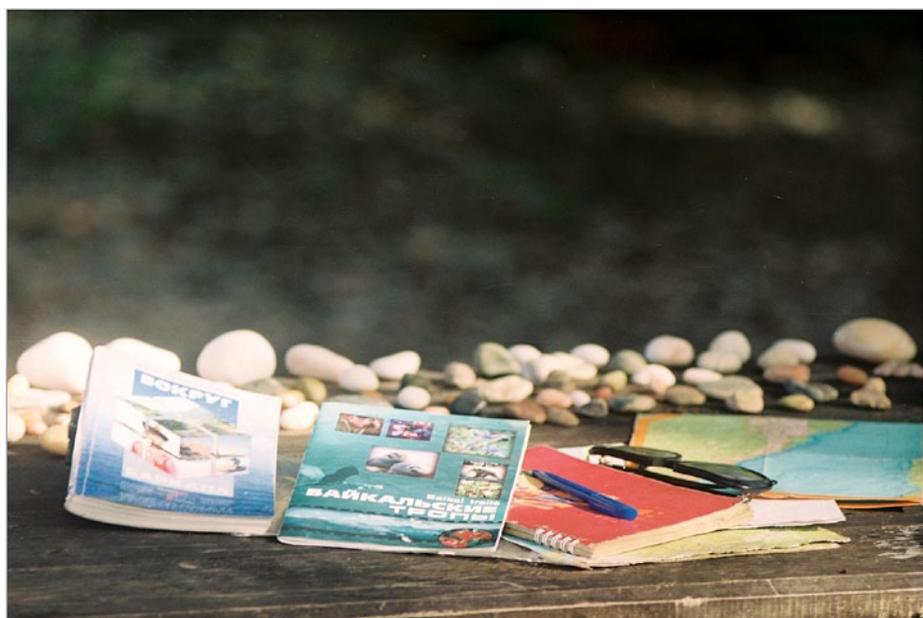

16.07.2001г. (понедельник)

Ночью шёл дождь. Утром встал туман, видимости нет, а Диме надо на Черского. Приготовил завтрак Димычу. Он позавтракал, собрался и ушёл. Буду ждать его завтра к вечеру. Когда Дима ушёл, принялся готовить себе необычный завтрак. Мы нашли вчера по ходу штук 6 грибов. Я пожарил грибы, затем пожарил картошки, смешал всё это и протушил на углях. Отличное блюдо! Затем пошёл знакомиться с окрестностями. В км от нашей стоянки «Горячая» находится термальный источник единственный на западном берегу. Температура воды на выходе 81°С. Дебет 10 литров в секунду. На источнике оборудованы открытый и закрытый бассейны. Но сейчас это взято под финансирование и содержание БТС (Байкал тоннель-строй) г. Северобайкальска. Там берут какие-то деньги, но я без Димы купаться не стал. Нам рассказывали в Северобайкальске, что там где вытекает источник в Байкал вырывают себе в гальке ямку и лежат в тёплой воде. Вернулся, потянуло в сон, вздремнул, отдыхаю. Тишина. Ни души и только музыка набегающих волн Байкала.

17.07.2001г. (вторник)

Уже вторая половина июля катит. Календарная вершина лета прошла, но здесь, на Байкале это не совсем так. Здесь лето в июле и в августе. Утром встал тут у меня белка прибежала в гости. Долго мы с ней общались, цокали. Хотел снять, но утренний туман не дал возможности. Перебираю вещи, байкальскую коллекцию минералов. Жду Димыча. Рядом кедр. На нём много шишек, но они ещё зеленые. Залез, сорвал три шишки. Поджарил одну на костре. Очистил ножом чешуйки, середину с молочными еще орешками срезал ножом полосками и ел – вкусно. Видел в Горячей нерпу, но далеко. Перебрал коллекцию минералов – художников Байкала. Отдыхаю, балдею. Стемнело. Димы всё нет, волнуюсь. Жду его на берегу со стороны горячего источника. Где-то в первом часу, вижу, шлёпает по берегу с песнями, довольный! – об этом отдельный рассказ.

Забег на гору Черского

(из дневника Дмитрия Давыдова)

Идея сходить на гору Черского (2588 м, 2Б) родилась изначально при разработке маршрута. Первый вариант, нон-стоп, был «просто сбегать» без остановки за сутки, пока батя отдыхает денёк на берегу, но от него настойчиво отговаривали в процессе переписки туристы из Северобайкальска. Евгений Марьясов из местного СЮТура обещал помочь с картой (я смог найти только пятикилометровку) и, поскольку он с ребятами регулярно ходит в те края, тешу себя надеждой при личной встрече выяснить возможность максимально быстрого забега.

14.07.2001 суббота

В Северобайкальске встречаемся с Марьясовым в СЮТуре, старый город, ДК Байкал, Таёжик. Евгений в августе планирует поход от мыса Кабаний до Хакусов. Рассказал про Куркулу и «Тропу – 2000 км», дал скопировать дневник. Снимаю двухкилометровую карту северо-западного побережья Байкала. У Жени огромный походный опыт и отличное знание района, уважаю. Про прохождение на байдарке за один сезон всего периметра Байкала он не помнит, «по крайней мере, за последние 15 лет точно не было».

Однако при попытке обсудить точный хронометраж похода в сторону горы Черского лицо Жени приобретает характерное загадочное лунообразное выражение, которое я про себя называю

лицо Будды. Этакая абсолютная отрешенность. Слова тут не нужны, они явно лишние. Идеальный способ не врать в ответ на глупый вопрос. Поэтому наш разговор выглядит так.

– Женя, ну хорошо, если я откажусь от варианта суточного забега, то за два дня я без проблем сбегаю до цирка Черского и обратно?

– <Лицо Будды>.

– На карте обозначена тропа, она там на самом деле есть?

– Да, тропа идёт по левому берегу Куркулы.

– Отлично, значит, я дойду до озера Гитара за шесть ходовых часов?

– <Лицо Будды>.

– Ну, хорошо. А за восемь часов?

– <Лицо Будды>.

– А в чем проблема? Может быть, на тропе какие-то непреодолимые препятствия? Или она непроходима?

– Почему же. Мы с детьми ходим этот маршрут. За неделю.

– Давай, так. Расстояние вверх тридцать километров. Так?

– Так.

– Если я буду идти со средней скоростью три километра в час, я смогу пройти это расстояние за десять ходовых часов?

– <Лицо Будды>.

В итоге, обещаю Жене выслать мой реальный хронометраж. Отказываюсь от идеи нон-стопа. А поскольку нам терять больше двух дней явно не с руки, решаю идти вверх с тем расчетом, чтобы вернуться к полуночи второго дня. После разговора с Марьясовым заинтригован.

16.07.2001 понедельник

Ночью и утром идёт дождь. Батя меня накормил и отправил прогуляться. Как в лучших домах Лондону и Парижу...

Вышел в 9:30, пользуясь кабарожьи тропки переваливаю через первую горушку, затем уже без троп через вторую. Люби и изучай Родной край!

В 11:00 стартую по тропе неподалёку от санатория.

12:05 прохожу разрушенное двухкомнатное зимовье. Медвежья куча на тропе. Дождь затихает. 15:00 переправа через ручей Пешеходный с перилами из бревна.

19:15 стоянка на Водопадном. Поляки рассказывают, что всю

ночь не спали, спасались от потопа. Вид у них действительно уставший. Руководитель Пётр имеет опыт кавказских походов.

21:50 озеро Гитара, никого. На боковой морене вдоль озера куча стоянок. На дне приличной лужи под мореной впечатанные в глину редкие ветки кедрового стланика напоминают стайку плющенных археоптериксов. Это следы польской битвы со стихией, велюсь.

23:30 отбой.

А в горах-то лето! Малина, смородина и жимолость уже созрели, а на побережье Байкала только цветут.

Теперь я понимаю скепсис Жени. На тропе примерно поровну ходьбы и лазания. Рельеф долин острый, альпийский. Постоянно встречаются следы лавин. Конуса выноса зачастую лежат в Куркуле. Снесённые лавиной деревья перекрывают новым слоем заломов тропу. Разобрать их нереально, поэтому после минимальной расчистки на заломе оставляют зарубки, по которым через сколько-то метров лазания можно слезть на тропу. Нижний слой не успевает сгнить до момента новой лавины и перекрывается новыми стволами. Зарубки хоть и не такие яркие, как свежие, но угадываются на нижележащих заламах и даже помогают находить верный путь. Не уверен, что это рекорд, но я насчитал в одном месте четыре этажа заломов, лежащих друг на друге.

Тропа идёт почти по самому берегу, но обойти завалы по склону долины не даёт кедровый стланик. Скорость движения по нему ниже, чем по тропе, да и опасности больше.

Встретил группу красноярцев. С их слов руководитель пытался зайти на гору в седьмой раз и снова не получилось. Это напоминает мне Белуху, не захочет пустить – не пустит.

17.07.2001 вторник

4:20 подъём, 4:50 выход. Обхожу водопады по правому борту долины. Подхожу под ледник. Бывшее ложе ледника во многих местах чистое, не прикрытое моренным чехлом, красота! Настоящий открытый ледник в миниатюре со всеми атрибутами: бергшрунд, зона трещин, моренный чехол, бараньи лбы...

8:00 Поднимаюсь на ССВ ребро и иду в сторону Птицы.

9:00 Точка возврата. По ребру стоят жандармы, выше них ребро с северной стороны закрыто снегом, перила требуются. Фото, салют и вниз.

12:10 обед на озере Гитара.

12:30 убегаю вниз.

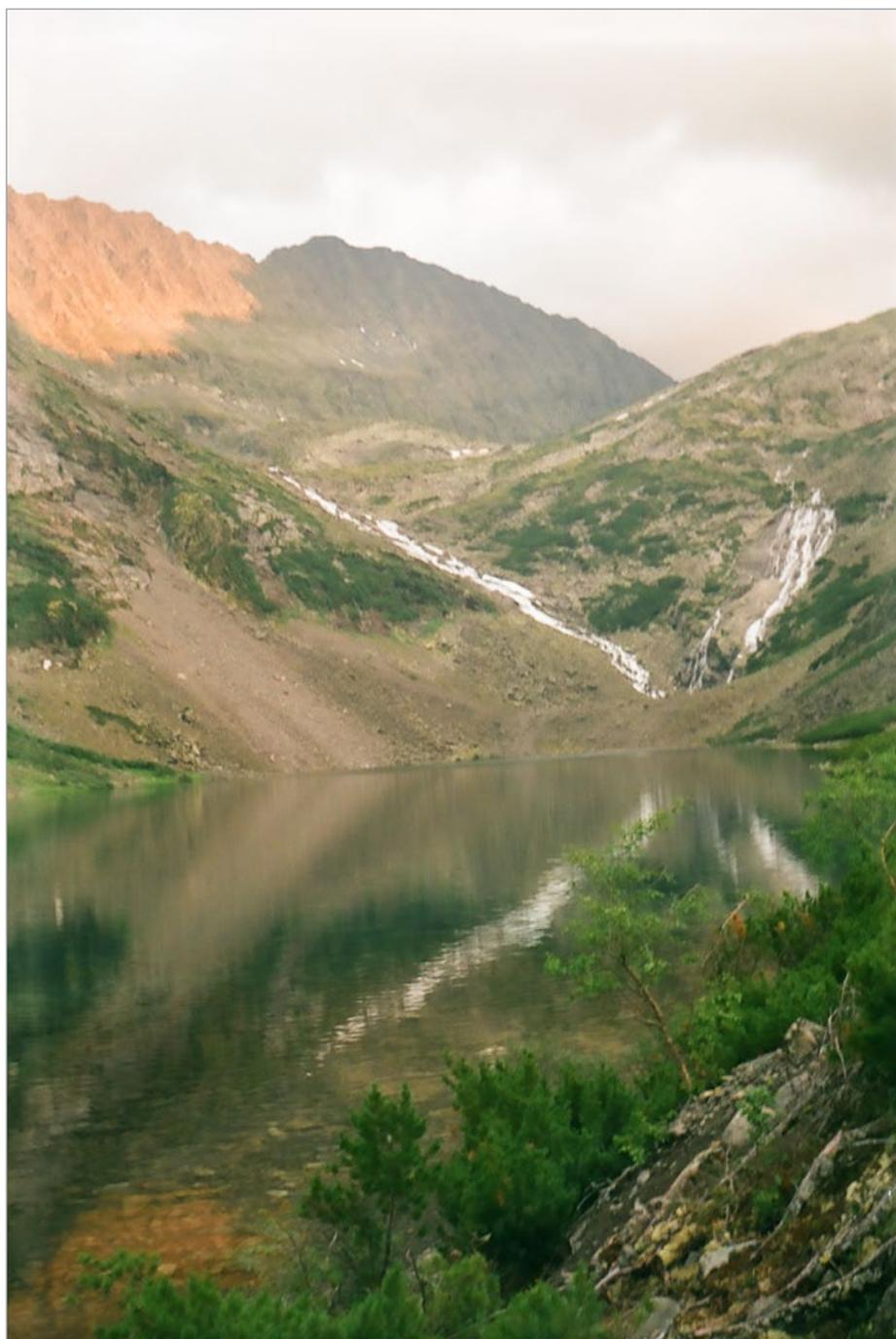
23:00 санаторий. Не могу отказать себе в удовольствии залезть в бассейн, благо смотритель Толик позволяет. По его словам температура воды на входе 82 °С, полтора суток набранный бассейн остывает, становится комфортным, а затем и прохладным. Его сливают, моют и цикл повторяется. Я попал в аккурат перед сливом, ура. Почти час отмокаю, зализываю раны. Зря я заранее не разносил свои кожаные ботинки. В начале первого с песнями возвращаюсь по берегу к палатке. Батя уже волнуется.

На обратном пути несколько раз «водила жимолость», как тут говорят. Приходилось её уговаривать и мириться. И ведь тропа каждый раз находится! Местные приметы и верования очень легко, естественно как-то, принимаются и, соблюдая их, испытываешь чувство, будто бы делаешь всё правильно. Теперь меня не удивляет, что все приезжие, включая церковнослужителей, через год начинают исправно бурханить.

Мысленно передаю привет Жене Марьясову. Красивейшие места! Если мне когда-нибудь повезёт сюда выбраться, тот же маршрут я запланирую дней на восемь.

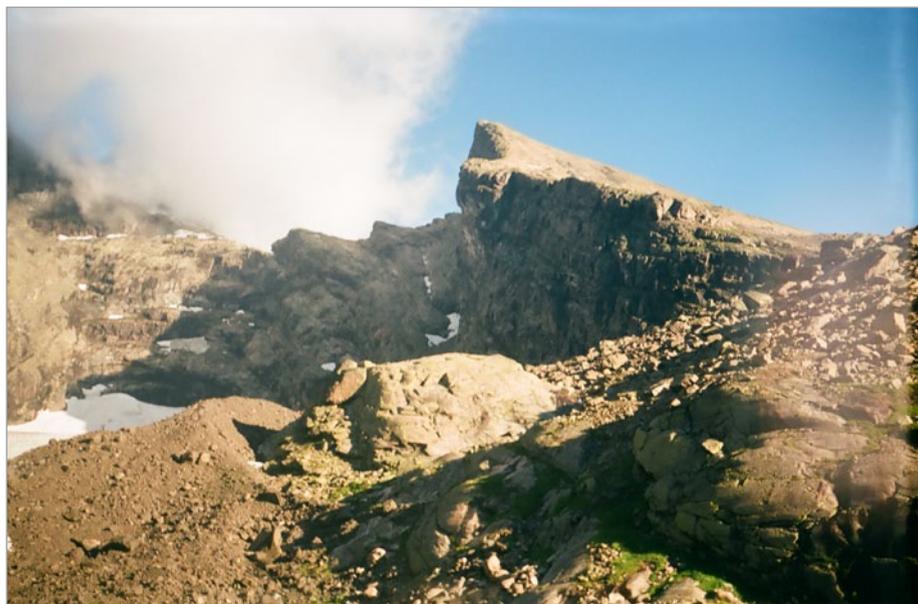
Верховья реки Куркула

Озеро Гитара

Ледник и гора Черского

Пик Птица

Ледник Черского

Байкальский хребет

Озеро Тазик

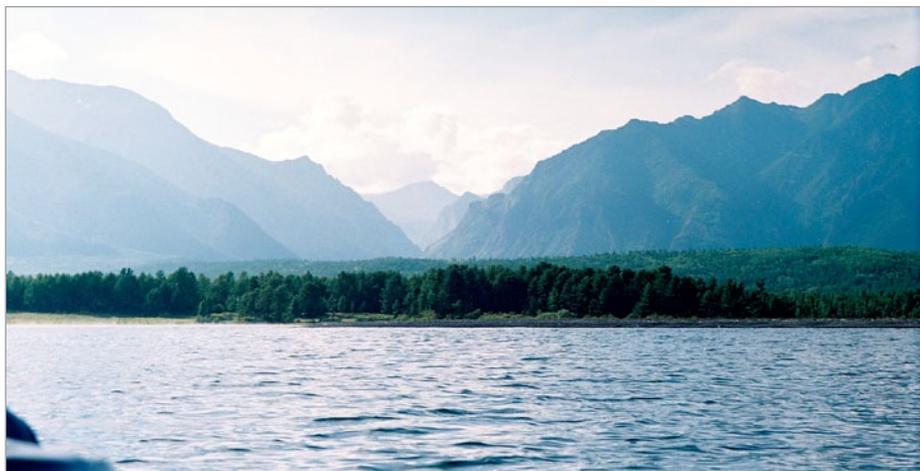

Озеро Изумрудное

18.07.2001г. (среда)

Утром встали, поели горошницы и под девизом: «Даёшь Мужинай!!!», прошли речку Куркулу.

Справа стал поджимать хребет, красотища: гольцы, снежники, зубчатые вершины, ущелья. В губе Болсодей в зимовье живёт Павел, круглый год что-то охраняет, как он сказал, природу. У него было ещё два мужика. Накормили ухой, напоили чаем. Показали где половить щук. Пожелали нам пути и погоды. Зашли мы в это озеро, слившееся с Байкалом, трава кругом, спиннинг бросать плохо, но всё-таки щучку на 1кг я подцепил.

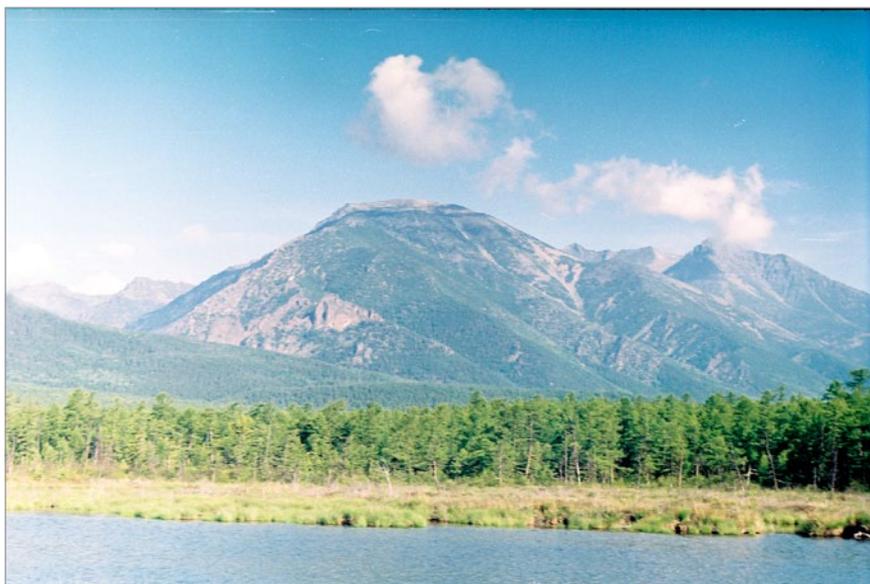
Пошли далее. Обогнув мыс, увидели «Коврижку» и перед ней в затишье встали пообедать. За Коврижкой зашли в зимовье с прекрасной бухтой, где обитает Владимир Григорьевич Стрекаловский, а с ним молодой парень Василий. Они пасут лошадей. Передали ему привет от внука Вовки из Байкальского. На прощание он угостил нас мясом изюбря (примерно кг 5). Пожелали нам пути и погоды. Обошли острый мыс Мужинай. Немного качает морская волна. На мысу стоят мужики в палатке, приглашают нас на чай, но приставать влом и мы уходим в култук губы Большая Коса в затишье. Становимся на ночлег у маленького озера за галечной косой прибой. Готовим мясо варёное, горячего копчения, рыбу горячего копчения, обедаем и в час ночи укладываемся спать. На завтра девиз: Даёшь мыс Елохин!! – граница Бурятии и Иркутской области.

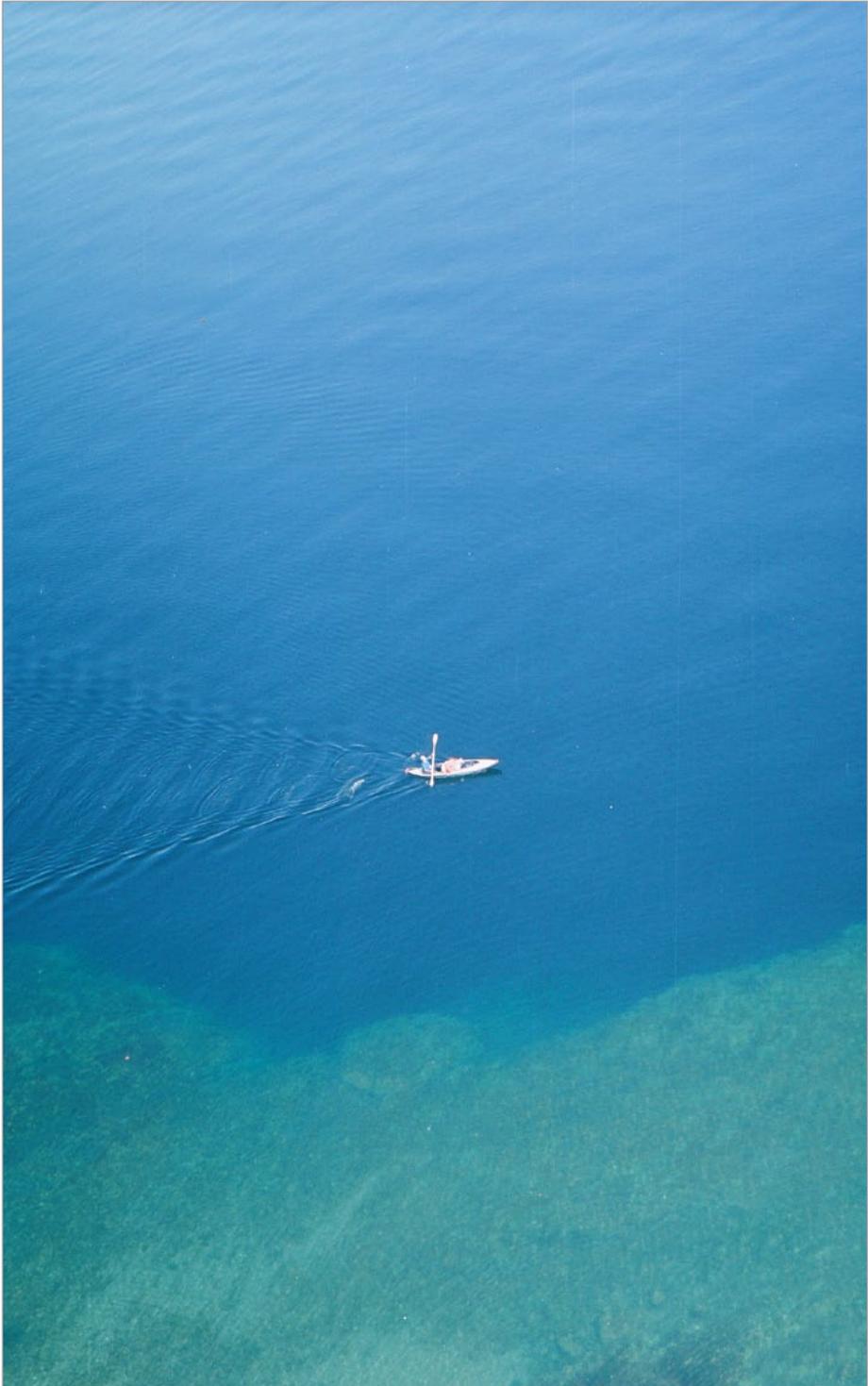

19.07.2001г. (четверг)

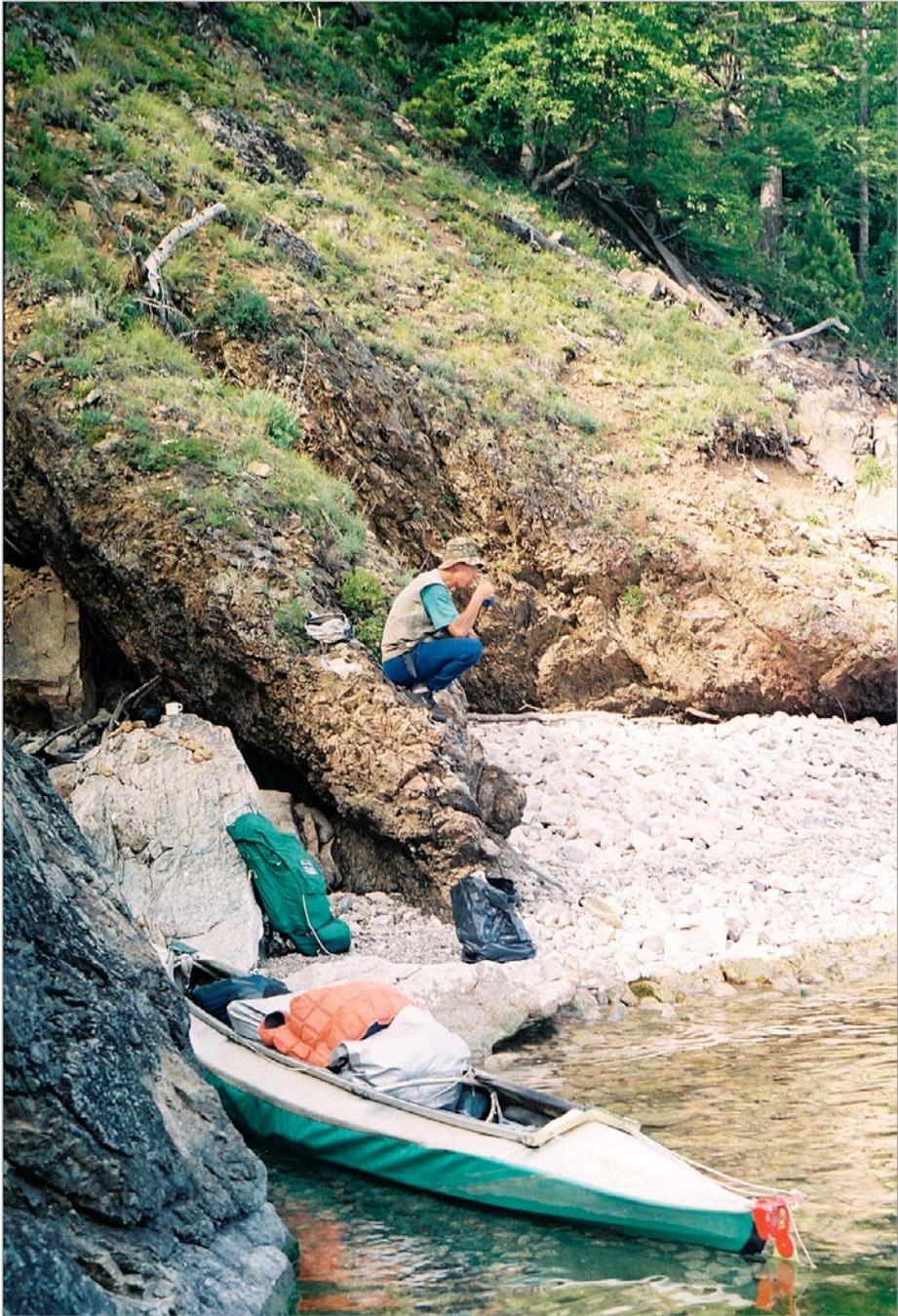
Встали поздно. Подъехал мужик сказал, что это его участок, будьте осторожны с огнём. Затарились на обед варёной изюбятиной, горячего копчения изюбятиной, горячего копчения щука. Идём как ёжики в тумане. Кроме берега в 20 м под 90° вправо ничего не видно. Обедали на длинной косе. Обед деликатесный. И тут у нас свалился в воду рюкзак. Разложились сушить, но через некоторое время пошёл дождь. Пришлось сложиться и двигаться дальше. За мысом Большой Черемшаный выкруливаем на прекрасное зимовье с двумя дачными домиками и с причалом. Подходим

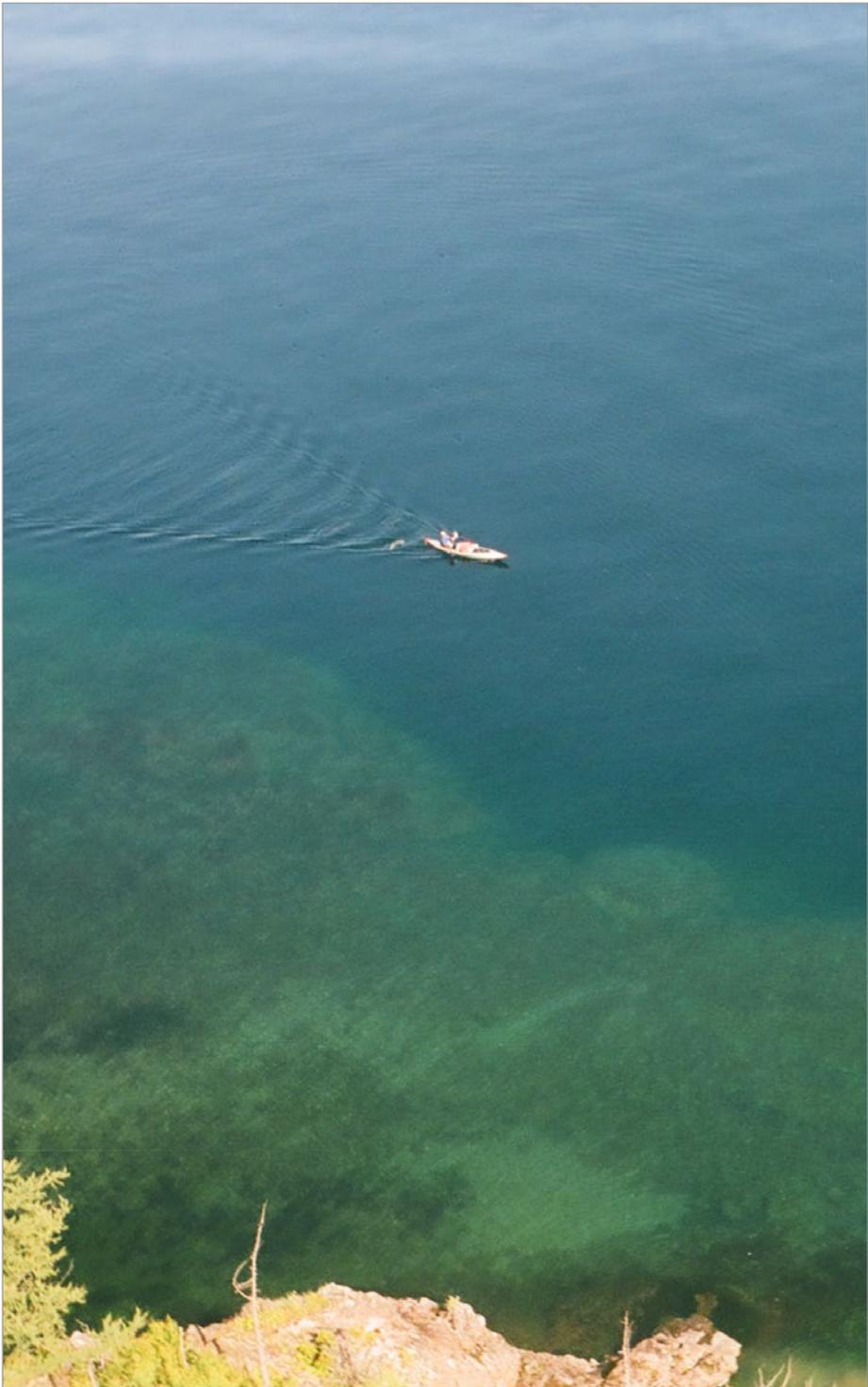
поговорить. Там народу куча: Виталий с женой Галиной живут на зимовье и работают у частного владельца ООО «АЯ». С ними ещё Виктор, два поляка из Гданьска и с ними Машиа. Поляки сидят без жратвы, ждут, чтобы их увезли на мыс Заворотный. Но у Виктора нет бензина. Виталий предлагает нам заночевать в дачном домике и просушить наше добро из рюкзака в зимовье. Мы соглашаемся. В дачном домике комната на двоих две кровати, зеркало, в общем комфорт. Принялись готовить коллективный ужин. Сварили остатки изюбрядины, добавили картошечки, риса и получился шикарный суп, только пересоленный из-за добавленной соленой черемши. Все хором его съели. Галина угощала 2-мя буханками хлеба собственного приготовления. Хлеб чудо! Поляки едят – только за ушами трещит и сидя за столом попёрдывают. Видимо, у них так принято, чем Виталий был страшно недоволен. Как он сказал, ну и ели бы в туалете. Поляки рассказали, как они ходили на Черского и как ночевали на Гитаре. Удилище, которое видел там Дима, делали они, но ни фига не поймали. Долго вечером базарили. Виталий рассказал, как их по поляне гонял медведь и как жена без лестницы мигом взлетела на крышу зимовья. Как зимой на мотоцикле прыгали с Галиной через трещины и как её несло по льду ветром на обледенелых ботинках в трещину, а она падала на лёд и тормозилась. В общем, мужики отчаянные и женщины им под стать. В первом часу ночи пошёл дождичек и все разошлись спать. Спали классно.

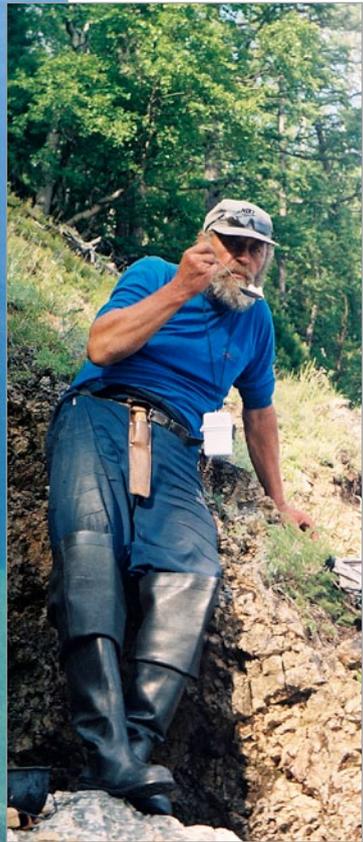

20.07.2001г. (пятница)

Утром проснулся часов в 7. в комнате прохладно, а под одеялом тепло. Решил ещё вздремнуть и проспал мы почти до 10-ти часов. Спится здесь великолепно. Встав, развёл костёр и стал готовить рисовую кашу на сгущенном молоке. В это время подошла Ракета (идёт в Иркутск). Виталий с Галиной встречали её на лодке, Ирина маячила на берегу. Сын их не приехал из Северобайкальска с Ракетой, а прислал посылку с продуктами. У Ирины сегодня оказался день рождения. Получив и разобрав посылку, они сели отмечать. Пригласили нас с Димой, а поляков не пригласили. Выпили по паре рюмок разведенного спирта. Они подарили ей в подарок зеркало с надписью губной помадой, а она в ожидании подвоха в подарке залезла на чердак зимовья. Она вообще трусиха и, боясь медведя, спит всегда на чердаке. Закусывали рыбными котлетами с черемшой. Мыс Черемшаный не зря так называется – черемши на нём море. Подкрепившись хорошенько на дне рождения, мы стали собираться в путь. Дамы изъявили желание прокатиться на байдарке. Первой я прокатил трусиху именинницу Ирину. Потом Галю, а потом захотел прокатиться Виталий. Откатавшись, мы загрузились и потопали. Зашли, отъехав недалеко (перед Елохиным), на зимовье и могилу Ермакова Николая Петровича, умершего в 1995 году. Он при жизни показал место, где его похоронить. Красивое место, хорошее у него хозяйство. Постройки, баня, но всё уже зарастает быльём. Хотя иногда видно, что зимовье посещаемо, но не часто. На могиле оставили две конфетки, попрощались и потопали дальше. Рождения Петрович 1935г. т.е. прожил 60 лет, из них 33 года на этом зимовье. За мысом Елохин слышим лай собаки. Заворачиваем за мыс, где проходит граница между Бурятией и Иркутской областью и где начинается Байкало-Ленский заповедник. На кордоне нас встречает Федор Федорович. Беседуем, он фиксирует наше прохождение кордона в журнале и берёт за два дня по 10 рублей с носа. Платим 40 рублей, он выдаёт бумажку и мы двигаемся дальше. Горы, ущелья прижимаются к Байкалу – красотища, не устаём восхищаться. Дима на одном из скальных останцев, изъявил желание сделать сверху фото забравшись на скалы. Я организовываю перекус. Место чудо. Идем к Кедровым, делаем с воды несколько фотографий. Начали попадаться нерпы. Проходим Кедровый северный, Ке-

дровый Средний и у мыса Кедрового Южного в красивом месте в зимовье становимся на ночлег. Зимовье хорошее, есть свечки и вот, прослушав новости в 12-ть часов ночи, пишем с Димой при свечах. А в зимовье тепло – протопили печь и уютно. Завтра будет завтра.

21.07.2001 (суббота)

Вышли из зимовья в 9.10. Взяли мыс Заворотный и деревню Заворотная. Прекрасная там бухта, закрытая. Кто-то строится, кран, машина, трактор. Срубы прекрасные, но пока без крыши. Все мужики после вчерашней Ракеты в ауте. Спят кто в лодке, кто за лодкой. Поговорили с женой лесника Татьяной. На прощание она нам подарила буханку хлеба и пачку «Примы». Прошли все Со-

лонцовые мысы и бухты. Видели лабазы для скрадывания от зверя. Медведь потоптал и загадил всю бухту. Затем скальный мыс Саган-Морян. Тянули, тянули и к вечеру дотянули до бывшей деревни Покойники. Подошли: несколько домов, народу тьма – ну человек 6. Анатолий лесник и Лена работает с Володей на метеостанции.

Володя уехал в город. Выделили нам для ночлега маленький домишко, одна кровать. Дима на полу на шубе и в спальнике. Я на кровать. Сварили ужин, а сейчас при свечах сижу, пишу. Жду 24-ре часа, чтобы послушать новости по Маяку. Дима уже спит. По рассказам местных медведь тут обнаглел: задрал бычка прямо у деревни.

Деревня Покойники

22.07.2001г. (воскресенье)

Натопили мы в маленькой избушке, тепло, хорошо. Я спал на кровати с досками, Дима на полу на тулупчике. Встали, дождик. Воскресенье решили немного отдохнуть. До обеда побалдели, погода стала налаживаться. Расспросили лесника Анатолия про скворечники, которые нас достали на Кедровых и после Елохина.

Оказывается, одна учёная дама выиграла грант. Она, зная о том, что западная граница ареала уток-мандаринок доходит до Байкала, придумала как их «спасти». Она написала труд о том, что утка мандаринка выводит своих птенцов в дуплах деревьев и, что надо ей помочь и повесить скворечников, пусть же она выводит птенцов в скворечниках. Сделали 40 скворечников и развесили их у болотинки по краю леса на деревьях. Так вот ни одна мандаринка ими не воспользовалась и труд оказался напрасным.

Рассказал нам Анатолий про верховья реки Лены. Про Солнцепадь, про озеро, из которого вытекает река Лена и про часовенку, которая там стоит. Материал забросили туда вертолетом, а там собрали, часовенка построена в честь Святого Иннокентия – уроженца здешних мест причисленного позднее к лику святых. Кстати, Коля Тихонов пытался по Солнцепади выйти в верховья Лены и пройти до Усть-Кута. Но его попытка не увенчалась успехом т.к. его на перевале застал снег и он на стланике, повредив ногу, вынужден был вернуться.

В одном из вариантов Покойники называются по бухте Покойная, вариация Попойники. По другой версии, когда буряты вытесняли с Байкала тунгусов-эвенков, была перебита вся деревня. И появившимся после людям предстала картина мертвой деревни. И ещё по версии – отравление рыбаков осётром, но я уже слышал в покойниках в Чывыркуе.

В обед вышли. После мыса Шартлай горы стали отступать и пейзаж стал меняться. Стало появляться много морян. На мысе Анютка наблюдали алые лилии и Дима увидев один цветок сказал, что почти эдельвейс, только здоровый, который и оказался эдельвейсом. Медведь попереворачивал все камни, очевидно, добывал под ними муравьёв. После Анютки открылся мыс Рытый. Это особая песня. Совершенно безлесьный язык выдается в Байкал на 2,5 км приткнувшись к горам и ущелью реки Риты. Это у бурят священное место. В это ущелье нельзя ходить женщинам. Скоти-

на, которая заходит в него пропадает и никто туда за ней не ходит. Мужчины, побывав там, при выходе оставляют стельки от обуви, чтобы сбить со следу духов. На входе в ущелье лежит камень Зурук-Шулун – сторож-камень. Буряты приходят к этому камню бурханят, кладут монеты, сигареты, еду, брызгают спиртом и обращаясь к духам, живущим в этой долине, просят о помощи в делах, жизни и прочее. Они уверены, что помогает. На Рытом совершенно степной пейзаж. Весь мыс действительно изрыт руслом реки Риты.

Обогнув мыс, мы вдруг увидели целый город. Стоит катер «Резкий» и куча палаток с двумя катамаранами, как оказалось потом уфологи – 23 человека. Решили встать с ними рядом на ночевку. Познакомились: профессор Рамиль из Челябинска, Олег из Чебаркуля, остальные из Иркутска. Изучают тут необъяснимые явления Рытого. Надо в Челябинске навестить Рамиля и позвонить Олегу в Чебаркуль.

23.07.2001г. (понедельник)

Уфологи с утра начали собираться в дорогу. «Резкий» ушёл. Уфологи отчалили, предупредив нас, что на Рытном тьма щитомордников и надо смотреть под ноги. Мы позавтракали и тоже потопали. Прошли долгий прижим, погода начала портиться. У реки Кочерикова рыбачили Вовка, Маша и с ними дед Володя (75 лет) бурят. Он всю жизнь проработал скотоводом. По-русски говорит очень плохо. Всё спрашивал сколько км до Урала и когда мы ему сказали 3 тысячи, он восклицал О-о-о, а мы чувствуем, что он совершенно этого не представляет. Услышал в разговоре про Владивосток, спрашивает сколько туда км и просит показать направление. На ответ, что 4 тысячи км восклицает О-о-о. весь его мир и вся жизнь кусочек берега Байкала и скотоводство, остальной мир для него О-о-о! Подарил Вовке крючков и катушку спиннинговую. Пошли дальше, влезли в многокилометровый прижим, погода окончательно испортилась и в борьбе с волнами и ветром мы выскребаемся к Онгурену (Он-гурен – конец пути по бурятски). Мокрые, холодные, выкидываемся сразу за прижимом. На бугорочке стоит зимовье. Подходит бурят. Познакомились – Виталий. Говорит, заходите, чаю попьём. Разобрались с барахлом, чтобы ветром не унесло. Зуб на зуб не попадает. Поднялись

в зимовье. Тепло, печка трещит, чай горячий. Покормил жареной щукой. Отогрелись. До Онгурена 8 км. Приехал его племянник Вовка на мотоцикле с братом Семеном. Дима обсох и поехал с Виталием в Онгурен за сигаретами, продуктами и за пузырьём. Вернулись, купив по дворам (там так торгуют) сигарет, пряников и бутылку водки. Выпили по рюмке. Поставили палатку рядом с зимовьем. Утром дождь. Пошёл с Вовкой ловить в озерко щук, но сломал катушку.

24.07.2001г. (вторник)

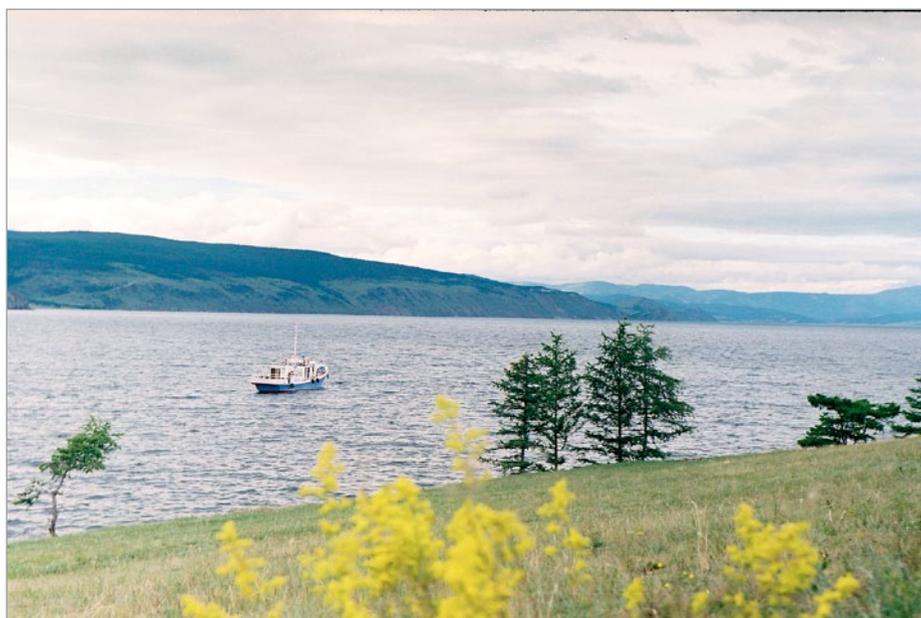
Утром встал, дождь. Виталий с Семеном проверили сети, поймали немного омуля, сварили уху. Перекусили. Пошли с Вовкой ловить щук в озерко, но сломал катушку и вернулся. Дима собрал шмотки, упаковались. Пошли. Слева на траверсе выходит северная оконечность Ольхона мыс Хабай (клык). Впереди маячит мыс Арал.

Хабай-Арал – ворота в малое море. Прошли Зундук и на косе встали!

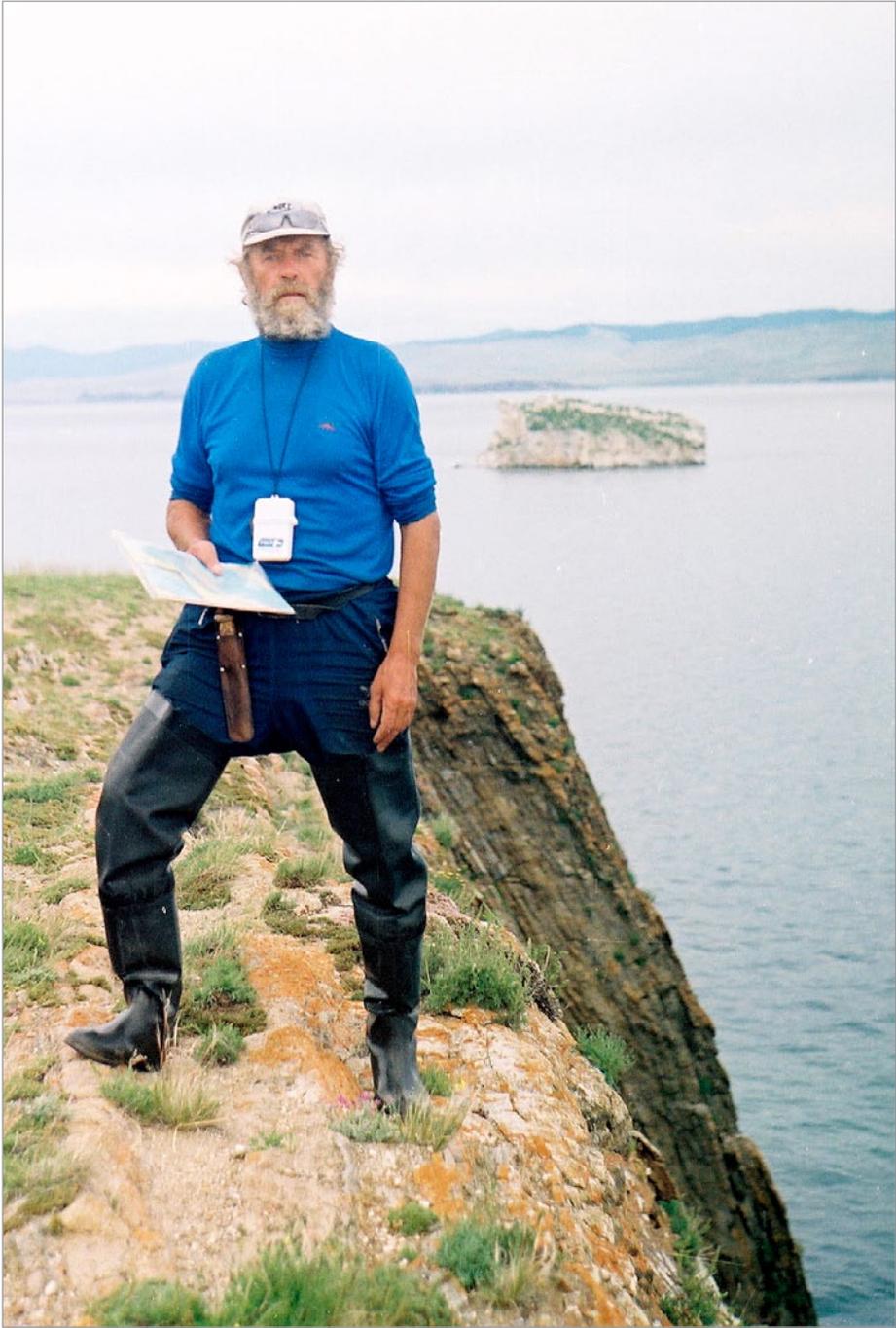
25.07.2001г. (среда)

Ночью поднялся горняк. Я утром встал и засыпал палатку галькой, чтобы не сорвало. Унесло один сидячий коврик. Палатка на ветру стояла мощно, выдерживала все натиски. Собрались и, прикрываясь бережком под Горняком, пошли. Забрызгивались, зад мокрый, но идти можно. Впереди в малом море замаячили острова и замыкающие горы. Прошли на траверсе Хужсир, мыс Ото-Хушун, мыс Улан-Ханский, Курму. На траверсе остров Баракчин, мыс Хадарта. Полазили, размялись, сделали фото и, срезав часть залива, встали под речкой Сарма!

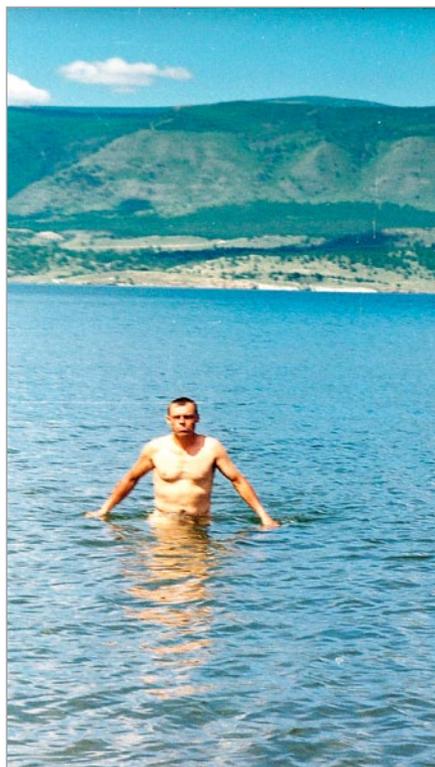
Малое море

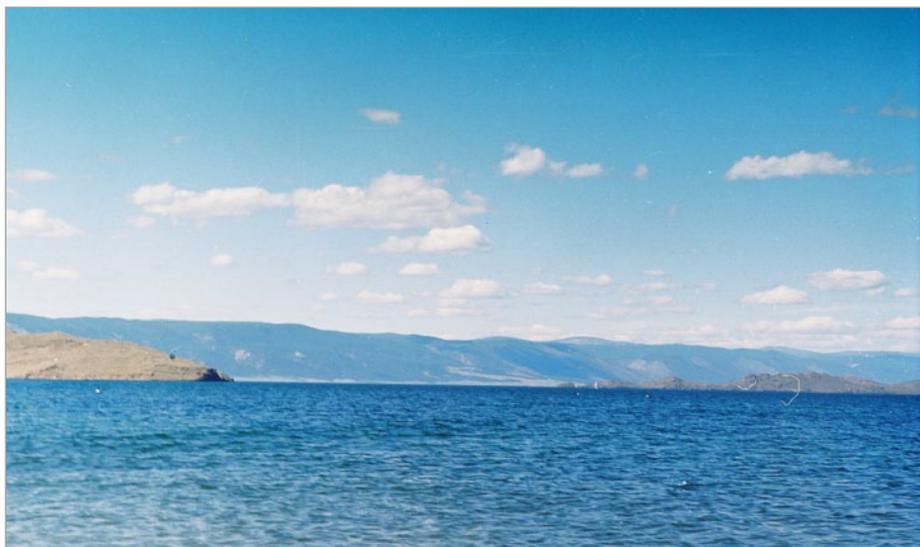

26.07.2001г. (четверг)

Остался один короткий переход до Сахюрты (МРС). Там паром и мы с Димой расстаёмся. Вышли, обошли дельту Сармы на берегу небольшая деревушка, а дальше в заливе Мухор несметное количество палаток, машин, стоянок. Пересекли Мухор на время за 18 минут. Дима искупался (символически). Стали дотягивать до Сахюрты. В ольхонские ворота дует, обходим мысочки при солидной волне и чалимся в Сахюрте. Дима сходил в магазин, подкупил продуктов: Смирновка и Адмирал Колчак (пиво), кусок ветчины на расставание, отметили. Автобус только завтра утром, поэтому решили ночевать. Встали недалеко от парома.

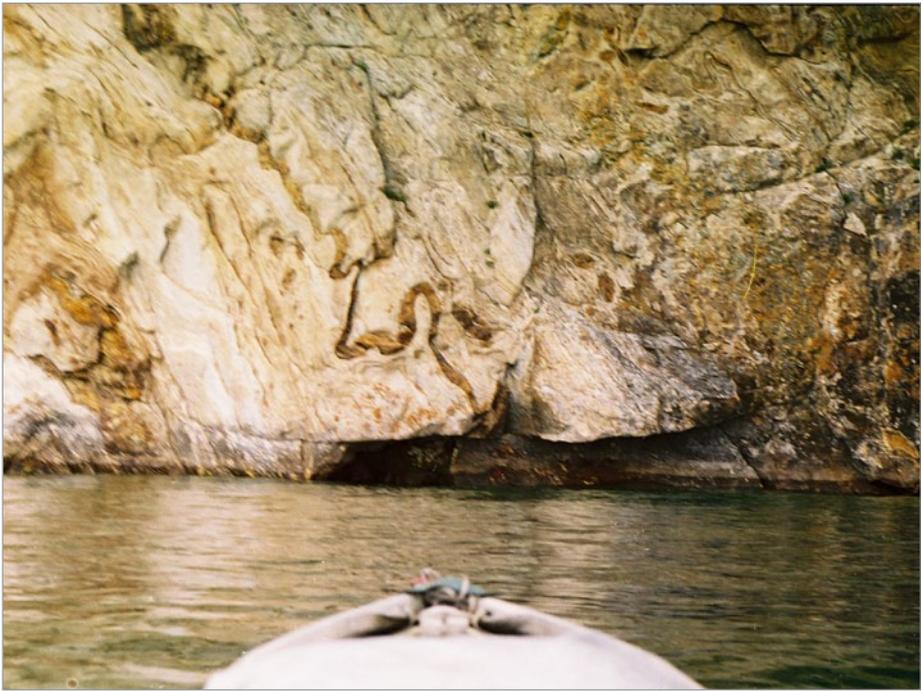
27.07.2001г. (пятница)

Утром встал в 6.00, чтобы Диму разбудить 7,35 к парому. Но пришло на пароме с Ольхона только два Камаза, на одном из которых Дима и уехал. Я вышел в пролив Ольхонские ворота за мыс Крест и встретив у мыса Улан-Нур Устьилимцев с ними хорошо начаёвничался и заночевал.

28.07.2001г. (суббота)

Утром двинулся дальше без завтрака. На входе в бухту Ая сварили чай, поел каши и пошел в Ая. Осмотрел все скалы, но рисунков наскальных не обнаружил. Вошёл в залив Усть-Анга, резанул его и за мощным скальным мысом открылся залив Бегул. С большим табором народа. Это оказался Иркутский детский лагерь «Областной лагерь приключений и открытий – Сталкер». Роман Неудачин – начальник лагеря. Меня накормили обедом и предложили остаться ночевать. Я согласился. Поговорил с ребятами, с руководителями. Психолог лагеря Ольга оказалось лет 5 жила в Кировке в Приморье. Удивлению нашему не было предела. Ольга – художник, пишет пейзажи и натюрморты. Решили попозднее с ней побеседовать. Вечером отряды представляли театрализованные пьески «Семья» в честь дня семьи. Затем до 3-х часов ночи были на тропе смелых. По возвращению со взрослыми посидели ещё у костра, затем немного вздремнули. Ольга, психолог-художник, обещала набросать залив Бегул.

Обменялся адресами с Романом Андреевичем Неудачиным.

29.07.2001г. (воскресенье)

Поднялся пораньше, собрал вещички, позавтракал на хозблоке. Жду Ольгу. Роман подарил дымовую шашку. Ольга нарисовала залив Бегул. Она правнучка художника Серова. Пошёл. Заштормило. У скалы Саган-Заба тормознулся. Снял наскальные рисунки. Переждал шторм с Пал-Палычем и Тамарой Павловной из Иркутска. Отмечали день ВМФ. Он бывший подводник, служил на лодке с нашей Р-13. Шторм не успокоился. Остался ночевать у Саган-Заба.

30.07.2001г. (понедельник)

Утром, сняв ещё петроглифы, двинулся далее на Бугульдейку. Пройдя Бугульдейку, увидел на берегу большой табор. Причалил. Оказалось это лагерь юных археологов. Руководитель Вадим Вениаминович Алтухов предложил переночевать с ними. Я согласился. Ребята помогли вытащить байдарку не разгружая.

Лагерь юных археологов Областного центра Детско-Юношеского туризма и краеведения

г. Иркутск ул. Красноказачья 9, т. 27-27-97, индекс 664007

Памятник археологии Бугульдейка-2 стоянка древнего человека. Ребята делали разрез на берегу, вскрывали культурные слои и обнаружили массу находок. Вечером сидели у костра и пели песни.

31.07.2001г. (вторник)

Сегодня лагерь снимается, закончив свою работу. Вадим подарил мне свою книгу. Обменялись адресами и я потопал дальше. Даёшь бухту Песчаную. Тяжело добрался до Песчаной. Байкал качает, пристать трудно, приходится долго сидеть в лодке. Выбросился на мелкогалечную косу. Дождь. Весь промок. Перекусил на холодную. Побегал по косе, разогрелся. У мыса Чёрного увидел

на берегу памятник и поскольку на нём было много портретов, решил подойти. На высоком берегу стоит памятник из нержавеющей стали и изображен катер с парусами и 7 портретов. Ниже табличка: Трагически погибли 02.08.1983г. и фамилии. Позже узнал, что катер в шторм перевернуло. Завернул за мыс и увидел кордон. Подошёл. Встретил егеря, зашли в дом. Там были ещё 3 студента Лесотехнического, охотоведы, проходят практику. Угостили рыбой и чаем. Виталий Павлович выписал пропуск на весь Прибайкальский парк (бесплатно). Студенты подарили банку сгущенного молока и пачку сигарет «Vond». Потопал дальше. Вышел за мыс и встретил яхточку под мотором и с лодкой на буксире. В ней два бородатых старика, как выяснилось потом, – казаки. Один художник, другой поэт – собиратель казачьих частушек. Это мне рассказал егерь Виктор на кордоне Харгино (харгин – олень или злой дух). Виктор предложил почаёвничать, но я отказался. Надо было топать до бухты Песчаная. Вышел за мыс открылась бухта небольшая, но красивая, с разнообразными скалами. Справа простенькие постройки для русских, слева хорошие для иностранцев и богатеньких. Причалил к шайлычной. Взял бутылку Балтики 3 и шашлык. Шиканул – 70 руб. спросил про Радионова – нет. Палатки в бухте ставить нельзя, да и негде. Взял ещё в шайлычной шикалик столичной и потопал вперёд. Км в 5 от бухты встал на ночлег, почти в темноте. Но была луна, и устроился нормально. В палатке зажжёг свечку и со шикаликом и банкой тушёнки отметил 2 месяца в пути.

1.08.2001г. (среда)

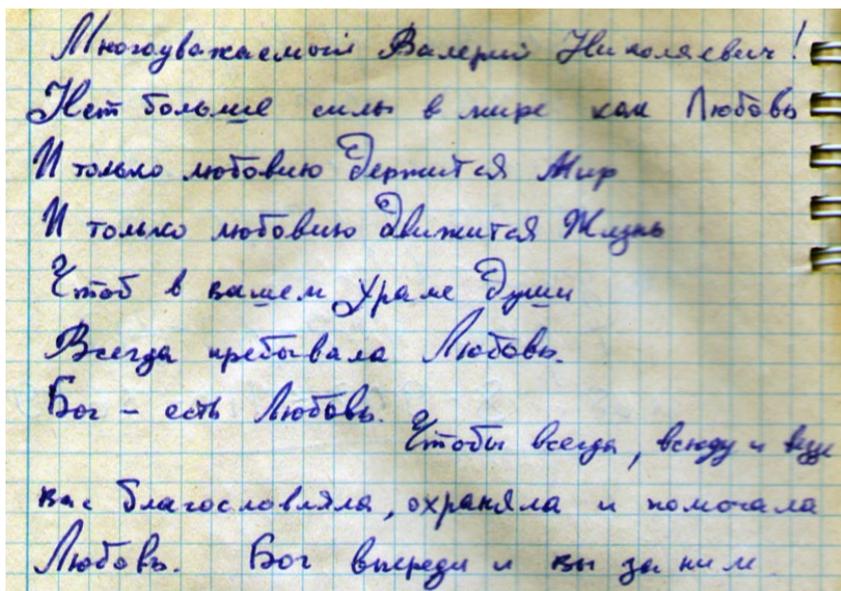
Днёвка. Отсыпаюсь. Нашел немного грибов. Пожарил картошечку с грибами. Ходовых дней осталось пять. Но думаю с погодой и Листвянкой в 10 дней уложиться. Сегодня баргузинит. Валы накатывают метровые, музыка знакомая.

2.08.2001г. (четверг)

Днёвка продолжается. Сижу под Бакланьим камнем, как баклан. Глотаю кашу. Баргузин утром сменился на култук, а затем на мощный горняк. Приходится сидеть – ждать у моря погоды. Плохо, что кончились сигареты, приходится докуривать свои окурки. Читаю книжки, накрапывает и, кажется, что уже не будет на Байкале тихой солнечной погоды. Но такое ощущение всегда бывает в ненастье.

3.08.2001г. (пятница)

Надоело бакланить у Бакланьего камня, потопал дальше. У мыса Роговик встретился с человеком в военной полевой форме при оружии. Он пригласил меня отобедать со своей командой. Оказалось, что это бойцы СОБРа проходят здесь полевые учения. Они вооружены пулемёт Калашникова, автоматы, снайперская винтовка, автомат 5.45. Отобедали плова с изюбрятиной. Ребята топят баню. И я давно не мытый решил с ними заночевать. Командир у них собровец из Иркутска подполковник Владимир Михайлович, один из Тувы – Мурат, из Хабаровска, из Читы, из Улан-Удэ. Все побывали по 2-3 раза в Чечне. Ребята стреляные, замечательные. Мурат с гитарой попел тувинские горловые песни (на кассете). Вечером пострелял из пулемета – попал, из снайперской винтовки – попал, из Макарова промазал. Трое в ночь ушли в Большое Голоустное и мы с Муратом до 3-х часов ночи ждали их возвращения, постреливая из автомата для их ориентировки. В 3 часа ночи Мурат даёт последние 3-х выстрелы залпом. А ребята оказались рядом на подходе, так они по привычке военной попадали на землю. Да перед ужином мы попарились в бане. Обменялись адресами, сфотографировались на память и пожелали:

Многоуважаемый Валерий Николаевич!
Нет больше сил в мире как Любовь
И только любовью движется Мир
И только любовью движется Жизнь
Чтоб в нашем Урале Души
Всегда пребывала Любовь.
Бог - есть Любовь. Этобы всегда, всегда и везде
как Благословляла, охраняла и помогала
Любовь. Бог впереди и вы за ним

С горячей любовью и глубоким уважением

о/у СОБР УБОП КФКМ РФ по Рес. Бурятия
Тороцин Андрей Юрьевич

Глубокоуважаемому Валерию Николаевичу
желаю удачи во всём, успехов в начинаниях,
крепкого здоровья и долгих лет жизни.

Мурат

31.07.2001 года. Трудился в буда у озера
Байкал на байдарке, я встретился у буда у озера
с ~~на~~ угасшими археологического детского-юношес-
кого лагере. Ребята работали на мейе
сиделки древнего человека 42 дня. Провели
огромную интересную и увлекательную
работу. Найдено множество находок.
Ребята очень увлечены археологией и с
большим интересом рассказывали мне
о пребывании в лагере. Выражаю большую
благодарность руководителю лагеря
Вадиму Ветамитовичу Алтухову за
представленную информацию и гостеприим-
ство. Особую благодарность выражаю за
подаренную книгу в мире человеческих
предков. Благодарен геологу-консультанту
Степану Степановичу Осаргелу за очень
необычный и увлекательный рассказ о
работе, преданной угасшим лагере.

С уважением

«Байкал-2001»

Давыдов Валерий Николаевич

456320 г. Миасс Челябинской обл. 31.07.2001.

ул. Мансева 49 кв.13 г.Т. 8-35435-

4.08.2001г. (суббота)

Утром они меня дружно проводили. Даешь Голоустное. Подошел к Большому Голоустному, причалился к яхте из Иркутска. Сходил в магазин и попал к ним на обед. Яхта – красавица! В уют-компании нас сидело за столом человек 15. Чего только там не было. Салат из кольраби, свежих помидор, рыба копченая, салат из свежей капусты. Суп с грибами и с курицей. На камбузе газ. В общем, шик. Выпили по паре рюмок столичной, обменялись адресами и я потопал дальше. Пошёл дождь. При подходе к Кадильной пади встретил идущего по берегу чеха (бармыш). О нем далее. Дошёл до кордона и причалился на ночлег у Ниловых.

5.08.2001г. (воскресенье)

Утром записали с Ниловым Виктором Адамовичем его опусы на кассету. Он в далеких корнях предков из Шведской королевской семьи. Ему 71 год. Его укусило в эту весну около 30 клещей и он переболел энцефалитом в легкой форме. Сейчас только оклемаывается. Показался вдалеке на берегу чех-бармыш. Я вышел его встретил и предложил ему до Листвянки сесть со мной в лодку. Он с радостью согласился. Я попрощался с Ниловыми и мы, упаковавшись с чехом, двинулись дальше международным экипажем. Зовут его Мартин. Живет он в 16-ти км горах от г. Яблонец, что в 120 км

от Праги. Он уже пять лет путешествует по миру. Был в 70-ти странах. На Байкал пришел из Вьетнама через Китай, Монголию и дальше пешком и автостопом до Чехословакии. Он 1966 г.р., холостой. В большом доме они с мамой держат гостиницу для туристов, которые приезжают покататься на лыжах в горах и отдохнуть летом. На часть денег от этих доходов он и путешествует.

Martin Nypl, 2001

6.08.2001г. (понедельник)

Дошли в Листвянку. Выпили пива. Пообщались со студентами. Девочки! – как говорит Мартин. Сходили в галерею. Перешли Ангару. Порт Байкал – перекур. Ночевка на косе высокой за бруствером. Разговор о смысле жизни. Луна!

7.08.2001г. (вторник)

Идем вдоль Кругобайкальской железной дороги. Сплошные туннели. Я ехал по этой дороге в декабре 1953 года. Это ровно через 50 лет после того, как построили эту дорогу. Маршрут! Сходил на станцию, купил лапшу и спирту. С Мартином гуляем. Стоим против Байкальского.

8.08.2001г. (среда)

Сегодня попробуем с Мартином достать Култук. Погода звенит. Утром я искупался в Байкале. Мартин сделал фотографию, при этом сказал, что не можно купаться в Байкале – есть холодно. Мартин достал свой фотоаппарат и стал снимать скалы туннели. Внезапно перед лодкой выглянула нерпа – потаращицалась на нас и нырнула. Мартин сказал: это был водник!! Водник делает шторм и волны и если его хорошо попросить, то он может не делать шторма и идти будет хорошо. У крутых скал развлекались эхом. Мартин удивлялся, что эхо умеет говорить по-чешски. Я назвал хозяина эхо по аналогии с водником – скальник. Потом мы придумали погодника. И желая сохранить хорошую погоду мы по утрам поднимали руки к небу и говорили ЕМУ О-о-о!! вот уже 5-ый день погода звенит. Встретили 3-х парней на высоком берегу: 2-е из Ангарска, один из Москвы автостопом. Они нас накормили варевом – гречка + лапша быстрого приготовления. Это было кстати, не надо было готовить обед. Сделали на память фото в стиле «Девушка с веслом». Заглянув за мыс нам открылся култук южной оконечности Байкала с посёлком Култук-таун. Подошли к мужику, собиравшемуся на рыбалку. Я отправил Мартина в магазин купить что-нибудь на ужин. Мартин пришёл из магазина с удивительным возгласом: капитан!

Ты зачем послал меня в магазин!? – там такие дЭвочки!!! Я выпил тут же принесенную Мартином бутылку пива Балтика №3. Уже густо вечерело и мы пошли в поисках места для ночлега. Пройдя причал, долго топали по отмели до последнего мысочка перед Слюдяной. На мысочке стояло множество палаток и я ткнулся в край закутка култушины на пятачок рядом с болотом. Стоянка приобрела название «tualet». С дЭревом для костра дело швах из-за ограниченного пространства и большого количества стоявших здесь туристов. Но наскрѐб немного веточек и ужинали мы с Мартином у костра. «Колинка» – это макароны с кетчупом. Света луны дожидаться было уже поздно и отчалили на ночлег в темноте. Спали спокойно и очень долго.

9.08.2001г. (четверг)

Встали поздно. Я вскипятил чай. Завтракали банкой шпрот и пэрники. Долго я избавлялся от ненужного барахла, сжигая всё в костерке. Как-то тяжело расставаться с вещами, которые с тобой были подолгу в дороге – как будто расстаешься с кусочками жизненного пути, как бы уменьшая его с чувством, что остается всё меньше и меньше. Надо в таких расставаниях увидеть другую психологию. Например: с радостью расставаться как бы пополняя-передавая – эти вещи в другое измерение, где будут дру-

гие дороги и другие встречи и другие необходимости в них (в этих вещах). И тогда, возможно, не будет этого тяжелого осадка на душе. Закончив избавление от лишнего, мы отчалили с Мартином на ЗАВЕРШЕНИЕ моего КРУГА.

Осталось 3 км из 2100 километров. Пройдя неторопливым парадным маршем вдоль Слюдянки, я подошёл к тому месту, откуда начинал 70 ДНЕЙ назад. Спросил Мартина:

- Знаешь сколько осталось до того, чтобы замкнуть круг?
- Сколько?
- 10 м е т р о в !

И мы медленно вошли в парк под мостик и выгрузились на берегу парковой «лужи», откуда я стартовал 1 июня. Мартин сходил на вокзал Слюдянки и принес два пива «Балтика №3», два омуля горячего копчения (я отдал ему свои последние 50 рублей), и бутылку молдавского вина «Для милых дам». И при моем сложном переводе на чешский язык выпили за дэвочек (за милых дам) вино под омуля за окончание моего круга. Мартин искренне восхищался: – **ТЫ ЕСТЬ БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК!** Ты прошёл Байкал! Ты выполнил свою мечту!

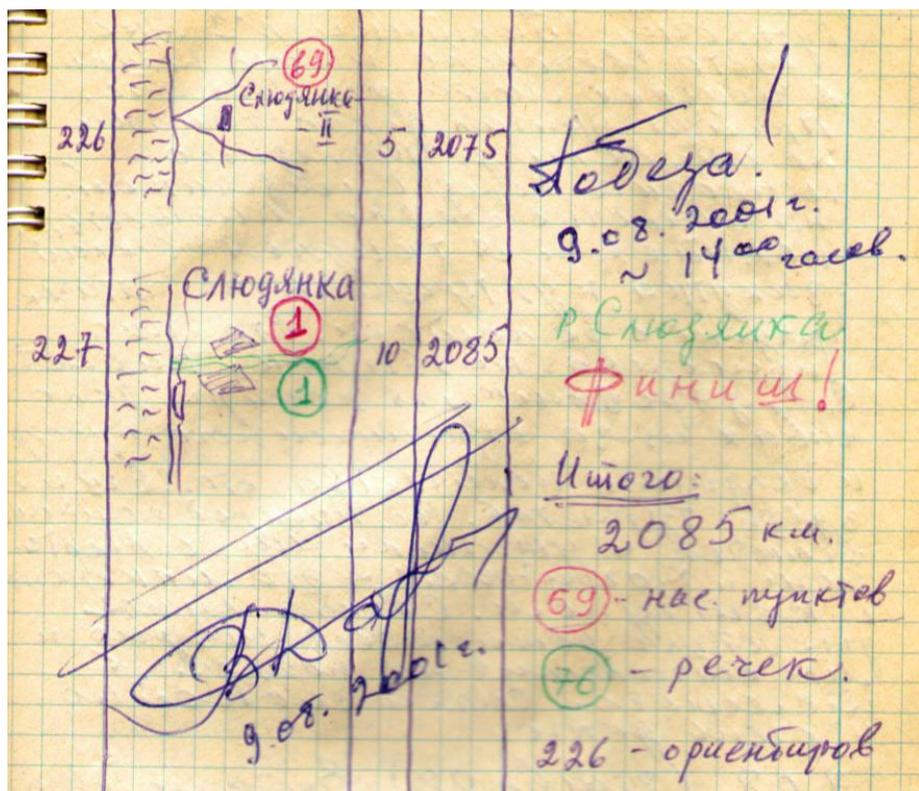
И он был прав! Человек, который прошел 70 стран мира – видевший всё и вся, искренне восхищался, что я прошёл весь Байкал на весле. Это есть маленький, но большой успех.

Затем я неторопливо упаковал вещи, Мартин отдыхал на полистироловом коврикe. Ходил по парку. Балагурил с трехлетним Егором. Заканчивая сборы и не найдя места для одеяла я пошёл в соседний дом к Николаю и подарил ему одеяло (стеганное верблюжье). Он в ответ дал мне 3-х омулей горячего копчения, двух омулей соленых. Мартин сходил в киоск в парке за пивом «Балтика №3» и мы съели с пивом два омуля. Одного я отдал ему, а два соленых взял себе. Он глядя на соленых омулей и не понимая, что их можно есть, восклицал: – Это не можно кушать!

Потом Мартин помогал мне тащить до камеры хранения мою поклажу, взвалив на свой рюкзак добрых 30 кг. При его телосложении в 60 кг это было ему тяжело, но он стоически перенес тяготу и не позволял себе помочь. Затем он долго изучал карту России и спрашивал у меня совета: Якутск – хорошо? Владивосток – надо ходить? И мы вместе выбрали его дальнейший маршрут по России: Слюдянка-Красноярск-Дивногорск-Столбы-Новосибирск-Алтай - Урал-Черное море (Сочи) и через Польшу в Чехию.

Он с воодушевлением прогнозировал как он от польской границы до собственного дома (примерно 16 км) будет идти пешком, заканчивая свой долгий круг по миру!

Взяли ему билет до Красноярска – самый дешевый – за 300 рублей и он пошел ночевать за город, а я направился к Жигалову. Устроился на ночлег на том же месте, откуда уезжал.

10.08.2001г. (пятница)

Сходил с утра дал телеграмму. Занял 50 руб у Любы. Купил лаваш и бутылку пива. Сел на вокзале и ел лаваш на двоих с собакой. Потом пошёл домой отсыпаться. Вечером побеседовали немного с Жигаловым о смысле жизни, точнее об отношении к ней. Погода начала портиться. Пошел дождичек, но пока тепло.

11.08.2001г. (суббота)

Сегодня в 15.00 Мартин уезжает в Красноярск. Надо его проводить. Пошел утром получать перевод. Перевод пришел (молодец Зайка!), но денег в наличии не оказалось.

Пришлось уговаривать девушек выдать перевод по частям, чего им делать не положено. Но все-таки выдали 1,5 и 0,5 договорились вечером. На билет ушло 850, на хранение багажа 150, у Жигалова жилье и машина 300. Вот, считай, и нет денег. Да еще за багаж 300. выпить не на что. Купил с трудом билет, упаковал и сдал багаж. Стал ждать Мартина – оставалось примерно два часа. Вышел на перрон и неожиданно встречаюсь со знакомыми лицами: Роман и Светлана – лагерь «Сталкер». Радости с обеих сторон целая куча. Пошли на мое стартовое место и устроили сборный обед. Пили бурятский напиток, сделанный из сыворотки молока – вкус специфический, называется тарасун. Роман со Светой едут в другой лагерь на речку Выдрянную, снова работать с детьми. Подошел Мартин, но к нам не присоединился, сказав, что ему надо попрощаться с Байкалом. Улегся на парапете на берегу и долго смотрел на Байкал.

Пора уже было двигаться к поезду Мартина, а Роману – на электричку. Поезд Мартина опаздывал и мы с ним попрощались с надеждой встретиться на Урале в начале сентября. Мне надо было успеть на почту до 18.00 и взять свои оставшиеся деньги – 500 рублей. Купил булку хлеба, две лапши быстрого приготовления. И прикинув деньги, чтобы хватило на постель в поезде, купил бутылку водки на прощание с Жигаловым. Сфотографировались – как он сказал: с президентом не стал бы фотографироваться, а с тобой стану. Договорились, что утром в 6.00 отвезет до вокзала на машине.

12.08.2002г. (воскресенье)

Утром Жигалов разбудил. Довез до станции. Сказал – жду фото. Попрощались. Поезд вовремя! Ту-ту! домой! тоска ехать в поезде – безделье, то ли Байкал! Всегда в деле, всегда новые декорации, дела.

13.08.2001г. (понедельник)

Тоска в поезде. Читаю «Путешествие в страну мраморных гор».

Поход по Приморью

С тайменем, приполярный Урал, 1972

Окрестности города Миасс

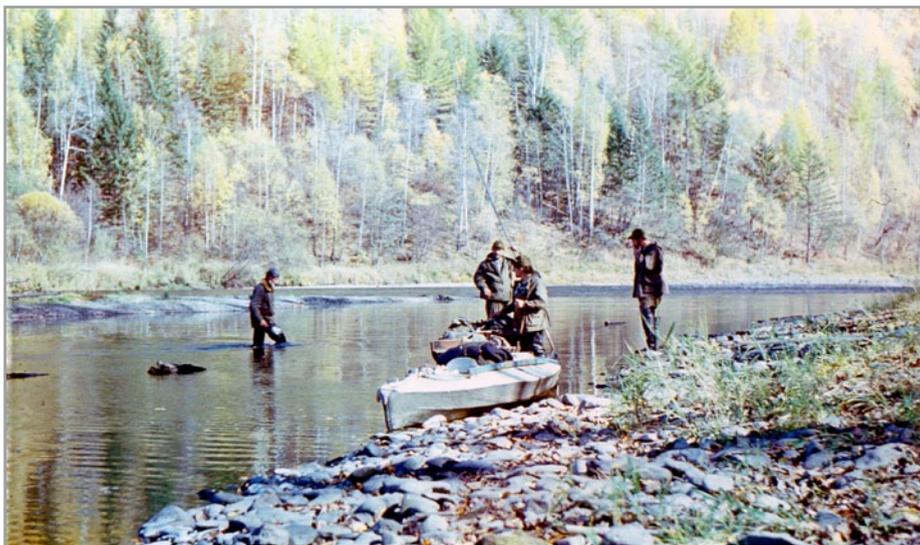

*Гора Нургуш, 1406 м, высшая точка
Челябинской области*

Приморье, конец 60-х

Подъём на Сихотэ-Алинь

Малогрошевы, 2007 год, деревня Курбулик

Борис Гришай на Тихом океане

Сосулька в районе озера Зюраткуль

Дмитрий, Денис и Валерий Давыдовы, 1986

Велопробег Хабаровск - Владивосток, 1960, 443 км

Все трудности позади и теперь можно спокойно ехать домой, сентябрь 1967

Шерегеш, середина 1990-х годов

Гаврош на пенсии

Киалимский кордон

Секретарь судейской коллегии на кайтовых соревнованиях, Тургойак, апрель 2009, фото Георгия Лазарева

В гостях у Мартина, Чехия, март 2002

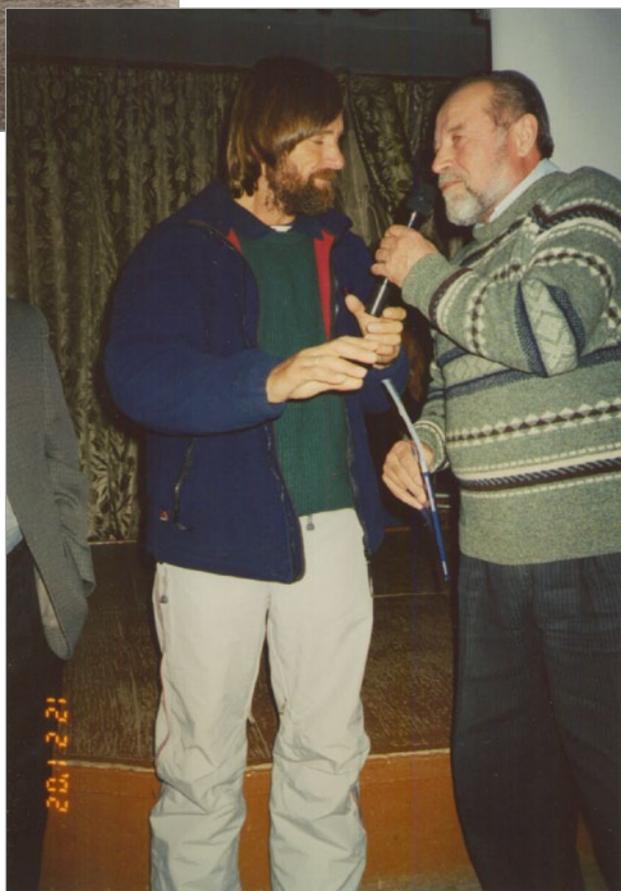
Построение участников ралли перед стартом, Миасс, начало 1980-х

Судейская перед ралли, Миасс, начало 1980-х

*Хабаровский авиаклуб,
около 1960 года*

Встреча с Фёдором Конюховым, Миасс, школа №10

Федор Конюхов и Денис Давыдов, апрель 2012

Часовня Святителя Николая Мирликийского Чудотворца в память о погибших моряках и путешественниках, Москва, ул. Садовническая, дом 77, строение 4

Я посетил места священного Байкала

Я посетил места священного Байкала,
Где памятно и много лет назад
Мой лучший друг с далёкого Урала
Встречал рассвет и провожал закат.

На память о Байкале и о друге
Взял семена с собою на Урал
Цветов, которых я во всей округе
На родине ни разу не встречал.

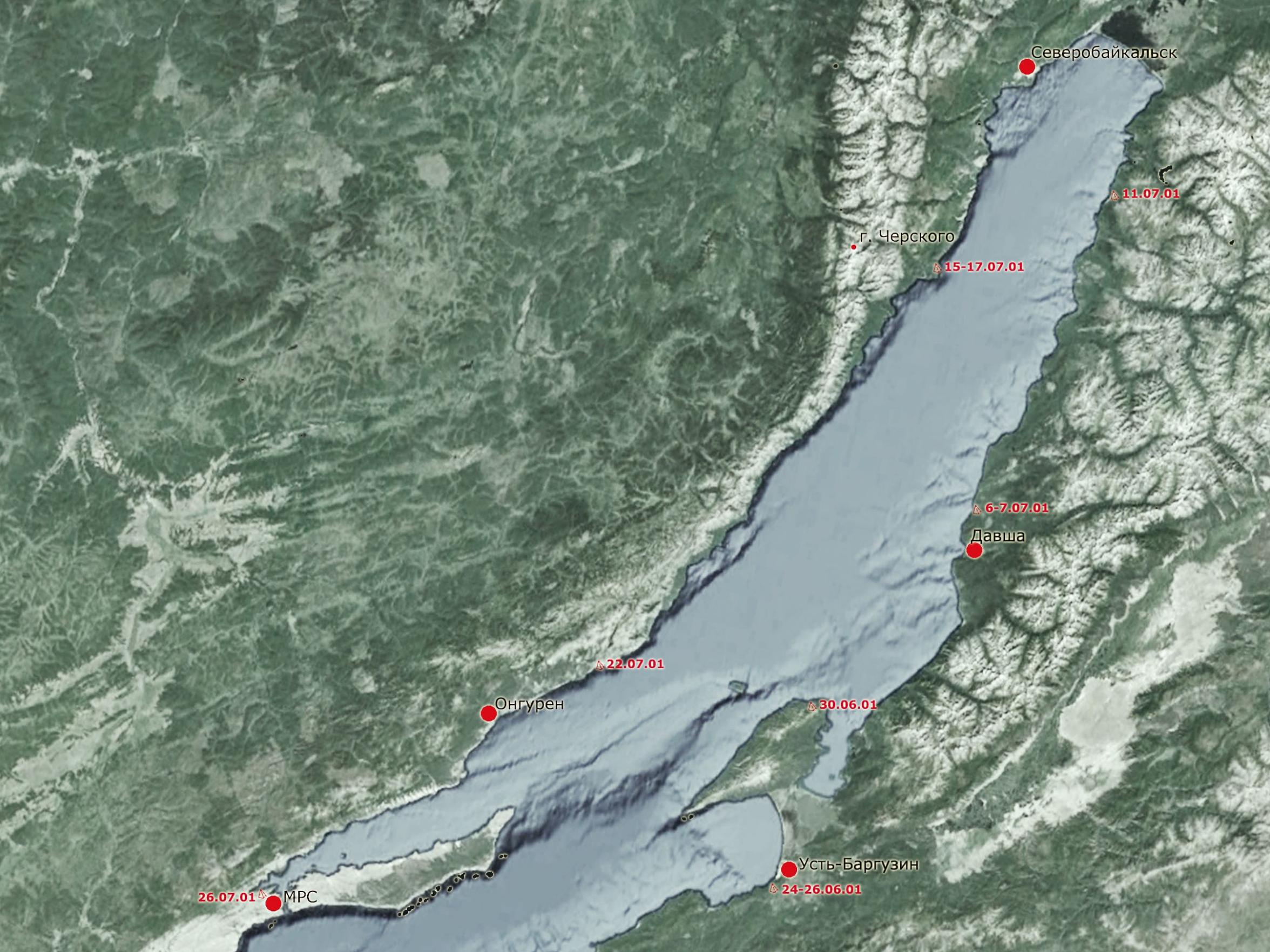
И через год поблизости к дорожке
Как лучик солнечный, как утренний привет,
Сквозь зелень на высокой тонкой ножке
Вдруг вспыхнул яркий долгожданный цвет.

Мне жёлтый цвет – знак верности в разлуке
(Чего не каждому из нас дано сберечь)
И знак предчувствия и ожидания муки
Всех долгожданных предстоящих встреч

Я полюбил лимонно-желтый цвет...

Б. Гришай

Северобайкальск

11.07.01

г. Черского

15-17.07.01

6-7.07.01

Давша

22.07.01

Онгурен

30.06.01

Усть-Баргузин

24-26.06.01

26.07.01 МРС

